Андрей Астахов

Главное задание

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Компьютерные игры — увлечение миллионов. Они могут приносить удовольствие и радость, развивать и зачаровывать. Но еще они могут быть очень и очень опасными. Особенно если по необъяснимой причине игрок оказывается внутри самой игры, и неизвестные силы делают его участником Главного Квеста — новой игры с неясной целью, которая происходит уже не на экране дисплея, а в реальности. Что это: забавное приключение, возможность пощекотать нервы и на деле испытать все то, что происходит в виртуальном мире игры — или нечто большее, смертельно опасная битва на выживание? Все это выпало на долю простого и совсем не суперменистого парня Лехи Осташова. Его Главный Квест начался с обычной ошибки компьютера, и никому не известно, чем он закончится.

- Андрей Астахов
  - Глава первая. Электронная почта
  - Глава вторая. Консультант
  - Глава третья. Выбор профиля
  - Глава четвертая. Завещание папаши Пертинакса
  - Глава пятая. Трактирщик и кузнец
  - Глава шестая. Бренные останки
  - Глава седьмая. Людомеды
  - Глава восьмая. Мадам Франсуаз
  - Глава девятая. Захариус Сто Бутылок
  - Глава десятая. Амулет Венсана Уйе
  - Глава одиннадцатая. Новая путеводная нить
  - Глава двенадцатая. Замок
  - Глава тринадцатая. Баронесса Гранстон
  - Глава четырнадцатая. Хатч
  - Глава пятнадцатая. Невеста для лоха
  - Глава шестнадцатая. Зомби в библиотеке
  - Глава семнадцатая. Саграмор
  - Глава восемнадцатая. Имперский маг
  - Глава девятнадцатая. Эльфийский обряд
  - Глава двадцатая. Мастер и Марика
  - Глава двадцать первая. You`re In The Army Now
  - Глава двадцать вторая. Волки Саграмора
  - Глава двадцать третья. Битва на реке Марене
  - Глава двадцать четвертая. Эльфийская легенда
  - Глава двадцать пятая. Стой, стрелять буду!
  - Глава двадцать шестая. Сержант Тога Мейсон

- Глава двадцать седьмая. Крупный разговор и «Мустанги»
- Глава двадцать восьмая. Некоторая ясность
- Глава двадцать девятая. Капрал Кляйнбах
- Глава тридцатая. Заброшенный могильник
- Глава тридцать первая. ReadMe
- Глава тридцать вторая. Желтый фургон
- Глава тридцать третья. Операция «Чоп-пойнт»
- Глава тридцать четвертая. Порталы ада
- Глава тридцать пятая. Замок вампира
- Глава тридцать шестая. Рыцарь Полуночного Грома

Андрей Астахов
ГЛАВНОЕ ЗАДАНИЕ

Моему кузену, который наверняка узнает себя в одном из героев этого романа, а также всем моим знакомым геймерам.

ВНИМАНИЕ! *Все события, изображенные в настоящей книге, являются вымышленными. Любое сходство с реально существующими людьми, персонажами, компьютерными играми и технологиями, случайно и не является скрытой или явной рекламой.*

Глава первая. Электронная почта

Этот парень без «мыла» в чат залезет.

К этой битве я готовился особенно тщательно. Для начала просмотрел магические предметы из своей сумки, прикинул, что лучше подойдет к случаю. Кольцо элементального щита отмел сразу, ожерелье выносливости тоже — эти штучки хороши, когда работаешь против магов. Кольцо Физической Силы, конечно, даст бонус к наносимому урону, но и оно не подойдет. Подумав, я выбрал Браслет Несокрушимого Здоровья (все-таки 50-типроцентная устойчивость к любым болезням) и бесшумные сапоги. Очень жаль, что моей маны недостаточно для того, чтобы использовать более двух магических предметов. Но ничего, постараюсь обойтись и ими.

Доспехи я выбрал нордические, самые прочные. Собственно, других у меня и нет — эльфийские латы я толкнул знакомому торговцу еще два дня назад. Так уж получилось: едва я сунулся в Топкие болота, как меня взяли в оборот бохланские тролли, которых там полно. Уж не знаю, с какого боку-припеку они обосновались на болотах, но факт остается фактом — чертовы зверюги напали на меня, и драка получилась жаркая. Я убил семь троллей, но проклятые твари успели загрызть мою лошадь, моего Халифа, за которого я отдал торговцу в Тайнхолле аж три тысячи монет. Так что сразу по возвращении в столицу пришлось избавиться от кое-какого лишнего имущества. Без лошади я не воин. Чертовски не хочется топать пехом от города к городу, как это было в самом начале моей карьеры. Естественно, что полный комплект эльфийских доспехов и два орочьих кинжала-косторуба ушли со свистом — торговец из «Железной руки» вцепился в них мертвой хваткой и даже накинул мне двести монет к первоначальной цене. Хотя я знаю, сукин сын меня все равно надул, на три сотни, не меньше. Зато теперь я был при деньгах и сразу отправился на рынок покупать лошадь. Сторговал там рыжего мерина за тысячу пятьсот монет — а что было делать? На такого коня как бедный покойный Халиф я еще долго не заработаю. А доспехи — ну да Бог с ними. Нордические доспехи прочнее эльфийских, да еще и черные, не отражают света. Самое то для работы, которую мне необходимо выполнить.

Сенсей на этот раз не встречался со мной лично — просто оставил записку в «Золотом павлине». В записке было только имя

клиента и место, где мне его искать: «Граф Николае Радулеску, замок Чоп, восточная Коловашия». Более подробную информацию мне сообщил мой главный консультант в столице, адвокат Фальконе. От него я узнал, что этот самый Радулеску — вампир. Причем очень могущественный. И что в замке Чоп уже давно обосновалась дружная вампирская компания, которая, как я понял, кому-то перешла дорогу. Поскольку к записке Сенсея были любезно и своевременно приложены двести полновесных необрезанных дукатов, я решил побыстрее разделаться с этим контрактом и отправился в Коловашию. А там, пошатавшись по кабакам и рынкам в окрестностях Чопа и порасспросив местных, в деталях обдумал план операции. И вот, я наконец-то почувствовал, что вполне готов действовать.

Итак, я облачился в нордические доспехи, только вместо латных сапог надел бесшумные. Теперь следовало определиться с оружием. У меня в распоряжении два меча — бастард из ледяной стали и орочий ятаган, которым, при известном навыке, можно с одного удара снести башку троллю. А еще у меня есть арбалет и к нему полсотни стрел. Вообще-то, когда имеешь дело с вампирами, меч не лучший выбор. У этих тварей отменная реакция и без специальных зелий лезть с ними в ближний бой — один из лучших способов самоубийства. Особенно в этом плане неприятны гаркаины и гарпии, так рвут когтями, что даже от гномских кольчуг остаются одни лохмотья. Как я понял, граф Николае высший вампир, стало быть, настоящий сноб. Этот, конечно, не будет стараться разорвать меня в клочья, напав из-за угла, постарается прикончить меня в честном поединке, согласно всем правилам вампирской чести, но зато один его укус, одна царапина от клыков — и прости прощай, солнышко, здравствуй, спальный гробик. Так что, пораскинув мозгами, я остановился на арбалете. Парализующего яда для стрел у меня в избытке, хватит на всех вампиров Коловашии.

В замок я проник без особых проблем, через канализацию. Правда, пришлось повозиться с замками — все они от времени так проржавели, что я изломал не меньше десятка отмычек. Во дворе замка я без шума и пыли прикончил какого-то пентюха, который принял меня за своего сменщика и попытался со мной заговорить. Обшарил его карманы, но они были пусты. У входа в донжон нежилась в лунном свете парочка гаркаинов, и я сильно подпортил им удовольствие. Клыки гаркаинов я забрал — торговцы за них хорошо платят. Открыв дверь, я проник в донжон, и здесь началось самое интересное.

На первом этаже я пристрелил какую-то блондинистую красотку-ламию в шикарных алмазных доспехах — видимо,

телохранителя Радулеску. Ее амуниция тянула по моим подсчетам на две с половиной тысячи дукатов, так что я прихватил доспехи с собой. Потом, уже на втором этаже, двумя стрелами я пришпилил к стене галереи унылого синерожего эльфа-носферату — судя по содержимому его сумки, это был вампир-целитель. По витой лестнице я поднялся на третий этаж. Здесь вроде было тихо. Короткими перебежками я добрался до спальни графа, вставил отмычку в замок. Замок щелкнул и…

Дисплей погас. Минуту спустя чернота сменилась рабочим столом и уведомлением о том, что в приложении обнаружена ошибка.

— Вот сука! — Я чуть не плюнул в дисплей. — Опять на этом же месте! Блин, завтра отвезу диск в магазин, пусть его в жопу себе засунут!

Моя охота на вампира Радулеску закончилась самым неприятным образом. Играть больше не хотелось. К тому же, часы показывали начало пятого. Я опять засиделся за компьютером до утра.

С недавних пор я понял, что у холостяцкого образа жизни есть одно великое преимущество. Можно сутками сидеть за компом, и никто тебе не скажет, что ты маньяк и тебе пора к психиатру. Только ради этого можно оставаться холостяком.

И все-таки надо поспать. Пусть сейчас лето, я в отпуске, но отдыхать надо даже от великой битвы за спасение виртуальной империи. Компьютеру тоже нужен отдых. Вот только напоследок проверю свою почту.

Ага, три новых сообщения. Я поморщился — одно из них приглашало меня посмотреть приватное видео, как блондинки без комплексов проводят уик-энд. Удалить. Второе реклама нового супермассажера. Отправляем следом за первым.

Третье сообщение было от какой-то компании «Риэлити». Предложение интересной высокооплачиваемой работы. В экзотических странах. Интересно, в каких? Кыргызстан, Таджикистан, Буркина-Фасо?

Машинально я перешел по ссылке. В дисплей медленно и торжественно вплыл логотип «Риэлити» — изображение римского бога дверей, двуликого Януса. Я хмыкнул. Много лет назад мой одноклассник на уроке истории назвал этого бога двуликим Анусом. А потом пошел текст. Я читал и чувствовал, что волосы у меня на голове начинают шевелиться.

МОЙ ДРУГ! ВАШИ ДЕЯНИЯ НЕ ОСТАЛИСЬ НЕЗАМЕЧЕННЫМИ. У ВАС ЕСТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ДОКАЗАТЬ, ЧТО ВЫ ЛУЧШИЙ. НАША КОМПАНИЯ

ПРЕДОСТАВЛЯЕТ РЕАЛИЗАЦИЮ ВАШИХ ВИРТУАЛЬНЫХ ФАНТАЗИЙ. ВЫ МОЖЕТЕ ЗАКОНЧИТЬ ВАШУ ИГРУ В РЕАЛЬНОМ ФОРМАТЕ И ПОКОНЧИТЬ С РАДУЛЕСКУ. МЫ ГОТОВЫ ПОМОЧЬ ВАМ. ЕСЛИ ВАС ЗАИНТЕРЕСУЕТ НАША ИНФОРМАЦИЯ, ПРИХОДИТЕ СЕГОДНЯ В 16.00 В КОМПЬЮТЕРНЫЙ МАГАЗИН «ВЕГА», УЛИЦА ГЕРОЕВ КОСМОСА, ДОМ 7, КОРПУС 1 (СТАНЦИЯ МЕТРО «КОНЕЧНАЯ»)

Я встал из-за стола, вышел в ванну, несколько раз умылся холодной водой, вернулся и снова посмотрел в дисплей. Текст оставался на своем месте. Значит, это не сон. Тогда одно из двух — либо начались серьезные глюки, и мне пора завязывать с ночными сидениями в мире РПГ, либо…

Либо это приглашение существует на самом деле. И единственный способ убедиться в его реальности — это съездить по приложенному адресу.

Глава вторая. Консультант

А если окажешься внутри системника, там где «Интел», то перестанешь быть идиотом снаружи?

В магазин «Вега» я приехал с опозданием на пять минут. Заведение оказалось довольно респектабельным — евроинтерьер, приличная техника на стеллажах, хороший выбор комплектующих. С минуту я расхаживал вдоль стеллажей, делая вид, что интересуюсь товаром, а между делом поглядывал на продавцов — в них не было ничего необычного. Молодые ребята, таких увидишь в любом компьютерном магазине. Девушка за кассой откровенно скучала. Наконец, я решился.

— У вас есть салфетки для мониторов? — спросил я светловолосого парня, сидевшего за компьютером у входа в торговый зал.

— Конечно. Есть «Мираклин», а есть дефендеровские. Вас какие больше устроят?

— Вообще-то я пришел по электронному письму, — сказал я и идиотски улыбнулся.

— О, как я сразу не понял! — Парень сразу оживился. — Подождите минутку, я сейчас.

Он вышел из зала в боковую дверь. Я уставился на разложенные в витрине наушники, но все мои мысли были совсем о другом. Было ясно, что со мной происходит что-то очень странное. Но вот что?

Продавец вернулся буквально через несколько секунд.

— Идите за мной, — предложил он.

Вместе с парнем я вышел в боковую дверь и оказался в складском помещении, до самого потолка уставленном ящиками и коробками с компьютерным железом. Потом мы вошли в еще одну дверь, спустились по лестнице в подвал. Здесь меня уже ждали. Человек средних лет в свитере и джинсах знаком отпустил продавца и с улыбкой сказал:

— Здравствуйте, мой друг. Очень рад, что вы пришли.

— Добрый день, — ответил я без улыбки. — Я пришел, потому что…

— Конечно, вы получили мое сообщение. Наверное, оно вас удивило.

— Не то слово. Хотелось бы услышать объяснения.

— Разумеется. Присаживайтесь, в ногах правды нет.

Я сел на конторский стул, человек сел напротив меня. Пару мгновений мы изучающе друг на друга смотрели.

— Я жду, — не выдержал я.

— Конечно, конечно… Возможно, вас немного удивит то, что я скажу. И даже испугает. Но хочу сразу вас уверить — все, что вы сейчас услышите, не есть плод вашего воображения. Я прекрасно понимаю, о чем вы думаете. Вы беспокоитесь за свое… психическое здоровье. Уверяю вас, вы абсолютно здоровы.

— Я не понимаю.

— Сейчас поймете. Я знаю, что вы любите поиграть в… одну очень популярную игру.

— Ну и что?

— Я Консультант. Моя работа заключается в изучении тех, кого вы называете геймерами. Нам очень интересна мотивация геймеров, степень их перевоплощения в игре, развитие их личности. Вы же не будете отрицать, что это интересно?

— Кому это «вам»?

— Представителям игрового мира. Или, если хотите, виртуальной реальности.

— То есть, вы представитель компании. К чему тогда этот бред про графа Радулеску?

— Это не бред. И я не представитель компании. Компания «Риэлити» всего лишь наш дилер. Я представляю игровой мир.

— Так-так, — я почувствовал, что чувство реальности меня снова начинает покидать. — Здесь можно курить?

— Курите. А пока вы будете курить, попытаюсь вам кое-что объяснить.

— Уж будьте любезны.

— Начнем с того, что ваш мир — всего лишь малая часть гигантского мироздания, которое можно условно назвать Большой Ойкуменой. Все эти миры между собой не связаны и соприкасаются лишь через информационное поле. Создав компьютеры, человечество смогло значительно расширить свои информационные возможности. В частности, у него появилась возможность воплощать те смутные информационные образы, которые человек всегда мог бессознательно получать в общем поле Ойкумены. Сны, видения, фантазии, наркотические галлюцинации, если хотите. Вольно или невольно человек пытается запечатлеть эти фантазии, придать им образ, доступный его органам чувств — именно поэтому появилось искусство. Вы никогда не задумывались над тем, что все, что вы видите на картинах художников, о чем читаете в книгах, не есть плод пустой фантазии, а существует на самом деле? То есть, даже

самые фантастические идеи и образы возникают не сами по себе, а потому, что у них где-то есть реальные прототипы.

— Эту гипотезу я уже где-то слышал, — я нервно докурил сигарету и зажег новую. — Или читал о ней. По моему, у Пристли.

— Верно, она довольно известна. Только это не гипотеза, а реальный закон существования вселенной. Императив, как сказали бы философы. Пока человеческие технологии были примитивными, информационный обмен между мирами был эпизодическим и случайным. Такой обмен был уделом визионеров — лиц, наделенных особыми способностям. Пророков, поэтов, ясновидцев. Он не мог повлиять на развитие событий ни в одном из миров. Однако с появлением компьютеров и компьютерных сетей положение изменилось. Информационное поле стало настолько насыщенным, что те образы, которые раньше были уделом одиночек, стали доступны миллионам. И особенно это касается компьютерной анимации и компьютерных игр. Они позволили с такой реалистичностью воссоздать параллельные миры, что это увлекло в них миллионы желающих пожить в них — тех, кого вы называете геймерами, а мы называем Пришельцами.

— Разве это плохо?

— Как посмотреть. Для вашего мира, наверное, хорошо. У вас появилась возможность разнообразить свой досуг и наконец-то с высокой степенью достоверности увидеть то, что раньше было доступно только духовному взору особо одаренных людей. Но для нас… Пришельцы ведь бывают разные. Некоторые из них ставят под угрозу само существование других миров.

— В смысле?

— Вы игрок. Вы попадаете в некую виртуальную страну А, проходите квест за квестом и в конечном итоге становитесь, к примеру, королем этой страны. Задумывались ли вы над тем, что в том мире все эти события могут дублироваться в реальности? Что ваш виртуальный двойник, наделенный вашими способностями, интеллектом и знаниями, талантами и энергетикой ДЕЙСТВИТЕЛЬНО становится королем? Вторгается в чужую реальность, меняет ее, перекраивает весь ход событий? Что он в самом деле начинает править совсем не в виртуальном мире, решать его судьбы? Но это еще не так страшно — может, из вас выйдет совсем неплохой король. Теперь представьте, что произойдет в нашем мире, если в нем появится, к примеру, геймер-вор, геймер-убийца, геймер-некромант, геймер-Темный Мессия?

— Какая чушь! Неужели вы считаете, что я поверю в этот

бред?

— Дайте другое объяснение, почему вас сюда пригласили.

— Вы просто мошенник. Залезли в мою машину по сети, скачали данные, разобрались в них и теперь дурите мне голову. Только вот с какой целью, не пойму. Денег у меня нет, так что…

— Я не сказал самого главного. Я вызвал вас сюда для того, чтобы предложить вам настоящий квест. Вы сможете испытать себя в НАСТОЯЩЕЙ игре и окажете огромную услугу моему миру. Награда за прохождение игры будет достойна вас.

— Награда?

— О ней мы поговорим позже. Но уверяю вас, награда очень достойная. Многие могут о ней только мечтать.

— Ваш квест я мог бы пройти и дома, сидя за своим компом, — сказал я, размял сигарету в пепельнице и встал со стула. — Счастливо оставаться, Консультант. Из-за вас придется сменить электронный адрес.

— Еще секунду. Мне очень жаль говорить об этом, но вы не сможете просто так уйти.

— Что? — Я попятился к стене, полез в карман за коммуникатором. — Я звоню в милицию.

— Извольте, — Консультат встал, скрестив на груди руки.

Я начал набирать номер, но тут увидел предупреждение на дисплее трубки. Связи с оператором не было. Ничего, попробуем поблефовать.

— Алло, милиция! — крикнул я в мертвую трубку, приложив ее к уху. — Мне нужна помощь. Попытка похищения. Улица Героев космоса, дом 7, корпус 1, компьютерный магазин «Вега». Все совершенно серьезно. Прошу вас поторопиться. Уже едете? Спасибо, жду вас… Ну что, они сейчас будут. Разойдемся без проблем?

— Вот поэтому мы и решили остановиться на вашей кандидатуре, дорогой Алексей Тимофеевич, — сказал Консультант, улыбаясь. — Вы отменный актер и у вас очень высокий уровень интеллекта. Видите, как вы быстро сориентировались в непростой ситуации.

— Сейчас приедет милиция, тогда поговорим.

— Никто не приедет. В нашем мире нет сотовой связи. И милиции нет.

— В вашем мире?

— Ага. Выгляните вон в ту дверь. Если она ведет на Улицу Героев Космоса — прощайте! Обещаю, мы вас больше никогда не побеспокоим.

Больше из любопытства, чем подчиняясь словам странного Консультанта, я подошел к нарядной деревянной двери (как я

сразу ее не заметил, когда входил в этот закуток?), потянул за бронзовую ручку. Дверь открылась. В лицо мне ударил яркий солнечный свет. За порогом двери был самый настоящий летний лес.

— Мать твою тру-ля-ля! — вырвалось у меня.

— Я же говорил вам, — произнес Консультант с некоторым упреком в голосе.

— А эта дверь? — Я показал на дверь в противоположной стене.

— Это вход в наш тест-центр. Вам нужно пройти персонификацию.

— Что пройти?

— Персонификацию. Специальная тестовая система определит ваш игровой профиль и ваши исходные возможности. Кстати, нам пора этим заняться, если вы не против.

— Против! Я не хочу участвовать в ваших идиотских персонификациях. И вообще, я хочу уйти. Где тут выход? — Я оглядывался в поисках двери в МОЙ мир.

— Невозможно, мой друг, — Консультант покачал головой. — Теперь ваше возращение в родную для вас точку Большой Ойкумены целиком зависит от выполнения вами того квеста, о котором я вам говорил.

— Это просто произвол. Вот взять сейчас и набить тебе морду.

— Грубо. И недостойно вас, мой друг. Я же чувствую, что кроме вполне понятного раздражения вас охватил интерес. Вам интересно. Не пытайтесь казаться хуже, чем вы есть на самом деле. И еще, у вас никогда не будет второго такого шанса оказаться в мире, лежащем за пределами вашей вселенной. Я бы ни секунды не сомневался. Я чувствую, что вы сами стремитесь к подобному приключению.

— Надо же, какой чувствительный, — несмотря на злобу я понял, что Консультант говорит правду. — Компания «Незабываемое приключение», мать вашу! Ну, хорошо, попробуем договориться. Что делать дальше?

— Вот этих слов я ждал, — лицо Консультанта прояснилось. — Для начала пройти персонификацию. Потом продолжим наш разговор.

Глава третья. Выбор профиля

Тест сервера проходит по графику.

До полного прохождения теста не ходите по рельсам.

Тест-центр оказался крошечной комнатушкой, в которой из мебели был только стол с ноутбуком, стул и плазменная панель на стене. Консультант жестом предложил мне сесть, ловко и быстро прилепил мне на лоб какой-то датчик, сам прошел к столу и включил ноутбук.

— Для начала проведем сверку данных, — сказал он. — Ваше имя Алексей Дмитриевич Осташов, возраст 26 лет, образование высшее, специальность — лингвист-переводчик. Особые способности… хм, нет особых способностей. Восточные единоборства, самбо, бокс, фехтование, стрельба, гребля, атлетика? По нулям. Чем же вы занимались в детстве?

— Читал умные книжки. И помогал маме.

— Тоже неплохо. У вас очень хорошо развито воображение, это определенно вам поможет. Физическое развитие — три единицы выше среднего. Парапсихические способности — так… Да уж, не псионик. Зато есть некоторая устойчивость к гипнозу. Сопротивляемость ядам, электрошоку, холоду, термическим воздействиям в норме. Аллергические реакции — хм, тоже норма. Темперамент — холерический. Очень хорошо. Коммуникативный уровень выше среднего. Давайте посмотрим ваш Ай-Кью. Так, сто двадцать единиц — совсем неплохо, мой друг, совсем неплохо… Игровой ник — Алекто. Желаете сохранить ваш ник?

— Да, желаю.

— Прекрасно. Теперь посмотрите на экран.

Я перевел взгляд на панель и увидел там свою физиономию. Она показалась мне более бледной и растерянной, чем обычно. Наверное, я еще толком не въехал в то, что со мной творится.

— Согласно условиям Главного Квеста вы можете получить две из четырех особых способностей вне зависимости от назначенного профиля, — продолжал Консультант. — Вам вывести на экран списком, или продиктовать?

— Лучше диктуйте.

— Особые способности могут быть следующими: фехтовальщик, стрелок, целитель, дипломат.

— А подробнее нельзя?

— Конечно, можно. Способность фехтовальщика наделяет вас изначально владением всеми видами режущего и колющего оружия на уровне «Стандарт». Всего уровня владения четыре — «Рекрут», «Стандарт», «Профи» и «Уникум». Способность стрелка позволит вам стрелять из лука и арбалета на том же уровне. Способность целителя даст вам возможность излечивать себя и других, используя природные и собственноручно приготовленные зелья. Способность дипломата позволяет находить общий язык со всеми персонажами, которых вы встретите в ходе квеста.

— Я выбираю фехтовальщика и стрелка, — сказал я после некоторого раздумья. В самом деле, сейчас этот парень закинет меня черте куда. Много ли там будет пользы от подвешенного языка? А меч и арбалет в подобных переделках — лучшие друзья. Что же до лекарств, уж как-нибудь найду по ходу дела…

— Так, понятно, боевая ориентация… Хорошо, данные внесены. Идем дальше: вы можете выбрать два из четырех Даров, также вне зависимости от профиля. Перечисляю: Дар Ночного Глаза, Дар Ловкой Руки, Дар Игрока и Дар Обольщения.

— Как я понимаю, Дар Ночного Глаза — это умение видеть в темноте, Дар Игрока — везение в азартных играх, а Дар Обольщения располагает к тебе женщин. А Дар Ловкой Руки?

— Одна поправка, мой друг: Дар Обольщения позволит вам располагать к себе не только женщин, но и мужчин. Хотя простите — вы гетеросексуал.

— Так все-таки, что нам дает Ловкая Рука?

— Позволяет успешнее расправляться с замками и обнаруживать ловушки.

— Отлично. Беру Ловкую Руку и… — я задумался, — Обольщение.

— Может лучше Игрока?

— В карты мне всегда не везло. В любви тоже. Но женщины мне всегда нравились больше, чем подкидной дурак.

— Принято, — Консультант застучал по клавишам ноутбука. — Теперь вам следует выбрать два из четырех Недостатков.

— Недостатков? А это еще зачем?

— Герои не могут быть идеальными. Идеальны только боги. А люди должны иметь недостатки, иначе страдает их человеческая харизма. На выбор предлагается четыре Недостатка: Страх Высоты, Страх Темноты, Прикосновение Арахны и Венец Безбрачия.

— Венец Безбрачия однозначно, — заявил я. — А что такое Прикосновение Арахны?

— Боязнь насекомых и прочих гадов.

— Давай лучше Страх Темноты.

— Принято. Все, с этим мы закончили. Теперь внимание на экран — сейчас начнется персонификация. Она проходит автоматически, программа оценит вашу личность и даст свои рекомендации.

Я посмотрел на панель. Там появилось восемь столбцов. Текст почему-то давался по-английски:

ГЛАВНЫЙ КВЕСТ: доступные персонификации

1. Охотник за вампирами:
Здоровье — 50
Магия — 50
Обаяние — 20
Выносливость — 50
Боевые навыки — 65
Начальный капитал — 100

2. Пес войны:
Здоровье — 100
Магия — 20
Обаяние — 10
Выносливость — 100
Боевые навыки — 80
Начальный капитал — 25

3. Колдун:
Здоровье — 30
Магия — 75
Обаяние — 25
Выносливость — 30
Боевые навыки — 30
Начальный капитал — 50

4. Менестрель:
Здоровье — 30
Магия — 25
Обаяние — 75
Боевые навыки — 20
Выносливость — 50

Начальный капитал — 15

5. Принц на белом коне:
Здоровье — 70
Магия — 15
Обаяние — 100
Выносливость — 50
Боевые навыки — 0
Начальный капитал — белый конь

6. Сукин сын:
Здоровье — 50
Магия — 0
Обаяние — 100
Выносливость — 70
Боевые навыки — 30
Начальный капитал — 200

7. Образцовый маг:
Здоровье — 30
Магия — 90
Выносливость — 30
Обаяние — 90
Боевые навыки — 10
Начальный капитал — 100

8. Лох:
Здоровье — 100
Магия — 0
Обаяние -30
Выносливость — 100
Боевые навыки — 50
Начальный капитал — 1000

Едва я успел прочитать все столбцы, как изображение исчезло, и приятный женский голос сообщил:

— Проверка завершена. Объект Алекто авторизирован. Рекомендуемый профиль — лох.

— Э, нет! — взвился я. — Что за хрень, блин! Никаких лохов. Я выбираю пса войны. Или охотника за вампирами. Даже на сукиного сына согласен!

— Увы, дорогой друг, рекомендованный профиль изменить невозможно, — мягко сказал Консультант. — Вы сможете

попытаться изменить его лишь по достижении десятого уровня Воплощения.

— Иди ты знаешь куда! — Я сорвал со лба датчик. — Я отказываюсь играть.

— Вы не можете.

— Все равно отказываюсь. Не хотите возвращать меня домой, ну и хрен с вами! Буду сидеть здесь, пока не сдохну от голода.

— Вы зря горячитесь, мой друг. Это всего лишь начальный профиль. По ходу игры…

— В задницу вас и вашу игру! Не хочу!

— И все же, это единственный способ выжить. Не хотел вам говорить, но Главный Квест подчинен определенной логике. Если вы начнете игру с неверно определенным профилем, ваши шансы на выживание будут ничтожными. Сразу предупреждаю вас: раны от оружия, травмы, ожоги, обморожения, отравления и прочие виды физических и магических воздействий на вас будут совершенно РЕАЛЬНЫ!

— Я готов рискнуть.

— Не советую. Честное слово, поверьте мне и согласитесь с выбором программы. Я потому и зовусь Консультантом, чтобы уберечь моих… клиентов от возможных ошибок. Фатальных для них ошибок. Мы совсем не заинтересованы в гибели нашего героя. Невыполнение Главного Квеста повлечет большие проблемы для всех нас. Для нашего мира. Поверьте, я знаю, что говорю. О том, с каким профилем вы начинаете игру, знаем лишь вы, я и мой компьютер. Уверяю, ваши НПС ничего не будут знать.

— Первое, что я сделаю, когда вернусь домой, — со злорадством сказал я, — это возьму молоток и оставлю от компьютера мокрое место.

— Обязательно вернетесь и оставите, но только если будете следовать моим рекомендациям. Я ввожу окончательные параметры в систему. Смотрите!

На панели появилась моя визитная карточка;

ГЕРОЙ — АЛЕКТО
Профиль — лох
Раса — человек
Уровень — 1
Специализация — боевой лох-новичок.
Особые способности — фехтовальщик, стрелок.
Дары: Ловкая Рука, Обольщение
Недостатки: Венец Безбрачия, Страх Темноты.

— Ну вот, мы закончили, — с удовлетворением сообщил мне Консультант. — Можем начинать игру «Главный Квест». Помните, от исхода игры целиком зависит ваше возвращение в тот мир, из которого вы прибыли. Да, совсем забыл вам сказать — от нашей компании вам полагается бонус, три дополнительные жизни. Это значит, что в случае вашей смерти при выполнении Главного Квеста вы будете трижды воскрешены нашими специалистами по Анастазису. К сожалению, большего количества дополнительных жизней вы получить не можете. Однако при переходе на новый уровень Воплощения вы будете получать приз, который может быть четырех видов — приз здоровьем, деньгами, снаряжением или магическими способностями.

— Спасибо и на этом, — я вытряхнул сигарету из пачки, щелкнул зажигалкой. — Сам не знаю, что мешает мне всех вас передушить. Поговорим потом, когда игра закончится. Назло вам, козлам, выживу. Что теперь?

— Все, — ответил Консультант и нажал что-то на ноутбуке.

Глава четвертая. Завещание папаши Пертинакса

Вам оставлено завещание.
Чтобы получить его, перейдите по ссылке…

Очнулся я на лесной поляне. Солнце ярко светило мне в глаза, и в кронах деревьев щебетали птицы. Я лежал в густой траве, и длинные травинки щекотали мне нос и щеки. Потом появилась крупная белая бабочка — облетев меня, она исчезла в сумраке под деревьями.

Я сел, повертел головой, осмотрелся. Поляна была окружена высокими деревьями, но прямо напротив меня была тропинка, уходившая в глубь леса. Вероятно, именно по ней мне и следует начать свой Главный Квест.

В следующее мгновение я заметил, что одет вполне в духе того мира, в котором очутился. Не скажу, что одежда была удобная. Рубашка с рукавами до локтей была из грубого небеленого холста, жилет — из толстой кожи, штаны замшевые и будто сшитые из лоскутов. Особенно меня позабавила ширинка — большой кусок кожи проходил между ногами от поясницы и крепился к поясу кожаным ремешком. Развязал ремешок, вся мотня откидывается — и справляй хоть малую нужду, хоть большую. Однако, сделав несколько шагов по поляне, я понял, что пресловутый кожаный лоскут, заменяющий молнию на брюках, довольно ощутимо натирает мне некоторые чувствительные места. К этому придется привыкать, не могу же я разгуливать без штанов. Единственное, что мне понравилось, так это сапоги — высокие, до середины бедер, плотно облегающие ногу, на вид прочные и довольно удобные. На голенищах сапог были нашитые кармашки для ножей или огнива. Карманов на одежде не было. Не фонтан прикид, но хорошо уже то, что одежда смотрится вполне прилично. Никаких идиотских штанов с пуфами, разноцветных чулок, кружавчиков и рюшечек.

Мои вещи исчезли бесследно — ни джинсов, ни майки, ни кроссовок, ни содержимого карманов. Коммуникатор, флэшка и российские деньги мне вряд ли тут понадобятся, но вот исчезновение наручных часов, сигарет и зажигалки было неприятным сюрпризом. Зато появилась большая тряпичная сумка, смахивающая на сумку от противогаза. Я тут же занялся

изучением ее содержимого. В сумке оказались три свитка пергамента и тяжелый бархатный мешок, в котором что-то звякало. Развязав горловину мешка, я заглянул внутрь и вздохнул — внутри были деньги. Монеты были величиной с российские рублевики, достоинством в один, пять, десять и двадцать пять соверенов серебром. На аверсе каждой был изображен чеканенный профиль какого-то чела — вероятно, местного монарха, — на реверсе красовался герб, все тот же двуликий Янус. Похоже, я располагал приличной суммой, и это радовало. Чтобы не трясти мешком и не привлекать внимание, я вынул на мелкие расходы десяток монет и запихал их в правый сапог. Отложив мешок, я взялся за пергаменты. Первый из них оказался чистым. Вторым было уведомление от проклятого Консультанта — он почтительно сообщал мне, что раз в день я имею возможность вызвать его для получения справки или совета. В качестве заклинания вызова я должен просто трижды произнести свой игровой ник. Третий пергамент оказался самым интересным. С трудом разбирая неровно накарябанные каракули, я прочел следующее:

Дорогой сынок Алекто!

Я знаю, что поступил с тобой очень несправедливо, когда составлял свое завещание. Но ты должен меня понять и простить. Признаюсь тебе, дорогой сынок, что у меня были сомнения относительно тебя. По собственному недомыслию я ошибочно считал, что ты не мой сын. Твоя матушка, мир праху ее, была особой легкомысленной, склонной к авантюрам и необдуманным поступкам. Тем не менее, я всегда любил ее и продолжаю любить и поныне. Так как по законам нашего королевства нотариально заверенное завещание не может быть пересмотрено, я к великому моему сожалению не могу перераспределить мое имущество так, чтобы часть его перешла тебе. Но я хочу исправить свою жестокую и несправедливую ошибку. В деревне Мартенек живет мой старый друг и компаньон Жиль Кацбалгер. Незадолго до того, как я слег со своей болезнью, я вложил в предприятие Кацбалгера немалую сумму в имперских дукатах. Несколько дней назад мне пришло письмо от Кацбалгера, в котором он сообщил, что готов выплатить мне мою долю прибыли. Я хочу, чтобы эти деньги достались тебе. Твои братья Мартьен и Кола ничего о них не знают. Отправляйся к Кацбалгеру, покажи ему это письмо и забери себе мою долю. Это то немногое, что я

могу для тебя сделать.

Сим препоручаю тебя, дорогой сын, воле Бессмертных и желаю тебе не повторять ошибок твоего бедного отца

Пертинакса из Рокара

Итак, по всей видимости, эта трогательная писулька — затравка моего квеста. Если так, нечего торчать на этой поляне, тем более что я сделал еще одно довольно неприятное открытие. У меня нет никакого оружия. То ли так задумано, то ли гребаный Консультант что-то упустил из виду. Ладненько, главное, что у меня есть деньги. Надо добраться до ближайшего населенного пункта и посмотреть, чем там можно разжиться.

Засунув письмо папаши Пертинакса в сумку, я двинул быстрым шагом по лесной тропе. Все мои мысли были о ситуации, в которой я оказался. То, что все происходящее со мной не кошмар и не плод больного воображения, было очевидно. Я мог ощущать запахи цветов, слышать шелест листвы и пение птиц, солнце припекало мне голову, грубая холстина рубахи неприятно драла кожу на спине и плечах, кожаная мотня натирала ноги — и не только ноги. Все это слишком реально, чтобы быть галлюцинацией. Одно понятно — хочу я того, или нет, но мне придется выполнить треклятый квест, чтобы вернуться домой, в свой мир, в свое время, в свою уютную квартиру, чтобы стать не лохом Алекто (блин, до чего омерзительно звучит!), а Лехой Осташовым, гражданином Российской Федерации и аспирантом-филологом. Парнем, который больше никогда не будет играть в компьютерные игры, даже если его попросит об этом сам Билл Гейтс.

Лес начал понемногу редеть, сплошная чаща стала разваливаться на небольшие рощицы, и очень скоро я увидел вдалеке группу строений. По всей видимости, это и была деревня Мартенек. Тропка, по которой я шел, теперь вывела меня на поля с колосящейся пшеницей. Если использовать наш земной календарь, то сейчас в этом мире должно быть начало августа. Работников в поле я не заметил, хотя день был погожий. Это было странно, но мне совершенно не хотелось искать причину такой непонятной лени местных жителей. Я прошел еще с километр и скоро вышел на широкий тракт, ведущий прямо к деревне.

Здесь мне впервые встретился человек. Какой-то пожилой крестьянин ехал в деревню на повозке, запряженной ослом. И повозка, и осел, и крестьянин ничем не отличались от своих земных собратьев.

— Добрый день, отец! — крикнул я, помахав крестьянину рукой. — Не в деревню ли едешь?

— Приветствую, уважаемый лох, — ответил старик и остановил повозку.

Меня как обухом по башке саданули. Проклятый Консультант! Ведь сказал же, сволочь, что мой незавидный профиль никто здесь не заметит. Ну, встречусь я с этим говнюком, я ему покажу…

— Что-то не так? — крестьянин перестал улыбаться.

— Нет-нет, отец. Это деревня Мартенек?

— Она самая, уважаемый лох.

— Превосходно, — я скрипнул зубами. — Не подвезешь ли до деревни?

— Охотно, уважаемый… — Старик осекся, поймав мой взгляд. — Десять соверенов.

— А не жирно ли будет?

— Совсем не жирно. А коли жалко денег, топай пешком дальше.

— Прощай, — я понял, что старик задрал цену как минимум в десять раз. Учтем на будущее, что здесь все видят во мне…Язык не поворачивается назвать кого. И при удобном случае попытаются развести. Вот я и не буду таким словом. Пусть едет дальше на своей таратайке. До деревни не так далеко, прогуляюсь без проблем.

Я демонстративно плюнул в дорожную пыль, смерил старика-рвача презрительным взглядом и зашагал к деревне.

Мартенек оказался грязной и убогой деревушкой: дома были глинобитные с соломенными крышами, дворики перед ними были отгорожены от улицы низкими плетнями — курица перепрыгнет. Воздух пропитывал ядреный запах навоза, отбросов, псины и невычищеного свинарника. Кудлатые грязные кабыздохи тявкали на меня едва ли не из-за каждого забора. У домов возились крестьяне — в большинстве молодые крепкие ребята в сермягах и деревянных башмаках, и девушки в холщовых платьях и платках, похожих на детские чепчики. Местные народ показался мне не блещущим красотой — мужчины были низкорослые и широкоплечие, с мрачными неприветливыми физиономиями, женщины мелкие и чернявые. Мое появление было встречено с молчаливым интересом, крестьяне и крестьянки таращились на меня, но заговаривать никто не решался. Тогда я сам решил начать разговор.

— Добрый день, уважаемый, — сказал я коренастому мужику, чинившему плетень. — Это ведь Мартенек, не так ли?

— Мартенек-то Мартенек, — ответил мужик, даже не глянув на меня. — Чего надо-то?

— Что-то смотрю, у вас в полях никто не работает.

— А праздник сегодня, — заявил мужик. — День Землицы-Хранительницы. Нельзя на земле работать.

— Понятно. Я тут ищу одного человека, Жиля Кацбалгера.

— Пять соверенов.

Я с трудом поборол желание как следует врезать этому парню по загривку.

— Один соверен, — предложил я, взяв себя в руки.

— Ладно уж, — крестьянин взял у меня серебряную монету, попробовал на зуб и тут же затолкал ее за щеку. — Толстого Жиля ищешь? Это в корчму идти надыть.

— Понял. А кузнец у вас тут есть?

— А как жа. Кузнец есть.

— Где мне его найти?

— Один соверен.

— Поцелуй меня в зад, — ответил я и пошел искать корчму.

Глава пятая. Трактирщик и кузнец

Ну и народ! Сплошные хакеры.

Корчма располагалась примерно в четверти километра от деревни, у самой дороги — большой сруб с двускатной драночной крышей и просторным двором. Во дворе стояло несколько подвод, а у коновязи мирно жевали сено из яслей с десяток лошадей. В центре двора красовался колодец, но я не отважился напиться из него — ведро на веревке журавля больше напоминало помойную бадью. Тут же играли детишки, грязные как шахтеры после смены. Игра заключалась в том, что детки по очереди швыряли камни в спящего у забора мертвецки пьяного мужика и хлопали в ладоши, когда мужик после удачного попадания начинал издавать разные малоприятные звуки.

Внутри корчмы было темно, чадно, а смесь запахов была такая, что меня чуть не стошнило. Мда, подумал я, не «Макдональдс» и даже не привокзальная закусочная. За длинными скользкими от жира и пролитого пива столами закусывали несколько гостей — по всей видимости, хозяева стоявших во дворе подвод. Вид и запах пищи вполне соответствовал тем мерзким звукам, которые издавали едоки, поглощая свой обед. На меня они даже не глянули. Я им был по барабану. Поискав глазами, я увидел в дальнем углу что-то вроде барной стойки, а за ней — тучного мужчину с шикарными бакенбардами а-ля самодержец Александр Второй.

— Что нужно? — осведомился мужчина, когда я подошел к стойке. — Поесть? Выпить? Комнату?

— Ни то, ни другое, ни третье, — сказал я, хотя мне очень хотелось есть и пить. — Я сын Пертинакса.

— Того самого Пертинакса? — Глазки толстяка сверкнули в полутьме. — Старины Пертинакса из Рокара? Давненько я про него не слышал, клянусь Бессмертными. Как он поживает?

— Он умер.

— Печально. Но это жизнь. Все там будем.

— Он просил передать тебе это, — я протянул толстяку письмо папаши Пертинакса. — Прочти его.

— Хм! — Толстяк пробежал письмо глазами и внезапно швырнул его на полную углей жаровню. Я даже вскрикнул, увидев это. Письмо вспыхнуло и в несколько секунд сгорело дотла, добавив к царящей в корчме вони едкий смрад горелой кожи.

— Было письмецо, и нет письмеца, — ухмыльнулся

толстяк. — Что дальше?

— Я жду, когда ты отдашь мне деньги.

— Какие деньги?

— О которых говорится в письме.

— В каком письме? — Толстяк самодовольно хихикнул. — Покажи мне письмо.

— Слушай, ты, наволочка с говном, — прорычал я, обходя стойку и приближаясь к трактирщику, — если ты вздумал меня кинуть, я тебе…

— Ладно, ладно, успокойся, я пошутил, — затараторил трактирщик, отступая к большим бочкам в углу. — Шуток что ли не понимаешь?

— Хреновые шутки не понимаю. И бью за них фейсы до получения однородной синей массы.

— Ишь ты, горячий какой лошок попался! Не кипятись, парень. Отдам я тебе папашины дукаты, честью клянусь. Но не сразу. Проблемка у меня одна есть, коли поможешь решить, я к пертинаксовым денежкам еще и от себя прибавлю хорошую толику.

— Плевать мне на твои дела. Давай мои деньги, и я пойду.

— Да я ведь от души, парень. Дело-то пустяшное, а заработать можно неплохо.

— Неплохо — это сколько?

— Двадцать дукатов. Плюс бесплатно можешь у меня переночевать.

— Что за дело? — Я понял, что мне предстоит какое-то задание, которые так или иначе следует выполнить.

— Я же говорю, пустячок. Здесь неподалеку есть одна пещерка. Мы промеж себя называем ее Дерьмовой Норой. В пещерке есть источник самого настоящего аквароля.

— Аквароля?

— Ну да. Ты что, никогда не слышал про аквароль?

— Слышал, — соврал я. — Ну, и что надо сделать?

— Принести мне флягу этого самого аквароля. Есть у меня один клиент, всю плешь мне проел с этим аквароле. Найди да найди. Принесешь — отблагодарю.

— А чего сам не сходишь, если дело, как ты говоришь, пустяшное?

— Стар я стал по жаре мотаться. А послать некого. Жена у меня больна, лежит, бедняжка, не встает. А местных послать нельзя — по дороге все сами вылакают, стервецы.

— Понятно, — я почесал переносицу. — Как добраться до пещеры?

— Как выйдешь из ворот корчмы, иди по дороге вниз, к озеру.

Дойдешь до озера, поверни направо и топай вдоль берега. Там и увидишь вход в пещеру.

— Ладно, принесу я твою водичку. Только запомни, станешь крутить, я тебе…

— Понял, понял. — Трактирщик протянул мне здоровенную тыквенную бутыль на ремне. — Фляжку-то не потеряй, она денег стоит.

— Не потеряю. Жди, скоро приду.

— Ага! — Трактирщик закивал. — А я тем временем денежки приготовлю.

Покинув корчму, я решил для начала найти кузницу. Задание, которое дал мне трактирщик, имело подозрительный запах, и я понял это с самого начала. То ли заметил хитрый блеск в глазах канальи-Кацбалгера, то ли предчувствие сработало. Как бы то ни было, мне нужно оружие. И единственное место в Мартенеке, где его можно раздобыть — это кузница.

Насколько я помнил историю средних веков, кузницы, как правило, располагались рядом с гостиницей — это чтобы приезжим не надо было долго искать, кто подкует им лошадей или починит оружие. Так и оказалось: обойдя корчму, я услышал звон молотка о наковальню и через минуту уже стоял под навесом у пылающего горна, рядом с кузнецом.

— Чего надо? — Тощий седой кузнец бросил в бадью с водой откованный костыль, смерил меня хмурым взглядом с головы до ног.

— У тебя есть оружие?

— Ты что, законы не знаешь? Светлейший герцог Альбано Изысканный строго-настрого запретил деревенским кузнецам ковать оружие.

— Да слышал кое-что, — я прикинулся простачком. — Но ведь что-то режущее у тебя можно купить? Хороший нож, например. Или, на худой конец, топор.

— Это есть, — кивнул кузнец. — Жди тут, я сейчас.

Он вошел в дом, а я еще раз подивился тому, насколько же алчны местные жители. Сто пудов, что у кузнеца в заначке есть и мечи, и палицы, и наконечники для копий и гизарм. Похоже, этот фрукт тоже собирается набить себе цену. Что ж, посмотрим, что он мне предложит.

Кузнец принес явно не лучшее из того, что у него было. Большой типа охотничий нож был выкован из скверного темного железа, клинок был неполированным, а рукоять обмотана пропитанной варом бечевой и неприятно липла к рукам. Заточка была хуже некуда. Под стать ножу был и топорик. Осмотрев оружие, я спросил:

— Сколько хочешь за эти штуки?

— За нож прошу тридцать соверенов, за топор сорок, — с наглым хладнокровием заявил кузнец.

— Твоим ножом только мамалыгу нарезать на блюде, — сказал я. — А топором курице голову не отрубишь. Еще что-нибудь есть?

— Ничего нет.

— Так уж и ничего?

— Слушай, приятель, или покупай, что есть, или ступай отсюда во имя Бессмертных. Мне работать надо.

— Хорошо. Я ухожу. А потом, как выдастся свободная минутка, зайду к герцогу Альбано и расскажу ему, что кузнец в Мартенеке выдает черную засохшую какашку за охотничий нож и требует за это дерьмо аж тридцать монет. То-то герцог посмеется!

— Зайдешь к герцогу? — В глазах кузнеца мелькнул нешуточный испуг. — Ты что, знаком с ним?

— Знаком. Ну так что, будем дальше тратить твое и мое время?

Кузнец схватил нож и топорик и снова убежал в дом. Не было его минут пять, и я было подумал, что он просто сбежал через другую дверь. Но в конце концов он вернулся ко мне, неся под мышкой какой-то сверток.

— Взгляни, господин, — сказал он, положив сверток на наковальню.

Я развернул грязную промасленную холстину и увидел кинжал, поразительно похожий на кинжалы кавказских горцев. Отделка рукояти и ножен оставляла желать лучшего, но обоюдоострый стальной клинок был откован на славу.

— Ну вот, это уже лучше. — Я тяжелым взглядом посмотрел на кузнеца. — А за него ты попросишь с меня пятьсот монет, верно?

— Нет, господин, — кузнец замахал руками. — Это не моя работа. Один человек несколько лет назад отдал мне его уплатой за то, что я починил его доспехи. С тех пор он и лежал у меня в чулане. Это настоящая сталь, господин, и работа хорошая. Отдам за сто соверенов, или за четыре золотых дуката, господин.

— Хорошо, беру, — я развязал свой кошель, отсчитал сто монет и вручил их кузнецу. — Буду у герцога, непременно расскажу ему, какой в Мартенеке отличный кузнец.

— Ох, спасибо, господин! — просиял кузнец. — Благослови тебя Бессмертные!

Я ушел из кузницы вполне довольный собой. Во-первых, у меня появилось оружие. Я подвесил кинжал на пояс и сразу почувствовал себя человеком. Во-вторых, я узнал курс местной

валюты. Двадцать пять соверенов равны одному дукату. Это значит, что мой капитал составляет сорок шесть золотых. Посмотрим теперь, попробует ли трактирщик надурить меня при расчете. А пока надо заняться пещерой. Как там назвал ее Кацбалгер — Дерьмовая Нора? Что-то у меня все больше и больше возникало ощущение, что в мире, куда я попал, определение «дерьмовый» можно дать очень многим вещам.

Глава шестая. Бренные останки

Настройки графики: количество трупов — малое.

Топать до пещеры пришлось довольно долго. Солнце уже пошло на закат, когда дорога наконец-то привела меня к живописному озеру с заросшими камышом и кустарником берегами. Вспомнив, что сказал мне трактирщик, я двинул вправо и вскоре увидел между двумя пышными ивами темную дыру — несомненно, ту самую пещеру, которая была моей целью. Перебравшись через небольшую впадавшую в озеро речушку, я оказался прямо перед входом и здесь встал в нерешительности. Там, в пещере, было ОЧЕНЬ темно, а я только сейчас сообразил, что у меня нет с собой ни факела, ни фонаря. Выругавшись, я повернулся, чтобы идти в деревню за факелом, но потом вспомнил про Консультанта.

Он появился, едва я в третий раз выговорил свой ник. Свежий, чистенький, весь в черном и очень довольный.

— Мой друг чего-то хочет? — осведомился он.

— Начнем с того, что ваш друг испытывает сильнейшее желание начистить вам физиономию, — сказал я. — Кто-то, помнится, говорил, что мой профиль никому не будет известен. Однако даже крестьяне называют меня…

— Не сердитесь, — сказал Консультант. — Не мог я сказать вам всей правды. Есть определенные правила, которые даже я не могу нарушать. Плюньте вы на эти условности во имя Бессмертных! Перед вами стоит великая цель, а вы, право дело, зацикливаетесь на мелочах. В нашем мире слово «лох» не имеет оскорбительного значения, а обозначает нечто совершенно другое.

— Хороши мелочи. Ну ладно, проехали… У меня небольшая проблема тут возникла. Нужен свет.

— Естественно, я вам готов помочь. Имеются на выбор три варианта: простой факел, магический факел и заклинание «Светляк».

— А поподробнее?

— Простой факел — предмет одноразового использования. К нему необходимы трут и огниво. Магический факел можно использовать много раз, но для этого ваш показатель «Магия» должен быть не ниже 20. Заклинание «Светляк» обладает постоянным эффектом и не требует магических умений, но по

цене оно дороже остальных приспособлений.

— Сколько?

— Простой факел стоит пять соверенов, магический — сто соверенов, заклинание стоит двести соверенов.

— Грабеж! — вздохнул я. — Ладно, я покупаю заклинание.

— Поздравляю с покупкой. Держите, — Консультант подал мне что-то очень похожее на древнеегипетского скарабея, подвешенного на цепочку. — Наденьте на шею и для активации произнесите слово «Люмен». Когда захотите деактивировать заклинание, просто снимите амулет.

— Вот деньги, — я передал Консультанту двести монет. — Еще один вопрос: что такое акваголь?

— Природная субстанция с сильным веселящим действием. Еще есть вопросы?

— Нет.

— Тогда прощайте.

Консультант растаял в воздухе. Я надел амулет на шею и, вооружившись кинжалом, шагнул в пещеру.

В ноздри мне ударила тяжелая вонь — смесь запахов псины, плесени, сырости и падали. Темнота впереди была такой густой, что, казалось, я могу коснуться ее руками. Я почувствовал страх.

— Люмен!

Меня сразу окружил круг бледного белого света — не дать не взять, люминесцентная лампа. Я увидел перед собой низкий глинистый грот, в дальнем конце которого зияло круглое отверстие какого-то тоннеля. Судя по всему, я должен был идти туда.

Тоннель оказался коротким — метров пятнадцать, не больше. А в конце его я наткнулся на мертвеца. Он лежал ничком, совершенно мумифицировался и скорее всего покоился здесь очень давно. Труп был в полных доспехах, только без шлема — когда-то эти доспехи, наверное, были великолепны, но теперь сплошь заржавели и пришли в полную негодность. В нескольких метрах от тела лежал ржавый длинный меч, а чуть дальше я увидел треугольный щит. На его поверхности еще можно было разобрать герб — гроздь винограда. Брезгливо морщась, я перевернул мертвеца на спину. На меня уставилось истлевшее безносое и безглазое лицо, обрамленное склеившимися космами и скалящееся в жуткой усмешке. Не самое приятное зрелище. Но зато я увидел на шее покойника массивную золотую цепь и сумел ее снять. Это был какой-то рыцарский орден, весь усыпанный драгоценными камнями. Присвистнув, я вытер орден об рукав рубахи и надел себе на шею — это был более чем ценный трофей. Конечно, грабить мертвых не самая лучшая затея, но я сейчас

находился в чужом мире, и мне было не до морали и сантиментов. Кроме цепи я снял с мумии отличное золотое кольцо, а в поясной сумке были несколько серебряных монет — и клочок пергамента, на котором изящной вязью было выведено следующее:

Тому, кто прочитает это письмо

Мой добрый неведомый друг! Если ты читаешь эту записку, значит, меня нет в живых. Я написал ее в корчме перед тем, как спуститься в пещеру, которую местные жители непочтительно называют Дерьмовая Нора. Поскольку я не знаю, что ждет меня в этой пещере, я пишу эти строки на тот случай, если мне не удастся выбраться из пещеры живым. Прошу тебя, нашедшего мое тело — возьми себе все, что ты найдешь на мне и пользуйся себе во благо. Лишь кольцо, которое надето на безымянном пальце правой руки, передай моей супруге, благородной леди Памеле Линч, урожденной Андертон, баронессе Гранстон и Де Брейдж. Расскажи ей о моей печальной судьбе и упомяни, что в последние секунды своей жизни я повторял ее имя. Молю и заклинаю тебя, друг мой, выполнить мою предсмертную волю.

Томас Алджернон Хэнстон Линч, барон Гранстон Де Брейдж.

Я дочитал письмо, и мне вдруг стало очень грустно. Бедняга, верно, очень сильно любил свою жену, раз написал такое письмо. Сколько времени он здесь лежит? Судя по состоянию тела и доспехов, не меньше нескольких месяцев. Почему он умер? Что или кто его убило?

Внезапно я сообразил, что веду себя в этой пещере очень легкомысленно. Я ведь ничего не знаю о том, что находится в ней. Вполне возможно, тут есть какие-то твари, которые могут быть опасны. Я еще раз внимательно осмотрел тело барона Гранстона. Обратил внимание на подозрительные параллельные царапины на кирасе — они шли от горла и были очень глубокими. Все это сильно смахивало на следы ударов очень острых и крепких когтей. У меня по хребту пробежал неприятный холодок.

Оставив тело, я подобрал щит барона. Он немного поржавел, но был целым и мог послужить мне хорошей защитой — тем более что никаких доспехов у меня не было. К тому же я подумал, что в Мартенеке смогу продать щит кузнецу за пару монет. Надев его на левую руку, я побрел дальше вглубь пещеры.

Вскоре я увидел то, что искал — источник. Он находился в самом центре большой карстовой пещеры, украшенной сталактитами и сверкающими гипсовыми глыбами. Подойдя ближе, я почувствовал сильный запах сивухи. Струйка акваголя весело била из обломанного сталактита, напоминая те забавные фонтанчики, которые еще можно увидеть в парках. Откупорив бутылку, я подставил ее под струйку и тут услышал за своей спиной тихое рычание.

Меня спас щит Гранстона. Удар пришелся прямо в его середину и был так силен, что я отлетел назад и сильно треснулся спиной о выступ скалы. Миг спустя я увидел напавшую на меня тварь. Выглядела она крайне неприятно. Здоровенная, черная, поджарая, с узкой крокодильей пастью, в которой поблескивало два ряда острейших зубов. Больше всего неведомое чудище напоминало огромного доберман-пинчера, разгуливающего на задних лапах, да еще отрастившего себе пару кожистых крыльев и длинный львиный хвост.

— «Зенит» чемпион! — проорал я свирепо первое, что мне пришло в голову, но тварь не испугалась, напротив — двинулась на меня, сверкая алыми огоньками глаз. Я увернулся от удара когтистой лапой (вот кто прикончил бедного барона!), попытался достать чудище кинжалом, но расстояние было слишком велико. Эх, мне бы сейчас меч или булаву! А еще лучше копье. Подпускать такого монстра к себе близко нельзя, откусит голову как два пальца об стол. А с другой стороны, время работает против меня. Чудовище рано или поздно зажмет меня в угол пещеры и разорвет как Тузик грелку. Надо постараться покончить с ним побыстрее.

Я вообще-то не трус. В детстве я порой отмачивал номера, которые моих товарищей по играм приводили в восторг, а моих бедных родителей — в предынфарктное состояние. Однажды я на спор забрался на верхушку трубы расположенной по соседству с нашим домом котельной. В другой раз, тоже на спор, перелез по карнизу из своей квартиры в квартиру приятеля — а жили мы на четвертом этаже. Но сейчас мне было реально страшно. Тварь фыркала, рычала, сверкала глазами и наносила удары лапами, от которых я едва успевал уворачиваться.

— Смерть сукам! — снова прокричал я, чтобы прогнать овладевающий мной ужас.

Черное чудище ответило мне злобным рыком и прыгнуло вперед. Я принял удар на щит и почувствовал, что тварюга будто пытается вырвать его у меня. Мгновение спустя я сообразил — когти твари пробили железную обшивку щита и застряли в нем. Такую возможность упускать было нельзя, и я с воплем резанул

кинжалом по лапе твари. Чудище взвыло то ли от боли, то ли от ярости, дернуло щит так, что я едва не упал. Раздался противный скрежет, тварь вырвала кровоточащую лапу из щита, замахнулась здоровой лапой, раскрыв свое брюхо. Я вслепую ткнул кинжалом и почувствовал, что сталь вошла в тело существа. Через мгновение я получил такой удар, что ремни щита порвались. Я полетел в одну сторону, щит в другую. На мгновение мне показалось, что я умер. Когда мое сознание прояснилось, я понял, что лежу на влажном песке у фонтанчика с акваголем. Потом я услышал тяжелое хриплое дыхание.

Черный зверь лежал на камнях, царапая их когтями. Злобный красный блеск в его глазах потух. Я нашел на полу пещеры свой кинжал и только после этого решился подойти ближе.

— Что, получил, сволота? — прохрипел я. — Это тебе не рыцарей жрать.

Чудовище вздохнуло совсем по-человечески. Когти еще раз скребнули по камням, и зверь затих.

Ноги у меня тряслись, и я уселся на большой камень, пытаясь прийти в себя. Вот уж повезло, так повезло — я сумел нанести чудищу только один удар, и он оказался смертельным. Порез на лапе я не считаю. Верно говорят, что дуракам и новичкам всегда везет.

Щит был безнадежно исковеркан — теперь мне не дадут за него ничего. Но тут у меня возникла неплохая идея. Кряхтя и морщась от отвращения (мне никогда не приходилось заниматься свежеванием туши!), я кинжалом отрезал голову убитой твари. Теперь надо было придумать, как ее унести — голова была тяжелой, да еще в сумку не помещалась. Подумав, я нашел выход: отрезал от поломанного щита один из ремней, проковырял в ушах головы дырки, продел в эти дырки ремень, связал концы — получилось что-то вроде рыболовецкого кукана. Закончив с этим неприятным занятием, я вымыл кинжал и окровавленные руки в струе акваголя, а заодно решил попробовать его на вкус. По вкусу это пойло напоминало обычную брагу, причем довольно крепкую — вскоре у меня в голове зашумело, будто я хватил полдюжины «Хольстена». Наполнив флягу трактирщика, я решил, что пора убираться из пещеры. Больше всего меня беспокоило то, что тварей, подобных убитому мной экземпляру, могло здесь быть несколько.

Прихватив голову и бутыль с акваголем, я тронулся в обратный путь. Когда я проходил мимо останков барона, мне захотелось хоть чем-то порадовать мертвеца.

— Радуйтесь, сэр: я, рыцарь Алекто Русский, прикончил тварь, которая лишила вас жизни! — провозгласил я, стоя над

телом. — Покойтесь с миром, добрый сэр! Я выполню вашу волю, клянусь.

Отсалютовав покойнику кинжалом, я покинул пещеру. Тут меня ждал новый сюрприз — у входа в пещеру стояло шесть парней, вооруженных дубинками, вилами и топорами.

— Стоять! — рявкнул полуголый чумазый детина, который, похоже, был вожаком честной компании. — Надо ж, живой ишшо! Живуч ты, лошок. Погодь, говорить будем.

— Не о чем нам говорить, брателло, — сказал я, отступая к входу в грот, чтобы не дать этим харям себя окружить. — У меня дела. Так что отвали и дай пройти.

— Дела у него! — Детина осклабился, продемонстрировав мне ночной кошмар стоматолога. — А кто тебе сказал, что ты пройдешь? Так все идет, что и не пройдешь вовсе.

— Тебе чего надо, убогий?

— Чего-чего? Фляжку с водичкой, что ты Жилю несешь. Давай ее сюды, а там потолкуем, что с тобой дальше исделать.

— Эй, Царап, гляди, чо у него в руках! — внезапно взвизгнул один из бандитов.

— А? — Тут чумазый разглядел у меня в руке голову твари. — Это… чего, а?

— Это? — Я поднял голову, потряс ей, будто рыбак знатным уловом. — Это один чернявый парень мне в пещере хотел проблемы создать. Ну, пришлось его успокоить. Что, знакомец твой был? Или братан кровный?

— Братцы, да он волька убил! — ахнул третий, пятясь от меня, будто в руке у меня была не кровоточащая башка пещерной твари, а граната Ф-1 с выдернутой чекой. Да и прочие пялились на меня выпученными глазами, а когда я сделал шаг вперед, дружно втянули в плечи свои косматые головы.

— Эй, ты! — Чумазый Царап как-то сразу присмирел. — Ты того… не сердись. Это ты сам его… прибил-то?

— Нет, мне Валуев помог. Ну так что, могу я пройти или нет?

Царап кивнул, сделал шаг в сторону, открывая мне путь. Я зашагал по берегу озера, прислушиваясь к шагам за спиной. Не исключено, что эти парни захотят напасть на меня врасплох. Оглянувшись, я увидел, что вся компания стоит на прежнем месте и очумело смотрит на меня. Весь их хамский гонор куда-то исчез. Эту проблему я разрулил. Теперь предстоял крупный разговор с трактирщиком.

Глава седьмая. Людомеды

Стал оборотнем, говоришь?
Да нет, он просто сменил конфигурацию.

Пока я шел по дороге к корчме, за мной увязалась целая толпа местных. Мальчишки, рассыпавшись по обочинам дороги, обегали меня кругами и восторженно выкрикивали одну и ту же фразу:

— Он убил волька! Он волька убил!

Трактирщик аж подпрыгнул, когда увидел меня. Рожа у него была такая, будто он увидел привидение. Скорее всего, стервец давно успокоился, посчитав, что я уже мертв и долги отдавать не придется. Я медленно подошел к стойке, долго смотрел в его бегающие свинячьи глазки, а потом сказал:

— Вот твой аквагольчик. Пора рассчитаться.

— Да-да, конечно! — Трактирщик ожил, засуетился, замахал руками. — Все, как договорились, друг мой, как договорились.

— Лухистанский шакал тебе друг. Деньги гони.

— Ага, ага… — Трактирщик полез под стойку, извлек оттуда увесистый мешок. Пальцы у него тряслись, когда он развязывал его. — Изволь, уважаемый, сейчас получишь свою долю. Твой батюшка, почтенный Пертинакс, вложил в мое дело двенадцать дукатов. Плюс проценты за два года…итого шестнадцать. Стало быть, получи триста соверенов, полновесных и звонких.

— Четыреста, — сказал я.

— Что «четыреста»?

— Четыреста соверенов. В одном дукате двадцать пять соверенов. Шестнадцать на двадцать пять будет четыреста. Математику учи, двоечник.

Трактирщик косо глянул на меня и начал отсчитывать деньги. Я с удовольствием сгреб кучку монет в свой мешок, погремел им нарочно, чтобы еще больше досадить проклятому сквалыге и сказал:

— Это долг. Теперь моя премия за акваголь.

— Ах, да! — Трактирщик сделал вид, что вспомнил, о чем идет речь. — Конечно. Десять дукатов.

— Мы договаривались на двадцать.

— На десять, клянусь Бессмертными! — взвыл трактирщик.

— Ну и народ тут у вас! — сказал я, глядя ему в глаза. — Козел на козле и козлом погоняет. Одни гуньки. Ладно, подавись.

Пусть будет десять. Но это еще не все. У озера меня пытались ограбить, забрать бутылку. Твои штучки?

— Да что ты! — Трактирщик заулыбался, но мне от его улыбки вдруг стало тошно. — Как ты мог такое подумать!

— О нашем с тобой разговоре никто не знал. Так что бандюков мог послать только ты. Если не хочешь, чтобы я сжег твою засратую корчму вместе с тараканами и с тобой, рассказывай, кому и зачем нужен аквaголь.

— Мне он нужен, честное слово! — Трактирщик бухнулся на колени, протянул ко мне руки. — Клянусь, господин.

— Врешь, сявка болотная. Говори правду, а то… — я поднял бутылку с аквaголем над головой, сделал вид, что собираюсь шарахнуть ее об угол стойки.

— Стойте! — сдался трактирщик. — Это маг… Захариус Сто Бутылок просил. Он многих просил, да только зверь этот в пещеру никого не пускал. Его светлость барон Гранстон приехал к нам еще весной, хотел зверя убить, да видно сам сгинул. А вольк… тварь эта по ночам выходила из пещеры и на всех нападала. Сколько у нас овечек унесла, сколько курочек, сколько деточек — уууу!

— Стоп, что-то тут не так. Зачем маг это тебе поручил? Из тебя охотник на чудовище как из говна пломба в зуб.

— Дык, он просил кого найти, чтобы тварь эту убить, — заикаясь, ответил трактирщик. — А доказательством станет фляжка с аквaголем — мол, коли сумел набрать, значицца в пещере чисто, нет больше волька.

— И ты меня подставил, сволочь? — спокойно сказал я. — Ничего не сказал про тварь, не предупредил? Нет, ты не просто козел. Ты козел в третьей степени, в тридцатой! Таких как ты мочить надо, пока от вас не останется лужа протоплазмы.

— Господин, не гневайся!

— Так, едем дальше. Сколько маг обещал за голову зверя?

— Сто дукатов.

— А мне, значит, ты щедро отвалил червончик. У, жлобская рожа, так бы и надавал тебе по сопатке! Вот что, дружок — я сам отнесу голову и бутыль магу. Где живет этот Сто Бутылок?

— В Мансее, господин. Это деревня, в трех милях отсюда, в сторону Саграмора.

— А где мне найти усадьбу барона Гранстона?

— Аккурат рядом с Мансее. Это как раз земли барона.

— Больше ничего мне не хочешь сказать?

— А что хочет услышать добрый господин?

— Десять дукатов с тебя, мурло. И быстро, пока я счетчик не включил.

Трактирщик отсчитывал деньги, а я думал о том, что узнал. Информация первая, приятная — я забрал отцовские деньги, выполнил довольно опасное задание без особого ущерба (синяки и ссадины не в счет), кое-что заработал и узнал много полезного. Теперь со спокойной душой можно убираться из Мартенека и отправляться к магу, о котором сказал мне этот пузан-трактирщик. Информация вторая, малоприятная — местные жители, похоже, канальи все без исключения. Тут надо быть очень осторожным.

— Ваши деньги, господин, — трактирщик придвинул мне кучку соверенов. От его наглого высокомерия и следа не осталось. Блин, и как только мой папаша Пертинакс мог делать дела с таким слизнем! Тьфу!

— Что еще угодно господину? — осведомился трактирщик. Я ничего не ответил и пошел к дверям. И в этот момент в корчму вошли сразу трое. Три воина такого странного облика, что я застыл на месте, не осмеливаясь подойти к ним поближе. Не каждый день приходится видеть людей с медвежьими головами на плечах!

Три медведя, как я сразу окрестил эту удивительную троицу, удивили меня не только своей, скажем так, необычной внешностью — на каждом из них были великолепные доспехи. Это была, несомненно, эльфийская работа — только эльфы могут делать такое воронение, отливающее то зеленым, то пурпурным. А уж типично эльфийскую гравировку на доспехах ни с чем не перепутаешь — слишком уж характерен этот затейливый растительный орнамент из причудливо переплетенных между собой корней, ветвей дуба и стеблей ипомеи. И вооружены братья-медведи были на славу, у каждого за спиной висел двуручный эльфийский слегка изогнутый меч-хейхан — клинок-убийца, мечта любого фехтовальщика.

— Хаар! — рявкнул средний медведь, ткнув в меня пальцем. — Человек говорить он убить вольк! Необычно, хар!

— Что ж тут необычного, почтенный? — спросил я, улыбаясь. — Были бы руки да голова, можно кого хочешь убить.

— Человек говорить быстро, хар! — прорычал медведь. — Моя не понимать. Говорить медленно.

— Хорошо. Да я убил этого волька, — проговорил я.

— Человек лгать, — сказал медведь, стоявший справа от меня. — Вольк много ловкость и сила. Вольк острый зубы и когти. Человек сразу умирать.

— Однако я его убил, — заметил я, улыбнувшись оборотню.

— Трудно верить, хар! — рыкнул первый медведь. — Где человек убить вольк?

— В пещере Дерьмовая Нора, — ответил я.

Оборотни переглянулось. Было заметно, что мои слова сильно их удивили.

— Герцог Альбано посылать людомед охотиться на вольк, — сказал первый медведь. — Три людомед. Моя, его и его, — он показал на своих товарищей. — Людомед сильный. Сильнее человек. Людомед никого не бояться. Но вольк очень сильный. Инфернатус сильнее, но вольк тоже много сильный. Ты убивать его один. Это… — оборотень замялся, подыскивая нужное слово, — подвижный, хар!

— Подвиг, ты хотел сказать? — уточнил я. — Ты мне льстишь, почтенный воин. Я убил его без труда.

Медведи снова переглянулись.

— Ты не получать страшный раны? — спросил первый.

— Как видишь, — я развел руками, показывая, что цел и невредим.

— Человек сильный воин, — сказал молчавший до сих пор третий оборотень.

— Благодарю за похвалу, — я поклонился всем троим разом. — Польщен вашим вниманием, отважные воины.

— Человек учтивый, — рыкнул первый. — Это есть хорошо.

— Теперь я могу идти?

— Человек продавать голову вольк мы, — неожиданно сказал первый людомед.

— Продать? С удовольствием. Назовите вашу цену.

— Пятьдесят дукат.

— Продано, — я протянул изрядно оттянувшую мне руку голову волька людомеду. — Берите и пользуйтесь. На здоровье.

Вожак немедленно отсчитал мне пятьдесят золотых, второй людомед забрал у меня голову волька, и троица немедленно покинула корчму. Я вздохнул с облегчением. И с грустью — нескоро, надо думать, я обзаведусь таким великолепным вооружением, как у этих зверообразных парней.

Глава восьмая. Мадам Франсуаз

На этой странице представлены материалы эротического характера. Вы все равно хотите на нее зайти? Мы понимаем, что вопрос дурацкий, но все же…

Еще до ночи я добрался до деревушки Мансее, на первый взгляд такой же неухоженной и грязной, как Мартенек. Однако деревенская корчма оказалась для меня приятным сюрпризом. Во-первых, хозяйкой была очаровательная молодая женщина лет двадцати трех — двадцати пяти, темноволосая и черноглазая, опрятно одетая и очень приветливая. Я поначалу держался настороженно, помня, какой гнидой на поверку оказался Жиль Кацбалгер. Но трактирщица очень скоро развеяла все мои подозрения. Она накормила меня отличным сытным ужином — горячий суп из куриных пупков, пирог с печенью и луком, тушеная рыба и сладкие блинчики с медом, — и взяла с меня всего пять соверенов. Во-вторых, сама корчма была под стать хозяйке — чистая, ухоженная и светлая. Никакого сравнения с вонючим тараканьим питомником в Мартенеке. Когда я закончил ужинать, трактирщица с улыбкой подала мне запечатанный свиток пергамента.

— Это вам, — сказала она.

— Мне? — Я сломал печать и развернул письмо. Это было уведомление от Консультанта:

Дорогой друг!

Счастлив сообщить Вам, что Вы успешно прошли первый уровень и перешли на второй. Ваш статус изменен с «Боевой лох-новичок» на «Боевой лох-практикант». Вам присвоены следующие очки опыта: фехтование — 1, выживание — 1, обаяние — 1, коммерческая жилка — 1, репутация — 2. Поздравляем!

Осмелюсь напомнить, что при переходе на новый уровень, Вы получаете право на приз. Вам предлагаются:

Деньги — 100 дукатов

Здоровье — + 5 единиц (действие постоянное)

Снаряжение — короткий простой меч

(авторская работа мастера Майка Каллашика. Класс оружия 2,

Цена за единицу 125 дукатов.)

Магические способности — атака огненным шаром.

Вы можете выбрать ТОЛЬКО ОДИН приз. Его Вы можете получить у госпожи Франсуаз, владелицы таверны «Ручной единорог» в Мансее.

Неизменно Ваш Консультант

— Вы тоже работаете в компании? — спросил я трактирщицу, дочитав письмо.

— В компании? — не поняла она.

— Ну да, у Консультанта.

— Вы шутите, добрый господин, — улыбнулась женщина. — Это письмо оставил один джентльмен в черном, который побывал здесь несколько часов назад. Он назвал ваше имя и просил вам передать письмо и кое-какие вещи. Вы можете взять их вон в том сундуке, — она глазами показала на большой сундук в углу корчмы.

Я открыл сундук. Меч первым бросился в глаза. Что-то вроде испанской фальгаты, только рука защищена гардой в форме чашки. Сталь совсем неплохая, рукоять удобная, на лезвии стоит клеймо мастера — значит, штучная работа, как и сказано в письме, — заточка отменная. Кроме меча я нашел кошелек с деньгами, бутылочку с каким-то эликсиром и свиток — видимо, заклинание, которое я должен выучить, чтобы использовать файербол. Я выбрал меч. Прочие призы немедленно исчезли, и я увидел только пустое дно сундука.

— Что-нибудь не так? — осведомилась трактирщица.

— Все так, мадам, — я улыбнулся во все свои тридцать зубов и два протезных. — Теперь можно и выпить.

Трактирщица угостила меня хорошим белым вином, а поскольку в корчме кроме меня коротал вечер только один посетитель, еще и завела со мной беседу о всяких пустяках. При этом она так стреляла в меня взглядами, что я всерьез задумался о возможном продолжении нашей беседы в моей комнате после закрытия корчмы. От мадам Франсуаз я узнал массу важных и интересных вещей. В первую очередь меня интересовали, конечно, Захариус Сто Бутылок и баронесса Гранстон.

— Захариус? — Она засмеялась. — Милый чудак. Сидит себе тихо в своей хижине и варит какие-то зелья. Иногда он заходит сюда, заказывает рюмку абсента и подолгу скучает, подперев голову рукой. И вздыхает так тяжело, прям жалость берет. Говорят, он девственник. Забавно, правда?

— Что ж в этом забавного? Это, по-моему, трагедия.

— И я так думаю. Иногда мне его ужасно жалко. Но Захариус

совсем не так прост, как кажется. Я слышала, что он лучший алхимик в наших краях. А еще, он регулярно ездит в Саграмор. Почитай, каждую субботу. Остается там на ночь, а в воскресенье вечером возвращается обратно в Мансее. И что только он там делает?

— Может, наш Менделеев старается побыстрее расстаться со своей девственностью?

— Может, что и так. Да только засаленный он какой-то, неухоженный. Я бы с ним ни за что не легла в постель, хоть золотом меня осыпь.

— А баронесса?

— О, первая красавица в наших краях! — Трактирщица сказала это таким тоном, что я понял — мадам Франсуаз терпеть не может хозяйку замка Гранстон. — Ее муж, барон Линч, был прекрасным человеком.

— Был?

— Он пропал без вести несколько месяцев назад. Баронесса до сих пор надеется, что он вернется к ней.

— Это было бы замечательно, — сказал я.

— Замечательно? Дорогой господин Алекто, вы не представляете себе, как они жили после свадьбы! — Трактирщица закатила глаза. — Мой муж Пьер был капитаном охраны у барона Линча, так он видел все это своими глазами. Эта… баронесса бедного мужа поедом ела. Не удивлюсь, если господин барон просто сбежал от своей женушки куда подальше.

— Я слышал, он очень сильно любил ее, — заметил я.

— А вы, мужчины, вечно влюбляетесь в таких профур. — Трактирщица наклонилась ко мне, перешла на жаркий шепот. — Он привез ее в замок четыре года назад, и первое время она ходила тише воды ниже травы, только глазки свои лазоревые долу опускала. А потом оперилась, пташка, прибрала все в свои руки. То не так, это не так. И еще, она мерзкая нимфоманка. Просто помешана на сексе. Это все в замке знают, и барон это знал. Говорят, она его прилюдно позорила — мол, что за мужик, не можешь женщину как следует попользовать. Ужасно, верно?

— Да, как я погляжу, эта баронесса Гранстон знойная штучка.

— Бесстыжая белобрысая безбожная мымра, вот кто она! — Трактирщица аж задохнулась от праведного гнева. — Говорят, в Саграморе до сих пор ходят по рукам рисунки, на которых какой-то художник изобразил баронессу голой. Бесстыдство, одно слово.

— Может, в этом и нет ничего плохого, — сказал я, улыбаясь. — В моих краях это называется эротика. Всегда приятно посмотреть на обнаженную женщину, если она красива. Ничего постыдного я в этом не вижу.

— Конечно, — с пренебрежением сказала трактирщица. — Все вы, мужчины, одинаковы. И все ваши мысли у нас между ног. Не ожидала этого от вас, господин Алекто.

— Не сердитесь, Франсуаз, я пошутил. И улыбнитесь — ага, вот так. Когда вы улыбаетесь, вы делаетесь просто неотразимой.

— Да ну вас! — Трактирщица покраснела, махнула на меня рукой. — Поздно уже, пора спать. Я вам приготовила комнату на втором этаже. Вторая дверь по коридору направо. Найдете сами, или вас проводить?

— Мне бы не хотелось отрывать вас от дел. Я сам найду свою комнату.

Мне показалось, что по ее лицу пробежало разочарование. Но я постарался оставить мадам Франсуаз надежду, и потому сказал:

— На тот случай, если вы захотите пожелать мне спокойной ночи, мадам, я оставлю дверь открытой.

Я нарочито медленно поднялся по лестнице, ведущей на второй этаж корчмы и, оглянувшись, посмотрел на мою соблазнительную хозяйку. Она поправляла свои тяжелые волосы, заколотые в сложную прическу. Вздохнув, я направился к двери своей комнаты.

Номерок оказался вполне презентабельным. В комнате было чисто, на окнах миленькие цветастые занавесочки. На столике у приличной кровати кувшин с водой и чашка, под кроватью — ночной горшок. Отдернув покрывало, я вдохнул мягкий запах свежего сена и чистого полотна. Только сейчас я понял, как же я устал за день. Хотелось только одного — раздеться, лечь и обо всем забыть.

Я разделся, аккуратно уложил одежду на стуле, растянулся на кровати и почувствовал, что сейчас заплачу от счастья. Первый день в этом мире заканчивался совсем неплохо. Я ожидал худшего…

— Ээй, господин Алекто!

Я открыл глаза. Мадам Франсуаз стояла у моей кровати, держа в руке масляный фонарь.

— Мадам?

— Я оценила вашу любезность, господин Алекто, — сказала она, помахав мне длинными накрашенными ресницами. — И пришла пожелать вам спокойной ночи.

— Боже, как мило, — я вскочил с кровати и взял ее за руки. — Тогда позвольте еще и поцелуй вместо стакана молока?

— Тысячу поцелуев, дорогой.

Я положил руки ей на талию и почувствовал, что она прямо пышет жаром — ну просто обогреватель «Де Лонжи», а не женщина. Какое-то время мы самозабвенно целовались, потом я

избавил ее от корсажа, юбки и нижней кружевной рубашечки, оставив только милые кремовые чулочки. Мадам Франсуаз тем временем нашла милую забаву для своей правой ручки, и ее умелые ласки были до того в тему, что я ощутил необыкновенный прилив мужских сил и способностей.

— А как же твой муж? — шепнул я, пытаясь избавиться от последних сомнений.

— Я вдова, — прошептала она мне в ухо. — Мой бедный Пьер умер. Год тому назад.

— О! — сказал я и повалил ее на кровать.

Этой ночью я понял, что означает выражение «изголодавшаяся по любви женщина». Думаю, охи и стоны мадам Франсуаз было слышно даже в Саграморе. Милая трактирщица оказалась настолько темпераментной и изобретательной, что я просто потерял счет нашим заплывам. Никогда не думал, что мужская работоспособность настолько зависит от партнерши! После четвертого или пятого раза, когда я почувствовал, что напоминаю до капли выжатый лимон, я попытался устроить небольшой перерыв для куртуазной беседы и восстановления сил, но мадам Франсуаз нежно зажала мне рот своей мягкой горячей ладошкой и шепнула:

— Мы будем болтать или любить друг друга?

Вопрос мог иметь только один правильный ответ, и я его дал. Лишь на заре прекрасная трактирщица решила, что с меня хватит.

— Это было чу-дес-но! — шепнула она мне и, наградив последним добивающим насмерть пятнадцатиминутным поцелуем, покинула меня. Подобрала с пола свои вещи, позволила мне напоследок полюбоваться на свои ослепительные ягодицы без всяких признаков целлюлита, на свою чудесную кошачью спинку и, послав мне воздушный поцелуй, исчезла за дверью. Я остался лежать на простыне, превращенной в лохмотья, весь облепленный перьями из разорванных подушек, и все гадал, где же я сейчас нахожусь — то ли в деревенской гостинице, то ли в раю, то ли в морге.

Глава девятая. Захариус Сто Бутылок

И тут мне этот монстр как вдарит! Я аж с ресурса слетел…

Я проспал мертвым сном до полудня, а по пробуждении, еще раз с удовольствием вспомнив события минувшей ночи, прикинул план действий на ближайшие двенадцать часов. Все шло к тому, что мне необходимо повидаться с магом по имени Захариус. Одевшись и причесавшись, я спустился вниз и увидел, что мадам Франсуаз в нарядном цветастом платье хлопочет за стойкой, разливая по кружкам темный шипучий сидр. Я улыбнулся ей, помахал рукой. Она ответила мне лучезарной улыбкой. Похоже, мои ночные подвиги очень сильно подняли ее жизненный тонус.

— Мадам! — сказал я томно, подойдя к стойке. — Благодарю за великолепную комнату, в ней так сладко спалось! Я видел чудесные сны. Сколько я вам должен за ночлег?

— Двадцать соверенов за комнату, — сказала она. — За сны я с вас ничего не потребую.

— Сейчас меня ждут дела, — сказал я, положив монеты на стойку. — Но когда я закончу с ними, обязательно вернусь к тебе, милая Франсуаз, чтобы увидеть продолжение своих снов.

— Боюсь, господин Алекто, в моей корчме чудесные сны снятся только один раз, — ответила мадам Франсуаз, и в ее глазах появилась непонятная печаль. — Но если захотите остановиться у меня, буду рада. Прощайте, да благословят вас Бессмертные!

Я вышел из корчмы с ощущением, что меня продинамили. Ну ладно, счастье не может быть вечным. Авось, однажды прекрасная трактирщица передумает, и я смогу найти у нее не только вкусную еду и хорошую комнату… Или это мой Венец Безбрачия сработал? Если так, то в этом мире мне вполне могут обломиться лавры Дон Жуана. Гуляй не хочу, а жениться меня никто не заставит.

Заманчиво.

Я вышел из корчмы и отправился вглубь деревни. Дом Захариуса Сто Бутылок находился на западной околице Мансее, но дверь оказалась запертой. Побродив вокруг дома, я решил расспросить местных, где можно в это время найти мага.

— Ищите около озера, господин, — сказал мне пожилой крестьянин, которого я встретил на улице. — Магистр Захариус часто там бывает.

— Магистр?

— Истинно так, господин. Он очень хороший маг.

— Спасибо, отец, — я дал старику один соверен, который тот с поклоном принял. Елки-палки, как непохожи эти люди на сволочных жителей села Мартенек! А ведь и те, и другие живут примерно одинаково. Странно…

Дорога до озера оказалась длиннее, чем я думал. Мне пришлось пересечь всю деревню и потом еще минут двадцать идти через поля. Работавшие в полях женщины провожали меня долгими заинтересованными взглядами. Я спросил у одной из них, правильно ли я иду, и она подтвердила, что да. Я дал ей соверен — вот ничего не жалко для хороших людей! — и двинулся дальше.

Озеро располагалось на дне большого неглубокого оврага. Я начал спускаться по протоптанной среди зарослей репейника и полыни тропинке, и тут услышал громкие крики.

— Помогите! На помощь!

Голос был мужской, и я почему-то сразу подумал о маге. Рискуя свернуть себе шею, я помчался бегом вниз по склону и несколько секунд спустя выбежал на берег озера. У самой воды невысокий невзрачный человек в темной одежде отчаянно отбивался от твари, которую можно увидеть разве только после трехнедельного запоя. Напавшее на человека существо напоминало огромного зеленого полупрозрачного осьминога с единственным глазом на щупальце-стебельке — и этот глаз все время вращался, как мигалка милицейской машины.

— Помогите! — снова закричал человек и упал: зеленая мерзость схватила его за ногу и потащила к воде.

Я вытянул правой рукой из ножен меч, левой — кинжал и бросился ему на помощь. Я мог бы поклясться, что мой клинок перерубил щупальце, тащившее человека к воде, но эффект был такой, будто я пытался нарезать ножом кисель — разруб мгновенно затянулся. В ответ я получил такой удар другим щупальцем в грудь, что взвыл и попятился от твари, пытаясь прийти в себя. Боль была адская, будто ошпарили кипятком. Меня охватила такая злоба, такое бешенство, что я, нисколько не думая о последствиях, бросился вперед, вогнал меч в слизистое тело чудовища, а кинжалом перерезал мерзкий бугорчатый стебель, на котором вертелся глаз зеленого спрута. Эффект был совершенно неожиданный — прямо на глазах спрут расплылся в омерзительную зеленую слизь, которая, хлюпая и пузырясь, медленно потекла в озеро, смешиваясь с водой.

— Святые Бессмертные! — вскрикнул спасенный мной человек. — Ну и гадость!

Тут он сделал то, что показалось мне полным безумием: выхватил из-за пазухи пустую склянку и начал набирать пресловутую зеленую слизь, причем на лице у него был написан прямо-таки детский восторг — именно таким бывает лицо у заядлого грибника, натолкнувшегося на боровик в полкило весом. Или у маньяка-фетишиста, заполучившего наконец в свою коллекцию женского белья какие-нибудь особенно сексуальные трусики. Мне, честно сказать, было не до него. Правую сторону груди пекло, как огнем. Когда я стянул жилет и рубашку, то увидел, что кожа на груди вздулась, покраснела и покрылась огромными волдырями.

— Эй, вы! — крикнул я. — Мне нужна помощь!

— Одну секундочку, мой друг, только секундочку, — человек продолжал запихивать в склянку тягучие комки слизи. — Вы мне очень помогли. Кто бы мог подумать, что я получу слизь большого озерного флегматона!

— У меня ожог, — простонал я. — Печет, сил нет.

— Конечно, — простодушно сказал человек. — У флегматона на щупальцах расположены особые стрекательные капсулы. Обычно одежда защищает от таких травм, но у вас, как я вижу, рубаха из грубого холста, и стрекательные нити прошили ее насквозь. Мои штаны они не смогли проколоть… Что, сильно болит?

— Нестерпимо.

— Покажите-ка, — человек взглянул на мою грудь, почмокал губами. — Так, компресс из смеси лизардового масла, вербены, белой плесени и змеиного яда. А пока… — и тут он плюхнул мне прямо на волдыри горсть зеленой слизи, оставшейся от спрута. — Подобное лечится подобным.

Я взвыл от боли и едва не съездил ему по физиономии, но потом почувствовал, что жжение и боль немного утихли.

— Яд флегматона не очень силен, — успокоил меня лекарь. — Яда одного флегматона хватит только на то, чтобы убить семьдесят пять человек. Правда, это был ну очень крупный… Как вы себя чувствуете?

— По-моему, у меня озноб.

— Естественно, при отравлении ядом флегматона лихорадка неизбежна. Пойдемте, я позабочусь о вас.

— Вы Захариус?

— Да, я Захариус… О, великие Бессмертные!

— Что с вами?

— Откуда это у вас? — Маг вперился взглядом в рыцарский орден, снятый с тела барона Томаса Линча.

— Я нашел его на мертвом теле в пещере Дерьмовая Нора, —

ответил я, превозмогая боль. — Вам знакома эта вещь?

— Конечно. Это же… — Тут он осекся и как-то странно на меня посмотрел. — А вы, собственно, кто такой?

— Алекто. Рыцарь Алекто.

— Рыцарь? Мне показалось, вы просто лох.

— Никогда, — сказал я медленно, пытаясь совладать с яростью и жестокой болью в обожженной груди, — никогда не называй меня эти словом, а то я за себя не отвечаю!

— Хорошо, хорошо… Идемте, все расскажете в моей хижине. Нам нужно срочно заняться вашим лечением.

Глава десятая. Амулет Венсана Уйе

Сейчас я тебе закачаю такое,
что ты сам удалишься…

У хижины мага нас поджидал молодой человек в весьма пестром и причудливом наряде с вышитым на груди логотипом Главного Квеста — Янусом. Рядом с юношей стояла богато убранная соловая лошадь с пухлыми чересседельными мешками. При нашем появлении от шагнул нам навстречу, отвесил изящный поклон и мягчайшим голосом оседомился:

— Джентльмены, кто из вас будет почтенный лох Алекто?

— Я это, — процедил я сквозь зубы, прикидывая, как бы вмазать этому хлыщу так, чтобы на его румяной физиономии не осталось следов. — Чего надо?

— Я привез вам послание, добрый сэр, — нарядный наглец протянул мне перевязанный шнурком свиток. — Извольте прочесть.

Морщась от боли, я сорвал печать и развернул свиток. Очередная эпистола от Консультанта:

Дорогой друг!

Поздравляем Вас с переходом на третий игровой уровень. Ваш статус изменен с «Боевой лох — практикант» на «Боевой лох-защитник». Вам присвоены следующие очки опыта: фехтование — 1, выживание — 1, популярность у женщин — 5, тайные знания — 1, репутация — 3. Соответственно, вы получаете право на приз, каковыми предлагаются:

Деньги — 125 дукатов

Лечение ожогов — 10 единиц (эффект постоянный)

Добротная кожаная куртка лучника

(изготовлено в мастерской мастера Дуччи, класс защиты 1,

Цена за единицу — 300 дукатов)

Магические способности — заморозка (1 минута действия)

Напоминаем, что вы можете выбрать ТОЛЬКО ОДИН приз. Получить призы Вы можете у нашего посыльного, мессира Константэна Сен-Мара.

Неизменно Ваш Консультант

Меня так мучила боль в обожженном боку, что я едва не крикнул «Лечение ожогов». Однако я вспомнил, с какой легкостью гнусный спрут добрался до меня, поэтому произнес:

— Куртка, однозначно.

Юноша кивнул и вытащил из одного из мешков великолепную куртку из толстой черной кожи, с накладными наплечниками, налокотниками и стальной проклепкой на груди, животе и на поясе. Я на несколько секунд даже забыл о боли, так мне понравилась эта байкерская куртеха.

— Получите, добрый сэр, — провозгласил герольд и положил куртку к моим ногам.

— Это все? — осведомился маг. — А мне ничего?

— Увы, добрый сэр, вы не являетесь участником Главного Квеста, поэтому вам ничего не полагается.

— А что, есть и другие участники? — насторожился я.

— Я не имею права отвечать на этот вопрос, добрый сэр, — ответил парень, вскочил в седло и ускакал.

— Ага, примем к сведению, — пробормотал я, глядя ему вслед.

— О чем вы? — спросил Захариус.

— Да о своем, о девичьем… Блин, мы лечиться будем или нет?

— Идемте, проходите в дом.

«Дом» — это сильно сказано. Больше всего это помещение напомнило пункт по приему стеклотары. Кругом бутылки, всех цветов, форм и размеров. Они стояли на полках, глядели на меня из корзин и ящиков, стройными рядами стояли вдоль стен, высовывали горлышки из-под кровати. На столе красовался огромный перегонный куб, на фоне которого остальное лабораторное оборудование мэтра Захариуса выглядело незаметным.

— Ну-ка, выпейте, — Захариус подал мне стакан с какой-то мутной жидкостью.

Я понюхал — крепко пахло сивухой. Выпил залпом — и жидкий огонь растекся внутри меня. Я закашлялся, на глаза набежали слезы. Изнутри ударило теплом, лицо начало гореть еще сильнее.

— Ключница водку делала! — прохрипел я, борясь с кашлем.

— Не ключница, а я сам. Мой фирменный самогон. При отравлениях ядом флегматона полезно выпить, — сообщил мне мэтр Захариус. — Ложитесь на кровать, а я пока приготовлю целебную мазь.

— Кстати, о выпивке. Я принес бутыль с акваголем.

— Вы? — Маг посмотрел на меня изучающим взглядом. — Вы

были в той пещере?

— Да, был. И прикончил волька, как у вас здесь подобную тварь называют.

— Любопытно. Вы можете доказать, что прикончили его?

— Увы. У меня была голова волька, но я продал ее ребятам с медвежьими головами.

— Людомедам? — Маг перестал улыбаться. — Что ж, я понимаю. У вас просто не было выбора.

— В смысле?

— Людомедов наняли убить эту тварь. Герцог, я думаю. Альбано весьма нежно заботится о своих подданных. А Мартенек вообще проблемная деревня. Она пограничная, рядом с деревней лес, а за ним что-то непонятное. Какая-то складка пространства. Поэтому в Мартенеке все время появляются разные монстры. Два года назад там появился красный дэв. А потом вот вольк.

— Так почему у меня не было выбора?

— Если бы вы не продали людомедам голову волька, они забрали бы ее силой. За сколько вы продали голову?

— За пятьдесят дукатов.

— Неплохо. Я обещал за голову монстра сто. Альбано заплатит за нее триста. Людомеды свою выгоду не упустят. Вы потеряли деньги, но зато спасли свою задницу от больших неприятностей.

— Кто такие людомеды?

— Мутанты. Говорят, их создает какой-то могущественный маг-аниматор с Запада. Они отличные воины и очень преданны господину. В Саграморе они появились совсем недавно, но их услугами охотно пользуется наша элита.

— Вы говорили что-то о моем амулете.

— Да. Если честно, акваголь был мне совсем ни к чему. Я нанимал трактирщика Жиля ради амулета.

— Вот как? Вы сказали ему про амулет?

— Нет. Я рассчитывал, что эти ребята найдут в пещере тело барона Гранстона и обберут его. Продать такую вещь они не смогут, оставить у себя тоже — слишком уж дорогая вещица. Жиль непременно предложил бы ее мне. А я бы купил ее. За сотню дукатов. За такие деньги Жиль готов продать родную маму в Саграморскую школу магов для вивисекции.

— Я это заметил. Так что же особенного в этом амулете?

— Это амулет Венсана Уйе. Слышали о нем?

— Об амулете или о Венсане Уйе?

— О Венсане, конечно. О нем лет тридцать назад ходили легенды.

— Если честно, то ничего не слышал.

— Венсан Уйе был сыном короля Гримо Высоколобого, повелителя Авернуа. Эдакий воин без страха и упрека. Когда ему было три года от роду, его проглотил дракон. Понятное дело, дракона тут же убили и вспороли брюхо, чтобы достать принца. Принц был целехонек, только кожа у него от желудочного сока дракона стала черной, как яловый сапог. Поэтому его прозвали Черный Венсан.

— Ну и что?

— К восемнадцати годам Венсан стал великим воином. Барды пели о нем песни по всей империи: Венсан прикончил того, Венсан победил этого, вобщем, все в таком духе. Однако враги насмехались над ним, и тогда Венсан решил обратиться к магам, чтобы вернуть первоначальный цвет кожи. Вот тогда-то он и повстречал могущественного мага по имени Шамхур Рискат.

— Имя восточное.

— Альбарабское. Этот маг был выходцем из Лухистана, а точнее из Альбарабии. Именно он предложил Венсану сделку: Черный Венсан приносит ему пять драгоценных предметов, некогда принадлежавших легендарному царю Заламану Богоравному, а в награду получает эликсир, избавляющий от меланизма. Естественно, наш герой согласился. По легенде, за пять лет поисков он отыскал только два предмета — медальон и книгу. Остальные три найти не удалось.

— Почему?

— Он не знал, как выглядят остальные три предмета. И Рискат этого не знал. Никто не знал и не знает до сих пор. Описание трех волшебных предметов царя Заламана содержится в книге, которую нашел Венсан, но записи в ней зашифрованы.

— Что было с Венсаном дальше?

— Умер, не выдержав напряжения поисков. Так, ложитесь на спину, я намажу вас мазью.

— Ой!

— Что, больно?

— Нет, щекотно… А где теперь эта книга?

— Дед барона Гранстона захватил книгу и медальон во время войны с барабами и привез их в свой замок. Так что книга должна находиться в замке.

— Очень интересно. А что дает обладание пятью предметами царя Заламана?

— По преданию тот, кто соберет вместе пять сокровищ Заламана, получит возможность исполнить пять любых своих желаний.

— Ух, ты! — Я почувствовал необыкновенное волнение. — Это как раз то, что мне нужно.

— Собираетесь пойти по стопам Венсана Черного? — с иронией спросил маг. — Не теряйте времени понапрасну. Вам ни за что не найти артефакты.

— Но попробовать стоит.

— Ваших талантов явно недостаточно для такой великой цели.

— Не боги горшки обжигают, — я с наслаждением почувствовал, что боль в обожженном боку проходит. — Благодарю, Захариус. Мне уже лучше. И ваш самогон того… цепляет.

— Конечно. Ведь я навсегда избавил вас от боли. А теперь поспите. Сон — лучшее лекарство.

Он еще что-то бормотал, но я уже не слушал его. Тело стало тяжелым, голова пустой, руки и ноги онемели. Я попытался что-то сказать, но и язык меня не слушался. Последнее, что я видел — это лицо склонившегося надо мной Захариуса Сто Бутылок. И хитрый блеск в его глазах. А потом… ничего не помню.

Глава одиннадцатая. Новая путеводная нить

Эх ты, шмот зеленый! Не ходить тебе в в рунном прикиде…

Когда я очнулся, то увидел, что по-прежнему лежу в хижине мага. Но мага со мной не было. Зато я увидел Консультанта. Он сидел рядом с перегонным кубом Захариуса и рассматривал на свет содержимое своего стакана.

— Как вы себя чувствуете, мой друг? — спросил он.

— Как с тяжелого бодуна, — я сел на кровати, вздохнул. Потом вспомнил о своем ожоге и посмотрел на грудь. Волдыри исчезли, остались только едва заметные рубцы. — А где Захариус?

— Сбежал, прихватив ваш медальон.

— О! — Только сейчас я понял, что мой медальон исчез. — Как, почему?

— Потому что он давно за ним охотился. С того самого момента, как появился в Саграморе. Он давно подбирался к реликвиям семьи Гранстон, но ходу в замок ему не было. Тогда он разработал весь этот хитрый план. Поселил в пещере у Мартенека вызванного им из мира демонов волька, надоумил барона Гранстона-младшего сразиться с чудовищем. Когда Гранстон погиб в бою с вольком, Захариус договорился с Жилем, что тот найдет лоха… простите, воина, который убьет волька. Сукин сын надеялся, что таким образом амулет попадет к Жилю, а купить его у Жиля гораздо проще, чем забрать из пещеры.

— И он украл его у меня?

— Как видите. При этом отравив вас сильным контактным ядом. Он знал от Жиля, что вы придете к нему за ответами на свои вопросы, вот и устроил для вас этот пошлый спектакль с флегматоном у озера. Убил вас и забрал амулет Венсана.

— Убил? Но я жив!

— Конечно. Наши специалисты по Анастазису воскресили вас. К сожалению, вы потеряли одну бонусную жизнь… Черт, а этот подонок гонит отличный самогон!

— Проклятье! — Только сейчас до меня дошло, какого я свалял дурака. — Я попался в ловушку как последний… лох.

— Не огорчайтесь, мой друг. Главный Квест потому и главный, что здесь нужно быть готовым ко всему. Вы

расслабились и были наказаны.

— Что же мне теперь делать?

— Для начала обыскать хижину мага. Ручаюсь, вы найдете много интересного. А пока до встречи!

Он исчез вместе со стаканом. Я встал с кровати. Голова немного кружилась, но чувствовал я себя вполне сносно. Физически, но не морально. От злобы хотелось загрызть кого-нибудь зубами. Этот ублюдок Захариус развел меня так, что любо-дорого. Надо отдать ему должное — негодяй просто король притворщиков. Оказывается, он все это время подбирался к амулету. Ну, ничего, однажды мы встретимся снова, и тогда…

Я вспомнил, о чем сказал Консультант. Надо поискать в хижине.

Моя куртка и мой меч лежали у изголовья кровати. Я облачился в куртку, подвесил меч на пояс. Проверил свой кошелек. Каким бы подонком ни был Захариус, до кражи он не опустился. Обручальное кольцо Гранстона тоже было на месте. Ублюдок не использовал отличный шанс очень сильно осложнить мне жизнь, без этого кольца я вряд ли смогу ожидать хорошего приема в замке. Что ж, хоть это меня порадовало. Теперь можно заняться делами. Консультант говорил, что мне следует что-то здесь поискать. Поскольку в хижине было темновато, я активировал своего Светляка. И приступил к поискам.

После долгого перебирания бутылок я натолкнулся на спрятанный под столом массивный ларец из черного дерева, на крышке которого был выгравирован золотом и лазурью прыгающий тигр. Ларец был заперт, но я, изловчившись, зацепил защелку замка острием кинжала, и ларец открылся. В нем оказались пара бутылочек с содержимым разных цветов, двадцать дукатов золотом, отличный золотой перстень с изумрудом, два метательных ножа и запечатанное письмо, которое я немедленно прочитал:

Господин!

Я нашел человека, который за скромную сумму сумеет добраться до того, что осталось от Томаса Гранстона и принесет мне медальон. Всегда найдется болван, готовый за деньги плясать перед мордой аануба. Что касается книги, я пока не знаю, как можно добраться до нее, не вызывая подозрений. Баронесса мне не доверяет. Я несколько раз встречался с мажордомом Гранстонов, но это кристально честный идиот, которого не подкупишь. Продолжаю заниматься этим вопросом. Но у меня есть и хорошая новость. Я, похоже, нашел специалиста, который

может расшифровать «Аль-Рисалат». Он живет в Саграморе, и я несколько раз встречался с ним. Похоже, мне удалось убедить этого чудака в моих благих намерениях. Он принимает меня за чокнутого библиофила, подобного себе, и вполне со мной откровенен. Зовут его Яфи Нудельман. Он презренный жуди, но кажется мне толковым ученым. Использую его, а там посмотрим, что с ним делать.

Остаюсь вашим покорным и почтительным слугой и учеником

Шукра

Итак, неотправленное шпионское донесение в чистом виде. У меня появилась новая ниточка — Нудельман. Но для начала надо все-таки попасть в замок и встретиться с баронессой. И попробовать заполучить книгу раньше Захариуса. Я не сомневался, что Захариус-Шукра теперь, когда у него есть медальон, в лепешку расшибется, чтобы завладеть книгой. А это значит, что вдове барона Гранстона угрожает серьезная опасность. Ее-то специалисты из Анастазиса воскрешать не станут.

Положив письмо шпиона в сумку, я вызвал Консультанта.

— Что еще? — осведомился тот, возникнув из пустоты.

— Один вопрос, дорогой Ангел-хранитель: почему Захариус сам не забрал медальон из пещеры? Ведь это он вызвал волька.

— Вы плохо знаете мир магических существ, мой друг. Вольк или ааунб — крайне неприятная тварь. Даже сильному магу не так легко ее контролировать. А уж одолеть его совсем непросто. Гранстон был хорошим воином, и наш друг Захариус решил действовать наверняка. Вам крепко повезло, что вы сумели попасть ему прямо в сердце с одного удара. Захариус использовал очень опасную тварь, чтобы убить Гранстона. А потом, верно, сам понял, что теперь достать медальон будет непросто. Вот и начал искать тех, кто сделает этого за него. Подвернулись вы.

— Специфика Главного Квеста? Ищи лоха, верно?

— Можно и так сказать.

— Почему Захариус разоткровенничался со мной? Рассказал про Шамхура Риската, про драгоценности Заламана, про книгу?

— Потому что собирался вас убить. Был уверен, что вы уже никак не вмешаетесь в ход событий. А поговорить ему хотелось. Нельзя же все время все носить в себе!

— Что это за склянки? — Я показал на бутылочки из ларца.

— Ваш трофей, мой друг. Универсальное лекарство. Красное зелье исцеляет раны и ожоги, желтое — укусы и отравления.

Десять пунктов немедленного и полного восстановления.

— Отлично. А кольцо?

— Перстень Закаленного Ума. Позволяет вам лучше противостоять направленным магическим воздействиям, как-то: гипноз, мнемосканирование, зомбирование.

— Вот это уже кое-что, — я с удовольствием надел кольцо на палец. — Благодарю, Консультант.

— Счастливо оставаться.

Задачи моего квеста вполне определились. Теперь понятно, что я должен найти все пять волшебных предметов царя Заламана. И своего врага я теперь знаю — это некто Шамхур Рискат, альбарабийский маг, на которого работает эта крыса Захариус. Медальон я позорно профукал, так что теперь на повестке дня один вопрос — как заполучить книжку «Аль-Рисалат». Насколько я знаю восточные языки, «Аль-Рисалат» означает «Послание». И есть человек, который сможет прочитать эту книгу — Яфи Нудельман из Саграмора. Но сначала — в замок Гранстон.

Я вышел из хижины, оставив дверь открытой. День был солнечный, порывами налетал приятный освежающий ветерок. Я подумал, что неплохо бы потренироваться в метании ножей, которые я обнаружил в ларце Захариуса. Ножи были стальные, обоюдоострые, примерно в ладонь величиной, треугольной формы и без рукояток, только с коротким хвостовиком. Простое, но грозное оружие. Такой нож, брошенный умелой рукой, в два счета пробьет даже кольчугу.

Я выбрал дерево потолще, отошел на пять шагов и начал бросать ножи, пытаясь попасть в ствол. Поначалу у меня ничего не выходило — ножи отлетали от дерева, или втыкались в него еле-еле. Я ругался, вытирал пот и продолжал тренироваться. Постепенно мне удалось вникнуть в технологию правильного броска: нож следовало плашмя уложить в ладонь, придерживая хвостовик большим пальцем, а потом резко метнуть в цель. Ножи сразу начали лететь как нужно, и вскоре я понял, что теперь эффект поражения зависит только от силы и точности броска. Я кинжалом срезал со ствола кусок коры, расчистив мишень примерно в сорок сантиметров в диаметре, отошел еще на пять шагов и начал бросать ножи, пытаясь попасть в белый круг.

Тренировался я довольно долго и остановился только, когда рука начала ныть, а ножи изрядно затупились. Я сунул их в кармашки на сапогах и теперь чувствовал себя вооруженным до зубов. У меня есть меч, кинжал и эти ножи. Конечно, метательные ножи — это не арбалет, но в бою и они могут отлично послужить.

Тут у меня появилась неплохая идея — устроить в хижине

засаду. Захариус, конечно же, уверен, что его стараниями я теперь холодный труп, и не ожидает подвоха. Содержимое ларца слишком ценно, чтобы за ним не вернуться. Да и от моего трупа ему нужно избавиться. Я дождусь мага, прикончу этого вероломного козла, заберу медальон и отправлюсь добывать книгу. Все-таки одной проблемой у меня станет меньше.

Меня так захватила эта идея, что я даже разозлился на самого себя — и как это сразу мне не пришло это в голову? Вернувшись в хижину, я лег на кровать и закрыл глаза, прислушиваясь к звукам за стенами хижины.

Нет ничего более унылого, чем долгое неподвижное лежание. Я открывал глаза, снова закрывал, прислушивался, потягивался, снова принимал неподвижную позу — и ждал. Солнце, светившее в окошко хижины, все больше тускнело. Начало смеркаться, потом и вовсе стемнело. Тело затекло от долго лежания, но я терпел. Зато, когда явится этот урод, я уж оторвусь по полной…

Мое сердце радостно забилось, когда я наконец-то услышал тяжелые шаги за дверью хижины. Я немедленно вытянулся на постели, положив правую ладонь на рукоять кинжала. Потом на меня упала тень, и хриплый голос произнес:

— Покойничек на месте. Не сбежал, гы-гы! Поищи ларец, Глин. Чародей сказал, он под столом. И факел приготовь.

Я почувствовал, что кто-то ощупывает мои ноги: сквозь прищуренные веки я увидел, что какой-то детина, похожий на привокзального бомжа, пытается стянуть с меня правый сапог. Я рывком согнул ноги и ударил каблуками детину в грудь — он с воплем свалился на второго парня, который лез под стол. Я вскочил с постели, успел заметить невероятный ужас в свинячьих глазках детины и новым пинком повалил его на пол. Между тем второй парень оказался не робкого десятка: оправившись от первого потрясения, он пронзительно завопил и выхватил из-за пояса здоровенный нож.

Мне удалось увернуться от его выпада, но парень оказался ловким, как кошка — он немедленно повторил атаку, и я едва не пропустил удар в живот. Эх, не хотел я убивать, но пришлось. Его нож был слишком слабым оружием против моего меча. Получив удар в шею, парень захрипел и свалился на стол, сбросив с него самогонный аппарат и бутылки. Кровь хлестала из него, как из зарезанной свиньи. Детина, позарившийся на мои сапоги, стоял, прижавшись к стене хижины. Глаза у него остекленели, губы тряслись.

— Вот и все, задница, — сказал я, перешагивая через бьющегося на полу Глина и приставляя острие меча к горлу детины. — Твой дружок сам напросился. Сейчас и ты за ним

отправишься.

— Господин… нет, не надо! — Детина выпучил глаза. — Я…я не хотел!

— Где Захариус?

— Он сказал, что ему надо срочно уехать. Сказал, что пытался вылечить человека от укуса флегматона, а тот умер. Просил сжечь… вас.

— Дальше, задница!

— Попросил забрать его ларец. Денег нам дал, два дуката. Вот и все, господин.

— Куда вы должны были доставить ларец?

— Он велел оставить его… оставить его…

— Где? Говори, мать твою тру-ля-ля!

— У папаши Жиля в Мартенеке. Сказал, что вернется за ним.

— Куда он поехал? Ну!

— Не знаю, господин. Клянусь Бессмертными, не знаю! — Детина начал трястись, точно эпилептик.

— Эх, прирезал бы я тебя, да мараться неохота. Сделаешь все, как скажу, останешься жить, понял?

— Да, господин.

— Под столом лежит ларец. Бери его и тащи Жилю. Понял?

— Ага, — Верзила закивал, точно китайский болванчик.

— Брысь отсюда, падаль!

Верзила вытащил из-под стола ларец и с невероятной прытью выпорхнул из хижины. Глин больше не хрипел, вытянулся на полу, и только его правая нога продолжала судорожно подергиваться. С трудом поборов тошноту, я вытер об одежду убитого меч и вложил его в ножны. Все было кончено, оставаться дальше в хижине нет смысла.

Я недооценил Захариуса. Поганец оказался умнее, чем я думал. Подослал двух хануриков спрятать концы. Ну что ж, и я сегодня получил хороший урок. Когда имеешь дело с магами, нужно следовать правилу: «Хороший маг — мертвый маг». Так отныне и будем действовать. А Захариуса я еще найду. Для него будет приятным сюрпризом, получить от трактирщика пустую коробку. Пусть погадает, сволочь, кто его обчистил — я или Кацбалгер.

Но сначала надо свести знакомство с баронессой Гранстон Де Брейдж и исполнить последнюю волю покойного Томаса Гранстона.

Глава двенадцатая. Замок

Куплю замок в домене.
Хостинг не предлагать.

Ночь я провел в «Ручном единороге» мадам Франсуаз. Очаровательная трактирщица была рада вновь меня увидеть. Помня, что она сказала мне утром, я уже не надеялся на продолжение нашего романа, но ошибся в лучшем смысле слова. Едва я устроился в своей комнате и приготовился отдохнуть, как мадам Франсуаз постучала в мою дверь. На этот раз она прихватила с собой бутылочку красного винца, и время от времени мы прерывали наши любовные игры для того, чтобы выпить по глоточку — и поговорить. Поначалу, признаюсь, я был не слишком откровенен с Франсуаз: после истории с Захариусом мне стало еще труднее доверять обитателям этого мира. Но Франсуаз была так мила, так красива, так ласкова со мной, что ее было очень трудно в чем-нибудь заподозрить. Мало-помалу я разговорился и рассказал ей о себе, опуская, понятное дело, некоторые малопонятные для нее вещи. Так, я ничего не стал говорить ей про компьютеры и про РПГ-игры, сказал только, что провалился в ее мир после того, как меня в кабацкой драке шваркнули пивной кружкой по затылку. Франсуаз слушала, лежа на мне и поедая меня своими влажными черными глазищами.

— Ах, милый, какой же ты герой! — сказала она, когда я замолчал. — Твоя история меня так возбуждает. Я уж думала, что настоящие мужчины остались только в сказках.

— Никакой я не герой. Просто жизнь у меня такая… непростая.

— Знаешь, что меня в тебе удивляет? — Она провела пальчиком по моим губам. — Что ты простой лох, а не рыцарь. Почему?

— Сам не знаю, — вздохнул я. — Судьба. Знаешь, как у нас говорят? Лох-это судьба. Только в твоем мире я это понял.

— Тебе нужна хорошая женщина. Благодаря ей, ты займешь достойное тебя положение в обществе.

— Разве такое возможно?

— А как же! Немного везения — и ты станешь рыцарем.

— Франсуаз, а ты можешь мне объяснить, что у вас означает слово «лох»?

— Это на староимперском языке. Что-то вроде «озерный», «человек с озера». Сейчас у нас так называют чужаков,

чужеземцев. Еще так, я слышала, называют людей, которым знатные господа доверяют кое-какие мелкие поручения. Бабушка рассказывала мне, что наш предок был лохом. Он был пришлым в наших краях.

— Значит, это не оскорбительное слово?

— Нет. Ни чуточки.

— Ах, милая, если бы ты знала, как я тебе благодарен! — Я прижал Франсуаз к себе, начал целовать. Она смеялась, отбивалась от меня шутливыми шлепками, а потом нырнула под одеяло и…

Однажды, когда я вернусь домой — а я обязательно вернусь домой, если даже для этого мне придется превратить этот мир в золу и пепел, — я буду вспоминать свою близость с компьютерной моделью как полное сумасшедствие. Но в тот момент…

Ах, Франсуаз, Франсуаз! И почему в моем мире мне ни разу не встретилась девушка, похожая на тебя?

Я проснулся утром, отдохнувший и бодрый. Франсуаз ушла еще до рассвета. Я понял, почему она эта сделала, когда спустился вниз. На столе меня ждал завтрак — оладьи с патокой, аккуратно нарезанные сыр и ветчина, свежеиспеченные булочки и сидр в глазированной кружке. Честное слово, у меня чуть слезы на глаза не навернулись, так мне стало хорошо на душе! Только ради такого стоит жениться…

— Франсуаз, — позвал я ее, когда завтрак был съеден.

— Что, красавчик? — Она вышла из-за стойки и подошла ко мне. — Что-то не так?

— Спасибо, милая, это были просто обалденные оладьи, — я обнял ее, поцеловал и заметил, что у нее глаза на мокром месте. — Ты чего?

— Ох, если бы ты знал, как давно никто не хвалил мою стряпню! — сказала она. — Бедняжка Пьер говорил, что мне только для свиней готовить.

— Пьер был неправ, — я поцеловал ее еще раз и попросил: — Принеси мне, пожалуйста, точильный камень, зеркало и кружку горячей воды.

Четверть часа я потратил на то, чтобы до остроты бритвы наточить метательные ножи, а потом попытался одним из них побриться. Получилось даже лучше, чем я ожидал. Приведя себя в порядок, я нежно простился с моей чудной трактирщицей и направился к замку Гранстон.

По дороге я поначалу все время думал о Франсуаз, но потом вдруг вспомнил Вику Караимову, свою соседку и давнюю любовь. Вика жила в соседнем подъезде вместе с мамой, тихой и

приветливой женщиной, еще не утратившей величественной красоты, которую в полной мере передала дочке по наследству. Вика была очень хороша собой — высокая, стройненькая, с большущими светло-карими глазищами, с густыми волосами, чуть отливающими рыжиной. Одно время я был безумно влюблен в нее и даже пытался ухаживать. Пару раз пригласил ее в театр, потом на концерт «ДДТ», а после мы сходили в хорошее кафе на Невском. Вика принимала мои ухаживания, и мне казалось, что все у нас срастется, но тут на горизонте появился этот бычара Руслан на своем новеньком «Гелленвагене», и я понял, что мои шансы равны нулю. И чего эти девчонки так падки на тупых самодовольных баклажанов с бабками и на фирменных колесах? Вечерами я смотрел в окно, как этот наглый закормленный пентюх разворачивается у нас во дворе — и злился, злился, злился. А Вика садилась к нему в машину с таким лицом, будто этот урод чуть ли не принц Уэльский. Наверное, в том что случилось виноват и я тоже — ну что мне мешало воткнуться в какую-нибудь компанию «Рога и копыта Инвест», торговать мобилками, комплектующими для компов, сделанными в Чанчуне или в Муньджоу из отходов рисоводства, или просто воздухом и, в конце концов, купить себе такую же навороченную тачку? Возможностей уйти в коммерцию у меня было навалом, всем нужны были мои английский, французский и немецкий. Но при здравом раздумьи я понимал, что дело вовсе не в «Гелленвагене», а в системе ценностей. Ну, куплю я себе такой вот внедорожник за много-много зеленых денег, покорю сердце Вики, а завтра засветится в непосредственной близости очередной Артем-Руслан-Вадик-Рустам-Серега-и-как-его-еще-там уже на «Порше» или на «Феррари» — и амба, приехали, жжем бензин дальше. Моя любовь снова купится на крутую тачку, потому что это престиж, это стиль, это успех, мечта, возможность утереть носы завистливым подружкам. Так Вика Караимова и уехала от меня на «Гелленвагене». С тех пор я потерял интерес к красивым девушкам, а некрасивые меня никогда не интересовали. И еще у меня появилась странная идиосинкразия на имя Руслан — как услышу в баре или в магазине певучий женский голос, зовущий: «Русланчик!», так у меня крапивный зуд идет по всему телу. Вот такой вот я чувствительный — или глупый?

Просто счастье, что в этом мире нет иномарок. Ненавижу я все эти жестяные жрущие бензин коробки со всеми удобствами. Без них мальчики-мажоры никогда бы не отбили девчонок у хороших парней. У меня даже мелькнула странная, почти шизофреническая мысль — а может мне не стоит возвращаться обратно в мой мир? Ну что хорошего у меня там есть? Типовая

холостяцкая квартира в спальном районе, недописанная диссертация, друзья-женатики, которые только и думают о том, как бы заработать, скучные воскресные пикники с банальным шашлыком, водкой и дурацким натужным весельем? А здесь у меня есть Франсуаз. Такая милая, такая тоненькая, такая мягкая, такая ароматная, такая глазастая, такая заботливая. И воздух здесь чистый, и еда вкусная, а слово «лох» не является ругательством. Плюнуть на все, забыть о прошлой жизни, о том, что я неудачник, что я не удержал Вику, что моя жизнь всего лишь пустое сидение за компьютером, сон и еда?

Но смогу ли я забыть о том, что по ту сторону реальности есть белые ночи, купол Исаакия, Дворцовая площадь, длинный коридор филфака, по которому я так любил прохаживаться, когда был студентом? Александро-Невская лавра, в которой меня крестили, школа на Петроградской, где я учился, Пискаревка, где лежат вместе с сотнями тысяч ленинградцев мой прадед, два младших брата моего деда и две его сестры, умершие зимой 41-ого?

Да уж, есть над чем подумать, мать его тру-ля-ля!

Пережевывая свои печальные воспоминания, я добрался до замка. Картинка была вполне живописная — замок Гранстон был образцовым замком с высокими стенами, зубчатыми башнями и высокими шпилями. Он стоял на вершине холма, и к его воротам вела обсаженная серебристыми елями широкая дорога. В воротах стоял один-единственный стражник. В левой руке он держал здоровенную глевию, в правой — дымящую курительную трубку. Когда я почувствовал запах табака, у меня все внутри перевернулось.

— Стой, лох! — крикнул стражник, направляя на меня острие глевии. — Дальше идти нельзя.

— У меня дело к госпоже баронессе, — ответил я, втягивая ноздрями пахнущий табаком воздух.

— У тебя? Ты на себя посмотри, чудак! — Он затянулся, выпустил замечательный сизый ароматный клуб дыма. — Так я тебя и пустил в замок.

— Слушай, приятель, у меня совсем нет настроения спорить с тобой. Я действительно пришел по важному делу. Я знаю, что случилось с бароном Томасом Гранстоном и хочу поговорить с баронессой.

— Не хочешь свою куртку продать? — внезапно спросил стражник.

— Не горю желанием.

— Сто дукатов дам.

— Увы — товар эксклюзивный, скидки на него не

предусмотрены.

— Чего?

— Да так, ничего. Закрыли тему, куртка не продается.

— Интересно знать, где ты такой дорогой курткой разжился? — продолжал стражник. — Может, ограбил кого?

— Тебе-то какая разница, милейший? — Я уловил в тоне стражника жгучую зависть: на нем самом было надето что-то несусветное, некий безобразно сляпанный из ржавой проволоки и засаленного войлока гибрид кольчуги и стеганого тегилея. — Так как насчет встречи с баронессой?

— Нет, не можно, — тупо заявил он. — Почем я знаю, что ты не врешь про барона?

— Эх, приятель, я сейчас жалею, что не захватил щит барона, который нашел рядом с телом. Там была гроздь винограда. Герб Гранстонов?

— Ну и что? Можа, ты где этот герб видел.

— Ладно, приятель, последняя попытка. Ты читать умеешь?

— Не, не обучен.

— А есть кто в замке, кто умеет читать?

— А как же, конечно есть. Капеллан наш, отец Вильмон, да и сама баронесса и писать и читать умеет.

— Вот и славненько, — я вытащил из сумки предсмертную записку барона. — Позови капеллана, дам я ему один мессидж зачитать.

— Чего?

— Того, деревня! Капеллана позови, говорю.

— Ладно, — он наконец-то соизволил вынуть трубку изо рта, перекрыл вход в замок железной решеткой с зубьями, навесил изнутри замок. — Жди тут.

— И табачок захвати! — крикнул я ему вдогонку. — Я у тебя куплю, если продашь.

Цербер вернулся минут через пятнадцать с сухоньким старичком в коричневой рясе. Я с поклоном вручил старику записку барона. Старик взял записку, держа в вытянутой руке начал читать, беззвучно шевеля губами, а потом затрясся весь и порывисто повернулся ко мне.

— Где ты это взял? — заикаясь, спросил он.

— На теле барона. Я пришел выполнить его последнюю волю, отдать кольцо баронессе.

— А кольцо?

— Здесь, — я показал свою руку с кольцом на пальце. — Узнаешь, благочинный?

— Воистину чудо чудное! — Капеллан еще несколько секунд таращился на меня, потом крикнул стражнику. — Открывай

ворота!

— Табак принес? — осведомился я у стражника, который возился с запорной решеткой.

— Мало у меня, — промычал он. — Если только завтра придешь.

— Сколько возьмешь?

— Пятьдесят соверенов за унцию.

— У тебя что, настоящий «Дрюм»? — возмутился я. — Небось, махру палишь. Побойся Бессмертных!

— Не хочешь, не бери, — отрезал стражник. — Или давай меняться: ты мне куртку, а я тебе десять фунтов табаку, самого лучшего.

— И полцарства в придачу, — добавил я. — На Кавказе есть Кура, на Куре стоит гора, на горе сидит грузин по фамилии Обломидзе. Тебе к нему. Фигу тебе, приятель, а не куртку. Я лучше курить брошу.

— Чо?

— Арбалет через плечо. Пока, служивый.

Рожа стражника приобрела прокисшее выражение. Я бросил на него последний победный взгляд и зашагал за капелланом Вильмоном через мощеный булыжником двор к дверям замкового донжона.

Глава тринадцатая. Баронесса Гранстон

Девушка ищет парня для нежной любви.

Фоты здесь. Чего тебе еще нужно, козел?

Капеллан привел меня в замковый холл. Зрелище было печальное — когда-то здесь, наверное, царила роскошь, теперь стены изрядно облезли, гобелены на них полиняли и выцвели, огромная деревянная люстра напоминала подвешенное к потолку тележное колесо, деревянные панели и перила лестниц были безжалостно выщерблены. Даже тростник под ногами и то был какой-то увядший. Пахло сыростью и мышами. Несмотря на то, что в огромном камине полыхал настоящий пожар, было более чем прохладно.

— Ждите здесь, сударь, я доложу о вас баронессе, — сказал мне Вильмон и поднялся по лестнице на второй этаж.

Я прошелся по холлу, разглядывая расставленное в тяжелых дубовых пирамидах оружие. Возле стойки с мечами я остановился и долго рассматривал клинки. Мечи были самые разные — прямые и чуть искривленные, одинарные и полуторные, совсем простые и изящно отделанные. Покойный Гранстон без сомнения очень любил оружие. Да оно и понятно — он был воином. Всю свою жизнь он посвятил военному делу и сгинул в вонючей пещере из-за козней мерзкого альбарабийского шпиона. Странно, однако, что такой опытный воин, — а я был уверен, что Гранстон был опытным и умелым воином, — не сумел одолеть аануба, а мне это удалось. Просто везение? Или неведомая мне пока тайна Главного Квеста? Вряд ли я скоро узнаю правду. Одно хорошо, я выполнил волю бедняги. На душе как-то сразу стало спокойнее.

— Баронесса Гранстон Де Брейдж! — объявил громкий голос за моей спиной.

Я порывисто обернулся и замер с открытым ртом. Потому что увидел ее.

Памелу.

Мать твою тру-ля-ля, не могут две женщины быть так похожи! Разве только разработчики моего квеста моделировали эту Памелу с той…

— Подойдите, друг мой, — сказала она, и голос ее звучал глубоко и бархатисто. — Подойдите, чтобы я могла поблагодарить вас за вашу услугу. А вы, Иероним, — сказала она

стоявшему рядом с ней мужчине, — оставьте нас, прошу.

Она была в атласном черном платье с белыми кружевными манжетами и кружевным стоячим воротником — просто воплощение траура. Сколько ей лет, двадцать пять, тридцать? Мне в этом наряде она показалась просто ослепительной. Я на негнущихся ногах подошел к лестнице, склонил голову. Баронесса не спеша, сошла вниз. Я ощутил, как ее рука коснулась моего плеча.

— Только благородный человек мог сделать то, что сделали вы, — сказала она. Почему-то мне казалось, что она говорит на безупречном английском языке, хотя я понимал, что это не так. — Я прочла его предсмертную записку. Теперь мне кажется, что я была недостойна его. Как он погиб?

— Он погиб в бою, миледи, — сказал я, не поднимая лица. — Как храбрый и благородный рыцарь.

— Радостно это слышать. Что с его телом?

— Оно покоится в пещере, где он погиб. Лучшего склепа нельзя пожелать.

Блин, не могу же я сказать бедной вдове, что в нескольких десятках метрах от тела ее мужа бьет фонтан самой настоящей браги! Теперь, когда я пришиб волька, в пещеру начнется самое настоящее паломничество местных алкашей. И все они будут тусоваться у останков барона. Вряд ли кто додумается предать его земле. И, между прочим, в записке ни словом не было сказано, что нашедший должен похоронить беднягу…

— Хорошо, — я почувствовал макушкой, что она улыбается. — Я знала, что он мертв, но не хотела верить. Теперь, по крайней мере, нет этой ужасной неизвестности. Вы хотите мне что-нибудь сказать?

— Это звучит нескромно, миледи, но я… я убил тварь, которая повинна в смерти вашего мужа. Пусть хоть это вас утешит.

— Похвально. Как я могу вас отблагодарить?

Боже! В мою кровь влетело одновременно сразу столько адреналина с тестостероном, что я едва не лишился чувств. Все поплыло у меня перед глазами, и я невольно сделал шаг назад, чтобы сохранить равновесие и не упасть.

— Что с вами? — удивилась баронесса.

— О, миледи, не обращайте внимания. Я всего лишь немного… устал.

— Понимаю. Вы проделали долгий путь. Как я сразу не догадалась, глупая! Не волнуйтесь, в замке Гранстон вы желанный гость и найдете здесь все самое лучшее.

— Не сомневаюсь, миледи.

— Куршавель! — крикнула баронесса.

Появившееся существо можно было назвать женщиной только с очень большой натяжкой. Оно появилось на галерее второго этажа и чинным неспешным шагом спустилось к нам. Настоящий синий чулок. Длинная, тощая, плоская как лист фанеры, с крысиной мордочкой, лишенной подбородка и торчащим носиком, да еще в мешковатом старушачьем платье. Ей было лет тридцать, и это платье прибавляло еще пятнадцать. Когда она заговорила, ее голос показался мне мяуканьем недовольной кошки.

— Миледи? — Куршавель присела в подчеркнуто аккуратном реверансе и уставилась на меня своими глазенками.

— Это наш гость, мессир…

— Алекто, — сказал я, поклонившись грымзе, на что она ответила ледяным церемонным поклоном.

— Мессир Алекто привез печальное известие о нашем бедном Томасе, — сказала Памела. — Он устал с дороги и мы, как гостеприимные хозяйки, должны о нем позаботиться. Но вначале, — она стянула с пальца кольцо с великолепным алмазом и протянула мне, — примите это в знак моей признательности. Вы отдали мне кольцо Тома, так возьмите это на память о той услуге, которую мне оказали.

— Миледи, — я покашлял в кулак, снова потупил взгляд, — я был бы последним уродом, если бы посмел взять у женщины ее драгоценность. Хотя женщины, подобные вам, не нуждаются в украшениях, поскольку сами являются драгоценными изделиями Бессмертных, это кольцо больше вам к лицу, чем мне, бедному страннику. Если бы баронесса позволила, я бы сам предложил способ, коим ваша милость может осчастливить меня до конца моих дней.

— Да? — В ее глазах вспыхнул интерес. — В самом деле, я об этом не подумала. И что это за способ?

Нет, я не могу это сказать. У меня ноги подкашиваются. Ясен пень, каких слов она от меня ожидает. И эти слова так и просятся мне на язык. Женщина одна уже несколько месяцев — вряд ли в этих местах знакомы с понятием «сексуальная эмансипация». Но она слишком великолепна. И она баронесса. А я просто лох. Хоть и боевой.

— Миледи, — я снова закашлялся, чтобы выиграть время и дать мыслям прийти хотя бы в относительный порядок, — глядя на вас, я не верю своему счастью. Я всего лишь бедный странник и не смею надеяться на что-то большее, чем простая признательность. Но я бы просил вас — искренне, от всего сердца, — подарить мне свою…

— «Ночь любви!» — завопил внутренний голос. — «Проси, идиот! Ночь любви!»

— … дружбу, — выдохнул я.

— Боже, как вы учтивы! — сказала баронесса, сложив свои безупречные губы в усталую усмешку. — Куршавель, сегодня будет интересный ужин. Такие гости большая редкость в наших краях.

— Ужин?

— Не думаете ли вы, друг мой, что я позволю вам лишить нас вашего общества прямо сейчас? — Она улыбнулась так, что уровень тестостерона в моей крови стал запредельным. — Сегодня утром в наш замок прибыл странствующий менестрель. Надеюсь, вечером он развлечет нас. А сейчас Куршавель проводит вас в комнату, где вы сможете отдохнуть.

— Благодарю, миледи.

— Вы не сказали, каким способом я могу наградить вас.

— Разве? — Я почувствовал, что мне не хватает воздуха. — Миледи ошибается. Я просил вас считать меня своим другом. Другой награды мне не нужно.

— Это так мало, мессир Алекто, — с грустью сказала она. — Я видела, как вы рассматривали мечи Гранстонов. Простите, я должна была подумать об этом сразу. Когда вы пожелаете покинуть мой замок, я буду рада, если вы возьмете себе любой из этих мечей на память о Томасе, — и тут, несколько секунд помолчав, она добавила: — И обо мне, конечно.

Глава четырнадцатая. Хатч

Концерт был хороший — лабухи не киксовали.

На закате в комнату, отведенную мне для отдыха, явилась Куршавель и жестяным голосом сообщила, что ее милость баронесса Гранстон ждет меня к ужину. Следуя за камеристкой, я попал в большую трапезную замка.

В трапезной было тепло, ярко горели свечи. Несколько здоровенных черных догов прогуливались по залу, но на меня они не обратили никакого внимания. Баронесса уже сидела за столом в высоком кресле. Я поклонился, она улыбнулась и красивым жестом предложила сесть по левую руку от себя. Справа от баронессы сидел какой-то крепкий перец в нарядном бархатном дублете и с массивной золотой цепью на шее. Я поклонился ему, он ответил мне небрежным кивком. Его внешность мне не понравилась — бритая голова, маленькие прижатые уши, низкий лоб, бледно-серые ледяные глаза, приплюснутый нос и совершенное отсутствие интеллекта на физиономии. Типичный боец из какой-нибудь губернской ОПГ. Повесь ему вместо рыцарской цепи «гимнаста» на шею, сунь «Нокию» в лапу, надень спортивный костюм, кожанку и кроссачи, и сходство будет полным.

— Якоб, это мессир Алекто, о котором я вам говорила, — сказала баронесса человеку в дублете. — Мессир Алекто, познакомьтесь — благородный рыцарь Якоб де Ванбрахт, наш сосед и человек, воплощающий лучшие рыцарские доблести.

— Мессир? — Де Ванбрахт скривился в презрительной усмешке. — По-моему, он просто лох.

— Совершенно верно, милорд, — сказал я. — Я лох, и этим горжусь. Мои предки родом из Лох-Несса, а это что-то да значит.

— Лох-Несс? — Рыцарь изобразил напряженную работу мысли. — Что-то знакомое. Это где-то на западе?

— На севере, — поправил я. — Как раз на стыке Хайленда и Лоуленда.

— Не бывал. Памела, — обратился де Ванбрахт к баронессе, — ты не говорила, что сегодня за ужином будет еще один гость.

— Я забыла, Якоб, — с рассеянной улыбкой ответила Памела. — Иероним, покажите мессиру Алекто его место.

Я почувствовал знакомую злобу. Именно такую, какую

чувствовал когда-то, видя, как Вика Караимова садится в джип Руслана. Дураку понятно, что этот де Ванбрахт — любовник баронессы. Я все понимаю, жизнь идет, и природа требует свое, но мне почему-то стало очень обидно за себя. А еще больше за Томаса Гранстона.

Мажордом провел меня за стол. Мое место находилось слева от баронессы, сразу за местом капеллана Вильмона. Старичок поприветствовал меня благословляющим жестом, а слуга в синем атласном сюрко с вышитой серебром виноградной гроздью налил мне белого вина в кубок.

Де Ванбрахт первым завел беседу. Для начала он рассказал нам бородатый анекдот про студента, жену плотника и влюбленного в нее причетника по имени Абсолон. Видимо, история казалась ему невероятно смешной. Особенно тот момент, когда жена плотника выставляет в окно зад, и причетник целует ее именно в эту часть тела.

— Гы-гы! — трясся Де Ванбрахт, проливая на скатерть вино. — Прямо в гузку, гы-гы!

— Чосер, «Кентерберийские рассказы», история мельника, — сказал я.

— Что? — Рыцарь перестал смеяться.

— Ничего, сэр. Просто вспомнил похожую историю.

— Ты, верно, знаешь много историй.

— Пожалуй, сэр. Но не думаю, что все они будут интересны баронессе.

— Я бы послушала, — сказала леди Гранстон.

— Охотно, миледи. О чем бы вы хотели послушать?

— О чем-нибудь пристойном, — ответила баронесса, глянув на де Ванбрахта.

— Тебе не понравилась моя история? — удивился рыцарь. — Странно. Я смеялся до упаду. А мой оруженосец Виктуар аж посинел от смеха, будто его щекотали шлюхи из «Сладких губок».

— Итак, мессир Алекто, вы готовы нас развлечь? — спросила баронесса.

— Да, расскажи нам сказку, лох. Про то, как нашел Тома, — вставил де Ванбрахт. — И убил то животное, которое прикончило его. Забавная сказочка.

— Это не сказочка, — ответил я, пригубив вино. — Это правда.

— Ты, простой лох, сумел убить зверя, одолевшего рыцаря?

— Я не простой лох, сэр. Я боевой лох-защитник.

— Ну и что? — Де Ванбрахт оскалил мелкие желтые зубы. — Не рыцарь, даже не простой латник. А Томас был хорошим бойцом. Говорю как есть, хотя на турнирах он никогда не

блистал. Помню, три года назад на турнире в Белло его вышиб из седла командор Ордена Золотого Сердца. Я потом победил орденца, но Томас не смог продолжить состязание.

— Ну и что? — спросил я, прекрасно понимая, что де Ванбрахт рассказал об этом случае только для того, чтобы подчеркнуть свое превосходство над Томасом Гранстоном. Меня это неприятно кольнуло. Знакомый типаж — самоутверждается за счет унижения других. Выделывается перед Памелой.

— А то, что не верю я, будто ты, лох, убил зверя, который одолел Томаса.

— Ты, достойный сэр, сам только что сказал, что Гранстона не раз побеждали на турнирах. Значит, ты признал, что могли быть бойцы лучше него. Таким бойцом могу быть я. Таким бойцом являешься ты. Барон хотел освободить своих крестьян от чудовища, но Бессмертные не были к нему благосклонны. Возможно, если бы ты отправился на охоту за аанубом, мне бы не пришлось доставлять печальные вести твоей жене.

Де Ванбрахт самодовольно хмыкнул. Его слабенький серый процессор не уловил моего намека на то, что он, в отличие от Гранстона, не способен на донкихотство. Я переключил внимание на стоявшее передо мной большое блюдо с печеной свининой. Мясо было явно недосоленным.

— Однако у нашего гостя неплохая латная куртка и приличный меч, — сказал рыцарь, наблюдая за мной. — Правда, доспех лучника не сравнить с моей кантарийской кирасой из кованой стали. Веришь ли, Памела, этот выскочка Доу бился со мной об заклад, что его латы круче моих. И что же — я распорядился повесить свою кирасу и кирасу Доу на дереве, велел своим арбалетчикам дать по ним залп, а потом мы посмотрели на результат. Ха! На моей кирасе и царапин не осталось, а железка Доу оказалась пробитой в шести местах!

Так, я будто снова слышу знакомую песню. Сразу вспомнилось, как Русланчик расхваливал свой «Гелленваген»: «Эдик-Лезгин мне типа втирает, что у меня резина хило трассу держит, а я ему — блин, шугнись, братан, ща дадим! Как выжал сто пятьдесят, а тачку даже не мотнет. Во, грю, резина, не то, что на твоей «Паджеро!» Наверное, нет ни одного мира, где не водились бы подобные типы.

— Мне достаточно моего доспеха, сэр, — сказал я, срезая ножом мясо с кости. — Ведь у меня нет оруженосцев, которые будут усаживать меня на коня и ссаживать обратно. Коня у меня тоже нет.

— Коня? — И тут де Ванбрахта понесло. Громко, взахлеб, он начал рассказывать о своем вороном по кличке Бумьер (надо же,

и тут, оказывается, есть «бумеры»). О его скорости, выносливости, о том, сколько дукатов он стоит, как в сражении он рвет зубами врагов, облегчая хозяину ратный труд. Непременно о том, как обзавидовались все рыцари от Уэссе и Лансана до Саграмора, когда увидели его коня. Я бы не удивился, если бы Ванбрахт загнул, что его конь в свободное от битв и охот время бегает в трактир за пивом для хозяина и возит к нему девочек из «Сладких губок».

«Гелленваген», «гелленваген». Я ошибся — в этом мире есть свои эквиваленты иномарок.

— Однако, господа, давайте послушаем менестреля, — предложила Памела, которой, видимо, начал надоедать этот поток бахвальства. — Куршавель, пригласи маэстро Хатча.

Унылая камеристка тут же встала из-за стола и вышла. Вернулась она через пару минут с менестрелем, который показался мне странным. Вроде обычный менестрель — длинные темные волосы, рубаха правда не очень чистая, но с кружевными манжетами и пышным жабо, кожаные штаны, сапоги. Но я глянул на его инструмент и понял, что здесь что-то не так. Всегда представлял себе средневекого менестреля с лютней, на худой конец с виолой или фиделью. Но тут…

Маэстро Хатч извлек из чехла двенадцатиструнный «Эко-Рейнджер», и по- моему настоящий, белого замеса.

Последние сомнения исчезли, когда менестрель заиграл. Первую композицию я не узнал, но вот вторая была мне слишком хорошо знакома. Когда-то я слушал ее по тридцать раз на дню, потому что она называется «Vickie». Я был влюблен в эту мелодию, потому она была тезкой моей возлюбленной.

— Наш менестрель только дерет струны, — заявил Ванбрахт с кислой гримасой. — За такую игру следует забросать костями, а не дукатами. Эй, любезный, ты знаешь нормальную песню?

— Нормальную песню для правильных пацанов, — пробормотал я.

— Что милорд хотел бы послушать? — осведомился менестрель.

— Ну, эту, про сэра Даннакена и его храбрых парней. Или «Узник Дагуорта». Или «Мельничиха мне давала обещание любить». Не знаешь? А эту:

Едет телега вперед, к эшафоту,
Два стражника рядом сидят,
Я в цепи закован, сижу между ними,
И вороны в небе кружат.

— Интересно, «Мурку» у них тоже поют? — произнес я, макая горбушку в соус.

— Увы, добрый сэр, я не знаю этих песен, — побледнев, ответил менестрель.

— Жалкий пес! — Ванбрахт плюнул на пол. — Ступай на конюшню убирать навоз. Даже медного гроша от меня не получишь.

— Зачем же так сердито, Якоб? — улыбнулась баронесса. — Может, маэстро Хатч знает другие песни?

— Позвольте мне! — Я решился, встал из-за стола, вытер руки полотенцем и подошел к менестрелю. — Если баронесса желает, я мог бы спеть дуэтом с маэстро Хатчем.

— Наш храбрый лошок еще и певец, — хмыкнул Ванбрахт.

— Вы доставите нам большое удовольствие, — сказала Памела, улыбаясь.

— Слышь, друг, — обратился я к менестрелю, — респект тебе за «Назарет».

— Ты…оттуда? — Маэстро Хатч чуть не бухнулся в обморок. — Как ты…

— Потом перетрем. Ты из Макара знаешь что-нибудь?

— Макаревича в смысле? Да хоть что слабаю!

— Вот и начнем. «Давайте делать паузы в словах» помнишь?

— Как два пальца об стол. Тональность?

— Можно соль. Играем?

— А то! — Хатч прямо просиял весь. — Поехали.

Я вообще-то певец немногим лучший, чем гитарист. Так, бряцаю по струнам для собственного удовольствия. Девчонкам на университетских вечеринках нравилось мое пение. Но тут я был в ударе. Возможно потому, что встретил земляка. Хатч играл отменно. Не Зинчук конечно, и не Ричи Блэкмор, но переборы у него получались офигенные. Мы спели «Давайте…», потом «Летучий Голландец», «Место, где свет», потом я выдал свою любимую «Свечу». Закончив петь, бросил быстрый мимолетный взгляд на нашу аудиторию. Ванбрахт зевал во все тридцать два бычьих зуба, баронесса задумчиво теребила краешек кружевной салфетки, страшненькая Куршавель украдкой вытирала слезы.

— Скука, — сказал Ванбрахт, когда Хатч в последний раз дернул струну. — Пой монахам, приятель, они любят это гнусавое вытье.

— Якоб, не богохульствуй, — одернула его баронесса. — Благодарю вас, мессир Алекто. И вас, маэстро Хатч. Мне понравилось. Только почему вы не спели нам про любовь?

— Только для вас, миледи, — сказал я с поклоном и заметил, как злобно сверкнули глазенки Ванбрахта. — Мои любимые

строки одного очень известного в наших краях менестреля.

Я собрался с мыслями, попросил Хатча подыграть какой-нибудь барочный переборчик и начал читать балладу, которую однажды скачал в сети, переписал и положил в почтовый ящик Вики:

Алеет небо, начался восход,
Мчит сокол к тучам, ходит там кругами,
Без промаха голубку сверху бьет,
Рвануться прочь ей не дает когтями.
Удел такой же нам назначен с вами
Амуром, что дарит блаженство людям,
Задетым хоть слегка его стрелами,
А потому всегда мы вместе будем.
Душа моя да не перестает
Единой целью жить — служеньем даме.
Любовь к ней лавром мне чело увьет,
Оливковыми оплетет ветвями
Ревнивый ум, и сделать нас врагами
Ему уж не удастся, и орудьем
Сближения он станет меж сердцами,
А потому всегда мы вместе будем.
И если непомерный груз забот
Судьба мне взвалит на плечи с годами,
Ваш взор ее удары отведет
Быстрей, чем прах взметается ветрами.
Обязан стать, сравнясь с отцом делами,
Таким, чтоб не могли нас попрекнуть им,
Плод, выращенный нашими трудами,
А потому всегда мы вместе будем.
Принцесса, чувство — все равно что пламя:
Оно тепло дарует нашим грудям,
Чтоб ни случилось в этом мире с нами,
А потому всегда мы вместе будем. [Перевод Ю.Корнеева]

— Какая прелесть! — сказала Памела, когда я дочитал стихи. — Это вы написали?

— Если бы, миледи. Это написал величайший поэт нашего мира по имени Франсуа Вийон.

— Очередной бумагомарака, — отозвался Ванбрахт. — Ненавижу поэтов.

— Это заметно, сэр, — сказал я и поклонился рыцарю.

— Никогда не слышала о мэтре Вийоне, — произнесла Памела. — Как жаль. Спасибо за чудную балладу, Алекто.

— Миледи, я бы хотел поговорить с менестрелем с глазу на глаз, — сказал я.

— Извольте. Мы будем ждать вашего возвращения. Куршавель, заплатите менестрелю.

— А я не дам ни полушки, — заявил Ванбрахт.

— А я у тебя и не возьму, — прошептал Хатч.

Глава пятнадцатая. Невеста для лоха

Если ваш компьютер висит,
перережьте веревку.

В миру Хатча звали Валерой. Если я питерский, то Валера был из Нововолжска — есть такой маленький городок близ Самары. Его история сильно отличалась от моей — он не получал уведомления по «мылу», не встречался с Консультантом, не проходил профилирования. Человек просто пришел домой после работы, сел за компьютер, загрузил любимую сетевую ходилку-стрелялку, вошел в игру и…

— Что-то вдруг мигнуло, и компьютер завис, — рассказывал мне Хатч, и было видно, что он сильно волнуется. — Я подумал, что опять на подстанции химичат, решил выйти из игры. Нажал на Esc, и тут кааак грохнет!

— А потом?

— А потом я очнулся уже здесь. В этой одежде, с гитарой и с несколькими монетами в кармане. Полдня просидел в какой-то роще и выл от ужаса. Понимаешь, я решил, что умер. Правда, потом дошло, что я попал в какое-то другое измерение. Знаешь, как в фантастических романах. Идет человек себе по улице, идет и вдруг — на, получи! Ты больше не в Москве, не в Питере, не в Нововолжске, а в палатах царя Ивана Грозного. Или в какой-нибудь тюряге с иномирскими урками кантуешься. Да еще со смертным приговором в активе!

— Ну и что было дальше?

— А ничего. Пришел в себя, подумал-подумал и решил, что надо что-то делать. Взял гитару и пошел, куда глаза глядят, пока не добрался до этого замка.

— А Консультант тебе не встречался?

— Какой Консультант?

Я понял, что должен рассказать Хатчу, как я сам попал в этот мир. Он выслушал меня внимательно, а потом сказал:

— Да, подбросили они тебе подлянку, ничего не скажешь!

— Это ты о чем? — насторожился я.

— Да о профиле твоем.

— Пустяки. Мне тут одна девчонка объяснила, что слово «лох» у них не ругательство. Что-то вроде «чужак». А мы и есть чужаки. — Я посмотрел на Хатча. — Не, здорово, что я тебя встретил. Теперь вдвоем будет веселее.

— Скажешь тоже! — Он пожал мне руку. — Играем в одной

банде. В четыре руки.

— А ты что, музыкант?

— Ага. В группе играю на гитаре и клавишах. Слышал такую группу «Визит Воланда»?

— Не приходилось. Я вообще-то русским роком не интересуюсь. Так, Макара иногда слушаю, «ДДТ».

— А в замке ты как очутился?

— Нужно мне тут отыскать одну вещь. Только вот не знаю, как правильно к этой Памеле подкатить.

— Слушай, какая тетка! — Хатч восторженно округлил глаза. — Она же вылитая…

— Понял уже. Тут слепой увидит. Еще и имя одинаковое. Но не про нас карамелька. Видел, какой лось при ней? Ну, ничего, я умный, я что-нибудь придумаю. Ты куда сейчас?

— Пока не знаю.

— Знаешь, подожди меня во дворе. Я попробую со своими делами разобраться и тебя найду.

— Слово?

— Обижаешь, Хатч. Встретить в чужом мире земляка и потом слызнуть от него — это не по-нашему.

— Прости, — Хатч глубоко вздохнул. — Я ведь таких страхов натерпелся, что теперь больше всего боюсь один тут остаться.

Я хотел сказать ему что-нибудь ободряющее, но тут появилась Куршавель.

— Мессир Алекто! — позвала она уже гораздо более дружелюбным тоном, чем раньше.

— Ладно, до встречи, — сказал я менестрелю. — Жди, как договорились.

Хатч кивнул и вышел в низкую дверь, ведущую на галерею. Куршавель немедленно подошла ко мне поближе.

— Должна признаться вам, мессир Алекто, что вы так замечательно пели. И стихи о любви растрогали меня, — объявила она, почему-то перейдя на шепот. — Это было так… волнующе. Я бы еще с удовольствием послушала стихи мэтра Павильона.

— Вийона, сударыня. Рад, что угодил вам.

— Вы еще почитаете стихи?

— Как вам будет угодно.

— Миледи попросила узнать, закончили вы свою беседу с менестрелем, или нет.

— Да, уже все. Я иду в зал.

— Погодите немного, — она запнулась и покраснела. — Я хотела вам сказать… если вам что-нибудь понадобится, то вы…

Бедненькая, подумал я, глядя на девушку. Природа обидела

тебя по самое не могу. Каково это — иметь такую серую невзрачную внешность и при этом каждый день видеть свою шикарную госпожу, которой природа дала все в избытке? Наблюдать, как все без исключения мужики теряют рассудок от одного появления ее госпожи и знать при этом, что нет ни единого шанса, что кто-то из них посмотрит на тебя? Наверное, это страшно тяжело. Мне почему-то захотелось сказать этой дурнушке что-нибудь приятное.

— Вы очаровательны, когда краснеете, — сказал я с любезной улыбкой.

— А когда не краснею? — спросила она.

Вопрос бы, что называется, не в бровь, в глаз. Но я быстро нашелся.

— И когда улыбаетесь, — добавил я. — А еще когда задаете трудные вопросы.

Бог ты мой, она, кажется, пытается со мной кокетничать! Спасибо, друг Вийон, ты мне подкузьмил.

— Вы и вправду так думаете? — спросила она, просветлев лицом.

— Воистину, — провозгласил я с важным видом.

Серая мышка просто задохнулась от счастья. А я стоял и думал, что я, идиот такой, делаю. Но самое интересное было впереди. То, что Куршавель заявила мне в следующую секунду, добило меня окончательно.

— Мессир Алекто, — начала она, стреляя в меня своими маленькими глазками, — вы очень понравились миледи. Так понравились, что она…даже не знаю, как сказать…

— Я весь внимание, — я не верил своим ушам: красавица баронесса все-таки заинтересовалась мной! Есть Бог на свете, есть. Трудно описать, что я испытывал в эту секунду. — Итак, что же миледи?

— Когда вы вышли, она шепнула мне: «Куршавель, посмотрите, какой милый юноша! Вы были бы прекрасной парой», — сказала камеристка и опустила переполненный счастьем взгляд.

О, нет! Я почувствовал себя, как человек, которому поднесли фужер самого лучшего французского коньяка, а в последнюю секунду убрали коньяк и поставили на его место стакан с «Трояром». Я добросовестно попытался скрыть свои эмоции, но, видимо, мне это не совсем не удалось, потому что Куршавель перестала улыбаться.

— Что с вами, Алекто? — спросила она озабоченно. — Что-то не так?

— Нет-нет, просто, — я вцепился пальцами в ворот куртки, —

просто тут немного душно. Еще раз, что вы говорили о баронессе Гранстон?

— Она считает, что мы с вами можем составить прекрасную пару, — она приблизилась ко мне на расстояние поцелуя и шепнула: — Но самое главное, мессир Алекто, что и я так считаю!

Ее лишенные ресниц глазки закрылись, губы потянулись к моим губам. Я понял, что деваться некуда.

Однажды, еще будучи студентом второго курса, я познакомился с очаровательной блондинкой Ириной. Я так основательно за ней ухаживал, что мне удалось получить приглашение в гости. Когда я пришел к Ирине, то она, взяв меня за руку и загадочно улыбаясь, сообщила, что хочет познакомить меня со своей бабушкой, бывшей примой Мариинки. Бабушка сидела в гостиной. Когда я посмотрел на нее, то понял, что люди действительно могут жить до двухсот лет. Голубое нарядное платье, толстый слой белой штукатурки на ссохшемся личике и выкрашенные синькой волосы делали бывшую приму похожей на мумию голубой феи.

— Кто это, Ирочка? — прошелестела бабушка, пытаясь меня разглядеть.

— Это Леша, мой друг, — сказала моя пассия, подводя меня к этому реликту глубокой старины. — Леша, поздоровайся с бабушкой.

Бабулька подала мне свою ручонку, я взял ее, в душе молясь, чтобы иссохшая рука не отломилась — и, собравшись с духом, поцеловал. Подняв лицо, я увидел, что бабушка сидит с закрытыми глазами, видимо припоминая дни своей бедовой молодости при дворе короля Артура. Трудно описать мои эмоции в те минуты. Вроде как Тутанхамона поцеловал. Потом, уже после этого рандеву, я подумал, что во второй раз, пожалуй, не смогу повторить подобный подвиг.

И вот теперь я повторил его, когда мои губы встретились с губами Куршавель. Помоги мне, Венец Безбрачия!

— Ах! — Камеристка повисла у меня на шее. — Как долго я ждала этого дня, милый!

— Нам надо вернуться в зал, — сказал я, понимая, что долго не выдержу.

— Вам плохо со мной? — Она отстранилась от меня с видом оскорбленной гордости. — Вы не хотите со мной побыть?

— Ах, нет же, просто нельзя заставлять миледи ждать.

— Вы правы, — сказала она уже мягче. — Но после ужина…

И тут меня осенило. Ну, конечно, как я сразу-то не допетрил! Надо выжать из ситуации весь ресурс, который в ней есть. Жестоко, конечно, использовать внезапно вспыхнувшую любовь

этой перезревшей красотки, но другого выхода у меня нет.

— Куршавель, могу я попросить вас об услуге? — спросил я.

— Все, что только пожелаете, — томно ответила она, не сводя с меня обожающих глаз.

— Мне нужно найти одну вещь.

— Какую же?

— Одну книгу, — решился я. — В замке есть книги?

— Конечно. Отец лорда Томаса собрал неплохую библиотеку. Только последние два года ей почти никто не пользуется.

— Почти?

— Мадам ничего не читает, а покойный лорд Томас лишь изредка бывал в библиотеке. Только я время от времени беру там книги.

— Мне очень нужна книга, которая называется «Аль-Рисалат».

— Ничего не знаю о ней, — Куршавель встревожено посмотрела на меня. — Я ее там не видела.

— Она сто процентов должна быть в замке.

— Все книги, что есть в Гранстоне, находятся в библиотеке. Если желаете, милый мессир Алекто, мы можем посмотреть вместе.

— Не просто желаю — жажду! — Я услышал то, что хотел услышать.

— Я все устрою, — шепнула она. — Доверьтесь мне, милый.

— Спасибо, Куршавель.

— Стойте! — Она топнула ножкой, увидев, что я собрался обратно в трапезную. — Вы разве не хотите меня еще раз поцеловать?

Глава шестнадцатая. Зомби в библиотеке

Чтобы вызвать зомби, нажмите клавишу «X»
Нажали? Зомби уже в пути.

Ужин закончился за полночь. Де Ванбрахт набрался в лохмотья. Он говорил много и громко, не давая никому слова сказать. Сначала мы выслушали его эмоциональное выступление на тему: «Почему меня все уважают?». Далее, последовал длинный перечень титулованных персон, которых де Ванбрахт в разное время победил на турнирах.

— Сэр Ришмон, сэр Фанзак, сэр Авари Скромный, принц Бутус, — перечислял он, — сэр Фанзак… Нет, Фанзак был уже… А, сэр Каллапут Безжалостный и его племянник, тоже Каллапут. Они что, оба Каллапуты? Или это был один рыцарь?

Под занавес он загрузил нас несусветным бредом про то, как он в одиночку и голыми руками разогнал целую орду рыцарей, посмевших усомниться в его искусстве владения мечом.

— Я их бил… вот этой рукой! — повторял он, демонстрируя нам свою ладонь с грязными ногтями. — По сусалам… бил. По мордам. А они валялись… ик… валялись у меня в ногах. А я… плевал на них, вот так! — Он плюнул себе на подбородок. — Вот так… плевал!

Оплевав себя и стол, он сменил звуковую дорожку и попытался спеть нам песню про какого-то парня, который на турнирах дрался не копьем, а своим мужским аппаратом невообразимой величины. Поскольку оперативной памяти ему явно не хватало, он все время перевирал текст этой конгениальной песни и выдавал нам раз за разом припев следующего содержания:

Не знал этот рыцарь, тра-ла-ла-ла-ла-ла,
Чем выбил я его из седла,
Но взгляд принцессы все верно усек,
И мне отдала она свой венок,
Дан-дин-ла-ла,
Дан-дин-ла-ла,
Она свой венок для меня берегла!

Когда он в пятнадцатый раз запел эту шнягу, баронесса

решила, что с нее хватит.

— Иероним, помогите сэру Якобу пройти в его покои, — велела она мажордому.

— Помогать? — Благородный сэр попытался сфокусировать взгляд. — Вздор! Де Ванбрахт не ну… нуждается в вашей помощи, черви!

— Якоб! — с упреком сказала баронесса.

— Сэр Якоб! — загремел де Ванбрахт. — Еще вина!

— Я ухожу, — баронесса встала со стула. — Иероним, проследите за тем, чтобы сэр Якоб не упал в камин.

— Миледи, я бы тоже хотел отдохнуть, — сказал я, радуясь возможности избавиться от де Ванбрахта и его пения.

— Разумеется, мессир Алекто. Куршавель, проводите гостя.

Камеристка немедленно подскочила ко мне и стрельнула глазами. Я поклонился баронессе, и мы вышли из трапезной.

— Ну, так как насчет библиотеки? — спросил я Куршавель.

— Мне надо зайти в мои покои за ключом. Ключи есть только у Иеронима и у меня. — Она заговорщически мне подмигнула. — Так что нам никто не помешает, милый мессир Алекто.

— Рад это слышать.

Мы дошли до той части замка, где располагались жилые покои.

— Мессир Алекто не желает зайти ко мне в гости? — осведомилась она.

— Не сейчас, дорогая, — я с ужасом представил себе, к чему может привести такое гостеприимство. — В другой раз. Нас ждут дела.

Куршавель шмыгнула в свою комнату. Появилась она через минуту, взяла меня за руку и повлекла в библиотеку.

Замковая библиотека располагалась на четвертом этаже донжона. Куршавель отперла низкую дубовую дверь, и мы попали в мрачноватый и темный зал, уставленный тяжелой мебелью. Собственно книг здесь было очень немного. Мое внимание привлекли две закрытые стеклянные витрины у дальней стены. В одной из них красовалась здоровенная инкунабула, в второй — истрепанная книжка в зеленом сафьяновом переплете.

Витрины были заперты, ключа у нас не было, отмычек тоже. Но попробовать вскрыть витрины все же стоило. Куршавель разожгла фонарь, и я попытался отпереть замок витрины кинжалом. После минутной возни я открыл замок. Инкунабула оказалась «Подлинной и преужасной историей мэтра Грандо из Талагосы, написанной им самим». Пролистав книгу, я убедился, что это совсем не то, что я ищу.

— Она? — шепнула Куршавель.

— Увы, нет.

Отложив «Подлинную историю», я занялся второй витриной. И опять меня ждал облом. Замок открылся, но книжка в сафьяновом переплете была всего лишь молитвословом.

— Вы нашли, что искали? — осведомилась Куршавель.

— Нет, — я бросил книгу в витрину, захлопнул крышку. — Но я знаю, она где-то здесь.

Примерно полчаса мы потратили на то, чтобы облазить все полки, шкафы, шкафчики и сундуки в библиотеке. Я даже заглянул в большой глиняный кувшин и отодвинул тяжеленный диван от стены, подозревая, что за ним может быть какой-нибудь тайный сейф.

— Ничего? — спросила Куршавель.

— Ничего, — я посмотрел на молитвослов. — Ну-ка, гляну я эти книжки еще разочек. Не случайно же их упаковали в витрину.

— Уж побыстрее бы найти! — вздохнула Куршавель. Я заметил, что она очень выразительно поглядывает на диван, который я двигал.

Я тщательно просмотрел молитвослов на предмет вложенных схем, записок или пометок на полях. Ничего. А потом вдруг увидел на черном бархате в витрине плоский бронзовый ключ. Как это я сразу его не заметил?

— От чего этот ключ, Куршавель? — спросил я, поняв, что я в прямом и переносном смысле нашел ключ к «Аль-Рисалату».

— Не знаю. Я никогда не открывала эту витрину.

Я схватил ключ и снова начал метаться по библиотеке, пытаясь теперь уже найти замок, что отпирается этим ключом. А потом меня осенило.

— Замочная скважина должна быть во второй витрине! — сказал я тем же тоном, каким Архимед произнес свое знаменитое «Эврика!»

Отодвинув книгу мэтра Грандо, я ощупал бархат в витрине. Мои пальцы наткнулись на углубление. Оторвать бархатную обивку было совсем нетрудно, и я увидел скважину. Ключ вошел в нее с глухим щелчком, и сразу послышался шум, будто где-то за стенкой заработал лифт.

В стене, прямо между витринами, открылась скрытая дверь. А из нее на нас вывалился самый настоящий зомби. Когда-то он был мужчиной, причем довольно высокого роста и крепенького такого телосложения. Физиономия у него совершенно разложилась, была покрыта лиловыми и зелеными пятнами, одна глазница пустовала, а уцелевший глаз был будто наполнен свернувшейся кровью. В свалявшихся волосах зомбака что-то копошилось — мне совсем не хотелось знать, что именно. Одежда на нем

превратилась в бурые лохмотья, которые почти не скрывали того, что криминалисты называют крайней степенью гнилостного распада. Куршавель мяукнула от ужаса и бухнулась в обморок. Я тоже едва не отрубился, не столько от вида этого парня, сколько от того непередаваемого амбре, которое он принес с собой в библиотеку. А еще кадавр был настроен крайне недружелюбно. Злобно зашипел и попер на меня, протягивая ко мне свои мерзкие полусгнившие корявки. Мой желудок медленно, но верно пополз к горлу.

— Момент, — сказал я зомбаку, отбежал подальше и выблевал давешний ужин в кувшин. — Вот теперь я готов.

Зомби совершенно не заинтересовался лежавшей на полу Куршавель и двинул ко мне, продолжая шипеть. Я представления не имел, как можно прикончить парня, который уже умер, но метнул в него один за другим мои метательные ножи. Первый попал ему в грудь и отскочил, второй угодил прямо между глаз. Зомбак отшатнулся, а потом пошел на меня снова. Двигался он не то чтобы быстро, но довольно уверенно, и его глаз был все время направлен на меня. Временами зомби скашивал его на торчащий в его физиономии нож. Все, что мне оставалось, так это попытаться лишить его зрения.

Итак, я прыгал вокруг своего противника, колол мечом, целя в глаз, а мертвец уворачивался, причем делал это довольно ловко. Наверное, со стороны это смотрелось как игра «Попадешь — не попадешь». Так мы забавлялись наверное с минуту. Потом кадавр изловчился, отбил лапой мой меч и так проворно кинулся ко мне, что я едва не пропустил удар разложившейся пятерни в лицо. На меня пахнуло такой вонью, что в глазах потемнело. Помню, что я завопил и треснул его мечом по башке. Меч разрубил зомбака от макушки до подбородка и крепко засел в его черепушке.

Пару мгновений я пытался вырвать клинок из головы кадавра, а потом заметил, что он больше не шипит. Мертвец застыл в неподвижности, а потом подломился в коленях и свалился на пол рядом с Куршавель.

Немного отдышавшись, я вытер меч о портьеру, потом вытащил из трупа свой метательный нож и тоже его протер (было очень неприятно!) и занялся Куршавель. Она довольно быстро пришла в себя.

— Ой! — пискнула она, когда к ней вернулась способность соображать. — Что… что это было?

— Ничего особенного, дорогая, — сказал я. — Просто зомби.

— Зомби? Боже, какой ужас! Этот вид, этот запах…

— Что есть, то есть, — подтвердил я. — Явный переизбыток метилмеркаптана. У парня давным-давно истек срок годности.

— Мессир Алекто! — Куршавель смотрела на меня, как на сошедшего с неба ангела с огненным мечом. — Вы убили его. Вы такой герой!

— Пустяки. Давайте искать книгу.

Мне совершенно не хотелось принимать от Куршавель изъявления благодарности, тем более что скверный запах в библиотеке крепчал с каждой секундой. Перешагнув через зомби, я заглянул в дыру в стене, откуда он появился.

— Ага, тут лестница есть, — обрадовался я. — Интересно, куда она ведет?

— Мессир Алекто! — Куршавель часто-часто заморгала глазами, словно собиралась заплакать. — Что вы хотите делать?

— Спуститься по этой лестнице, милая. Сто пудов, что книга где-то там.

— Мессир Алекто, вы совсем обо мне забыли…

— Как можно, милая! — Я шагнул к ней и обнял ее, пытаясь представить, что держу в своих объятиях баронессу Гранстон ди Брейдж. — Я только посмотрю, что там внизу и вернусь, обещаю.

— И вы оставите меня с… ним? — Куршавель с отвращением посмотрела на дважды мертвого зомбака.

— Он неопасен, сударыня. А там, куда я иду, могут быть еще подобные твари. Так что лучше подождите меня тут. Я только посмотрю — и вернусь.

Игриво подмигнув камеристке, я вошел в дверь и начал спускаться по лестнице. Активировав мой «Светляк», я увидел, что лестница спиралью уходит вниз. Спуск занял у меня не больше минуты, и я очутился в пустой сухой пещере, вероятно, расположенной где-то под замком Гранстон. Никаких зомби и прочих опасных тварей здесь не было — тот сильно подгнивший фрукт, что напал на меня в библиотеке, вероятно, был единственным. В середине пещеры я заметил белый прямоугольный ящик, очень похожий на небольшой саркофаг.

— Неплохо, мой друг!

— Вы? — Я даже не удивился появлению Консультанта. — Пришли сообщить новости?

— Именно. Вы перешли на четвертый уровень и получаете статус боевого лоха-воина. Соответственно вы получаете по одному очку опыта в номинациях Фехтование, Выживание, Работа в команде, по два очка в номинациях Репутация, Здоровье и Популярность у женщин.

— Весьма тронут. И где же мои призы?

— Загляните в саркофаг.

В саркофаге оказались короткий композитный меч (класс оружия 3, стоимость 250 дукатов), заклинание немедленного

самоисцеления, мешок с деньгами и Эликсир Бодрости, дающий мне способность не спать аж трое суток подряд. А еще там лежала книга в позеленевшем от времени медном окладе.

— «Аль-Рисалат»? — спросил я Консультанта.

— Точно. Гранстон-старший спрятал его здесь еще до рождения сына Томаса.

— А зомби?

— Страж книги, созданный придворным алхимиком барона. По легенде, этот зомби когда-то был любовником жены барона и редким щеголем.

— Бедняга!

— Вы не сделали выбор приза.

— Я выбираю самоисцеление.

— Весьма разумно, — Консультант взмахнул рукой, и прочие призы исчезли. — Чтобы активировать самоисцеление, выберите боевой клич. Если в ходе боя вас ранят, выкрикните его, и ваше здоровье начнет восстанавливаться. Пока вы неплохо справляетесь. Удачи.

Он исчез. Я прикинул, какой клич можно сделать своим «сен-дени монжуа». Сразу вспомнилось, что я кричал в пещере, когда дрался с аанубом. Пойдет, пожалуй. Без претензий и звучно.

Я открыл «Аль-Рисалат». Письмена были мне совершенно незвестны, какие-то значки, похожие на маленьких паучков с разным количеством лапок. Будем надеяться, что Яфи Нудельман сумеет разобраться в этой хирагане.

Я сунул книгу в свою сумку и огляделся. Справа от меня в стене пещеры чернело какое-то отверстие. Возможно, это выход. Хорошая способность оставить Куршавель с ее длинным носом. Правда, я лишаюсь меча, который мне обещала баронесса, да и Хатч меня ждет. Но из двух зол надо выбирать меньшее. И я вызвал Консультанта.

— Что-то забыли спросить? — осведомился он.

— Куда ведет этот ход? — Я показал на отверстие в стене пещеры.

— К берегу реки. Вы хотите покинуть замок? Прямо сейчас?

— Именно.

— По-моему, вы несправедливы к бедняжке Куршавель.

— Не думаю. У меня немного другие планы. Брак с Куршавель в их число не входит. Я бы с большим удовольствием женился на баронессе. Или на мадам Франсуаз.

— Однажды вы пожалеете о своей черствости, мой друг. Я понижаю ваш параметр популярности у женщин на два пункта.

— На здоровье. — Тут у меня появилась неплохая мысль. — Есть одна просьба. Во дворе замка меня ждет менестрель по

имени Хатч. Вы не могли бы устроить нам встречу вне замка?

— Это не входит в правила игры, но для вас…

— Прекрасно! Тогда скажите, что я жду его на берегу реки. И пусть не мешкает.

Консультант развел руками и исчез. Я облегченно вздохнул и полез в подземный ход.

Глава семнадцатая. Саграмор

Добро пожаловать на наш сайт: www. gorod.com.

Регистрация гостей на сайте: www. ovd. com.

До Саграмора мы с Хатчем добрались на рассвете. Крепостные укрепления города внушали уважение и трепет, а количество солдат на стенах настораживало. Ворота уже были открыты, но еще на подходе к ним нас остановила стража в лице трех рослых парней в красных мундирах и с алебардами.

— Сержант Торимир Красавек, начальник охраны Северных ворот, — отрекомендовался белесый крепкий парень с черными нашивками на мундире. — Кто такие?

— Я Алекто, а это Хатч, — сказал я за двоих.

— Вооруженный лох и менестрель, так-так, — сказал Красавек, сверля меня взглядом. — Чужаки. Откуда?

— Из Мансее. Мы гостили у баронессы Гранстон, теперь идем в город по делу.

— По какому делу, интересно знать?

— Нам надо найти одного ученого.

— Звучит неубедительно. А пропуск у тебя есть?

— Какой еще пропуск?

— Такой пропуск. Подписанный его светлостью герцогом Альбано. Ты что, лох, не знаешь, что вход в город со вчерашнего дня только по пропускам?

— Вот чего не слышал.

— Теперь услышал. Герцог Альбано своим последним высочайшим эдиктом запретил пускать чужаков в город. Особенно таких подозрительных, как вы.

— Что это в нас подозрительного? — Я сощурился. — Мы обычные мирные граждане, идем в город по личному делу.

— Обычные? Мирные? Пой песню, соловушка. А куртка у тебя такая откуда?

Вот мать его тру-ля-ля, далась им моя куртка!

— Я купил эту куртку, — ответил я. — У мастера Дуччи. За триста золотых. Еще есть вопросы?

— Пропуск гони, лох. Без пропуска не пущу ни тебя, ни этого рифмоплета.

— Что будем делать? — шепнул Хатч.

— Не киксуй, маэстро, все под контролем, — я шепотом

трижды произнес свой ник. Консультант не появился. Меня это удивило и встревожило, и я снова произнес формулу вызова.

— Да здесь я, здесь! — раздался недовольный голос у меня под ухом. — Просто я невидим. Не хочу, чтобы эти парни видели, как я вам помогаю.

— Понял, — я полез в свою сумку. — Как ты думаешь, дорогой ангел-хранитель, у меня в сумке будет пропуск или нет?

— Уже есть, — ответил мне невидимка. — Еще проблемы?

— Пока нет.

— Эй, что ты там бормочешь? — спросил меня сержант Красавек.

— Говорю сам с собой, — ответил я. — Есть у нас, у лохов такая привычка. Помогает в трудных ситуациях.

— В этой не поможет. Я тебе ясно сказал, пропуск гони. Или вали отсюда, пока цел.

— Зачем же так грубо, — я достал из сумки два свитка, пропуск для меня и для Хатча. — Тебе эти пропуска нужны, а?

— Чо? — Сержант развернул сначала один свиток, потом другой, разобрал текст, потом посмотрел на нас очумелым взглядом. — Чего ж вы сразу не сказали, милорды?

— Ах, даже милорды, а не лохи? Приятно слышать. Есть вопросы?

— Никак нет, милорд, — Красавек с поклоном вернул мне пропуска. — Добро пожаловать в город, милорд. Позволю посоветовать вам: чтобы свободно передвигаться по городу, зайдите к городскому префекту, господину Кадэ Амиру. Его штаб-квартира находится в здании ратуши. Он сделает особую пометку в ваших пропусках.

— Непременно зайдем, — Я подарил сержанту ледяную улыбку и вошел в ворота. Хатч поспешил за мной.

Пройдя кордегардию, я развернул один из свитков. Там было сказано, что милорд Хатч приглашен в Саграмор лично герцогом Альбано. То же самое было написано у меня.

— Эй, любезный! — окликнул я солдата, который сидел на ящике недалеко от дверей в кордегардию и вытряхивал из сапога набившийся туда мусор. — А чего это у вас вход по пропускам?

— Дык, война, милорд, — ответил солдат.

— Какая еще война?

— А вы и не знаете? Вот те на! Вчера по всему городу герольды раструбили, что на нас напал король Лансана, Жефруа Дебильный. Его армия уже перешла границу Сагграморского герцогства, так-то.

— Отличная новость, — пробормотал я. — Мы попали на войну.

— Идем отсюда быстрее, — сказал Хатч. — Что-то эти парни подозрительно на нас смотрят.

Предложение было резонным, оставалось только согласиться. Мы двинули от ворот вверх по узкой немощеной улице, заваленной отбросами и пропахшей самыми скверными запахами. Дома вокруг нас были вполне в духе средневековья: двух-трехэтажные фахверки, прилипшие один к другому, с грязными стенами и некрашеными окнами и дверями. Их обитатели были под стать домам. Утро выгнало их из домов, кто-то спешил по делам, а кто-то просто грелся на солнышке. У меня появилась неплохая мысль.

— День добрый, отец, — обратился я к грязненькому тощему старичку, сидевшему на крыльце среди куч отбросов. — Какие новости в городе?

— А тебе что за дело, лох? — ответствовал дедушка. — Ступай-ка ты себе отсюда, нечего мне с тобой болтать.

— Хотелось бы узнать кое-что, — я поборол сильнейшее желание настучать старому хаму по его лысой головенке, улыбнулся и поиграл на солнце монеткой в один соверен. — Мы сами не местные, ищем знакомых в Саграморе. Есть желание заработать?

— Заработать оно всегда хорошо, — проскрипел дед. — Чего хочешь?

— Где мне найти парня по имени Яфи Нудельман?

— Не знаю такого, — ответил день после минутного раздумья.

— А кто может знать?

— Кто? Спроси старьевщика Макса, он тут всех знает.

— А где мне найти этого самого Макса?

— Дойдешь до конца улицы, повернешь направо. Там будет лавка Макса.

— Вот это деловой разговор, папаша, — я вручил старику монетку, и мы пошли дальше.

Улица вывела нас на небольшую круглую площадь, окруженную домами. В центре площади возвышался памятник какому-то воителю. Полтора десятка горожан слонялись вокруг памятника, чавкая ногами в раскисшей грязи, и с любопытством разглядывали еще одно украшение этого места — виселицу на три персоны. Две веревки были уже заняты, одна пока пустовала. Несколько мальчишек азартно швыряли камни в висельников, пытаясь попасть им в лица, и без того настрадавшиеся от ворон. Я слышал, как хрястнула кость от удара попавшего в цель камня, и меня затошнило.

— Местное правосудие, — сказал я Хатчу.

Хатч не ответил, выражение лица у него было самое страдальческое. А я тем временем заметил двух эльфов — они стояли у входа в один из домов и тоже смотрели на повешенных. Чтобы рассмотреть их получше, я решил подойти к ним.

Мне всегда нравились эльфы. С того самого дня, как я прочел Толкиена. И плох был бы Главный Квест, если бы в ходе его выполнения я не встретил эльфов. Есть в этих существах что-то необыкновенно загадочное и благородное. Вот и сейчас меня привлек их внешний облик. Эльфы были рослыми, каждый на полголовы выше меня, оттого их худоба казалась немного нездоровой. Смуглокожие, с длинными светлыми волосами, заплетенными в тугие мелкие косички, светлоглазые, одетые в одинаковые широкие зеленые куртки, расшитые серебряными узорами по рукавам и подолу, они были похожи, как братья-близнецы. У обоих на поясе висели в изящной работы ножнах тяжелые кривые кинжалы, которые эльфы называли bolga, кроме того, у каждого за спиной красовался причудливой формы плоский ящик, похожий на скрипичный футляр. Я догадался, что в этих футлярах разобранные луки и все к ним необходимое.

— Мое почтение, господа эльфы, — сказал я с учтивым поклоном.

Они посмотрели на меня без особого интереса.

— Тебе что-то нужно, человек? — спросил ближний ко мне эльф мелодичным глубоким голосом.

— Я всего лишь хотел поздороваться. Прошу прощения, если побеспокоил.

— Нет, ты не должен извиняться, — произнес второй эльф. — Судя по всему, ты такой же чужак в этом городе, как и мы.

— Истинно так.

— А твой приятель менестрель? — спросил первый эльф, показав на Хатча.

— И очень неплохой, смею заверить.

— Любопытно, — на лице эльфа появилась слабая улыбка. — Мы как раз говорили о том, где бы нам найти хорошего менестреля.

— Вам нужен менестрель? — оживился Хатч.

— Да, человек. Есть… одна работа. Если ты поможешь нам ее выполнить, получишь хорошую награду.

— Я никогда не против хорошей работы, — сказал Хатч. — И хорошей награды. Что нужно сделать?

— Э, нет, не здесь и не сейчас, — промолвил эльф. — Приходи через два часа в гостиницу «У прыгающего волка», что на Зеленой улице. Там и поговорим. И ты приходи, — обратился он ко мне. — А теперь ступайте, пусть ваши боги благословят вас.

— Как ты думаешь, чего они от нас хотят? — спросил Хатч, когда мы отошли от эльфов.

— Не знаю. Поживем-увидим.

— Слушай, у меня прям голова кругом идет, — зашептал Хатч, — никогда бы во все это не поверил. Эльфы, рыцари, баронессы, замки! Может, мне все это снится, а?

— Тогда получается, что мне это тоже снится. А двум людям не может сниться одинаковый сон.

— Верно, — вздохнул Хатч. — Это не глюк, и это страшно. У меня жена, наверное, все морги обзвонила. Ну что, куда теперь?

— Идем искать Макса.

Лавку мы нашли без особого труда. Хозяином оказался неухоженный бомжеватого вида мужичок с заячьей губой, который подозрительно оглядел нас с головы до ног, а потом сказал:

— Ф фем пофаловали? Фелаете пфодать фто-нибудь?

— Желаем узнать кое-что. Поможешь — не обидим, — я показал ему монету в десять соверенов. — Нам нужен Яфи Нудельман.

— Яфи Нудельман? — Макс почесал мизинцем макушку. — Фто-то флыфал про нефо. Один парень для нефо фтарые книги покупал.

— Что за парень?

— Фыле Фобафник.

— Силе Собачник?

— Ага, — Макс обрадовано сверкнул глазами.

— И где нам найти этого Силе?

— В таверне «Фтарый фалдат».

— Ясно, — я вручил Максу монету, и мы вышли из лавки.

— Что будем делать? — спросил меня Хатч.

— Пойдем в таверну. Может, этот самый Силе поможет найти Нудельмана. А не поможет, еще поищем. Времени у нас полно.

Глава восемнадцатая. Имперский маг

Рекомендованный уровень — рекрут.

Таверна «Старый солдат» располагалась в южной части города, на берегу канала, превращенного несознательными горожанами в сточную канаву. Мы еще не дошли до таверны, а я понял, что здесь что-то не так. Солнце едва-едва дошло до зенита, а у дверей корчмы собралась внушительная толпа мужчин от восемнадцати и старше. Кто-то стоял, кто-то сидел, кто-то закусывал, не обращая внимания на гудящие в воздухе тучи мух и запахи с канала. Все эти люди были в большинстве своем скверно одеты, все с узлами и котомками, и у всех были на редкость угрюмые лица. Предчувствуя неприятный поворот событий, я подошел к коренастому парню с нечесаной соломенной гривой и печальными глазами.

— День добрый, приятель, — сказал я дружелюбно. — Что за сборище тут, не подскажешь?

— А ты что, любезный, не знаешь? — Парень посмотрел на меня с плохо скрытым раздражением. — Идет набор в армию герцога.

— Так это все рекруты? — Я показал на толпу у дверей таверны.

— Ха, рекруты! Чего захотел! Рекруты в другом месте. А нас собрали тут по приказу господина Амира, префекта Саграмора. Всем пришлым приказано под страхом смерти являться на вербовочные пункты для этого… — парень напряг извилины, пытаясь вспомнить трудное слово, — для калеквиума.

— Коллоквиума?

— Во-во! Заводят внутрь по одному и болты болтают. А там определяют, кого куда. Кого в пехоту, кого в кавалерию, кого в лучники, кого в разведку. Усек?

— А если кто не захочет служить?

— Захочет не захочет — никого не волнует, потому как приказ самого господина Амира. Тут твоего хотения никто не спросит. А если и приказ тебе не писан, тогда туда глянь! — Парень показал на большое дерево на берегу канала. Я глянул и тут же перевел взгляд на собеседника — четыре висельника на сучьях дерева ясно объяснили мне, какова политика саграморских властей в отношении уклоняющихся от священного долга военной службы. Мухи так облепили повешенных, что лиц не

было видно.

— Неприятное украшение, — заметил я.

— Одного при мне повесили, — сказал парень. — Он так орал, когда его к дереву тащили, что аж обоссался. А ему петлю на шею, и на сук. Так он еще потом долго ногами дрыгал и языком давился.

— Вот только не надо подробностей, — я посмотрел на Хатча. — Кажется, мы влипли.

— Мы еще можем уйти отсюда, — шепнул побледневший Хатч.

— Не можем, — я покосился на трех дюжих стражников в черных кафтанах поверх кольчуг, появившихся из дверей таверны. — Попробуем убежать, поймают и повесят сушиться на солнышке.

— И что нам делать? — Хатч выглядел испуганным.

— Сыграем в солдата Швейка, — сказал я и направился к дверям таверны. — Эй, братцы, дайте дорогу будущему герою!

— Ты что? — Хатч испугался уже всерьез.

— Устроим маленький хеппенинг, — я подмигнул менестрелю. — Есть идея.

В трапезной таверны сидели за столом два человека — лысый толстяк с усами а-ля Тарас Бульба, одетый в форму с незнакомым мне гербом на груди, и молодой светловолосый парень в панцире из кожи и кольчужной сетки. Еще один, пожилой и сухопарый, стоял в стороне и, заложив руки за спину, смотрел в окошко.

— День добрый, уважаемые, — сказал я, кланяясь. — Кто из вас будет Силе Собачник?

— А ты кто таков? — рявкнул усатый.

— Алекто из Лох-Несса, — представился я, шагнув к столу. — Моего друга зовут Хатч-менестрель. Мы прибыли в город по приглашению светлейшего герцога Альбано.

— Да? — Молодой блондин окинул нас недоверчивым взглядом. — А где это приглашение?

— Прошу вас, сэр, — я подал свитки, сделал шаг в сторону и замер в самой почтительной позе.

— А и верно, — сказал блондин, пробежав наши пропуски глазами. — Этот лох не врет. Когда прибыли?

— Только что, сэр. Мы собирались отправиться к господину Кадэ Амиру, чтобы поставить пометки префекта на пропусках, но по дороге решили найти человека по имени Силе Собачник.

— Зачем он тебе?

— Нам сказали, что он скупает старые книги. Я хотел купить книгу о местной фауне.

— О чем? — не понял усатый.

— О животных. О чудовищах.

— Интересно, — усмехнулся молодой воин. — Ты что, охотник?

— Вроде того, сэр. В деревне Мартенек я убил редкого зверя и хотел бы побольше узнать об этом существе. Может, мне удастся выгодно продать его шкуру, кровь, желчь и кости.

— Человек, именуемый Силе Собачник, арестован по приказу его милости префекта Амира и находится в темнице, — сказал блондин таким тоном, что я почувствовал беспокойство. — Нарушение военного режима. Так что придется тебе подождать, когда его выпустят. Или повесят.

— Печально это слышать. В таком случае, разрешите откланяться.

— Момент, — усатый вцепился в меня взглядом. — Ты из каких мест родом?

— Город Санкт-Петербург, сэр.

— Говори мне «господин капрал», — поправил усатый. — Не знаю такого города. Где это?

— Далеко, господин капрал. Очень далеко от Саграмора.

— От имени его высочества герцога Альбано Изысканного, повелителя Саграмора, я объявляю тебе, лох, что ты находишься на вербовочном пункте славной и непобедимой армии Саграмора, — выпалил усатый заученную фразу, раскрыл что-то похожее на гроссбух, обмакнул перо в чернильницу. — Имя? Возраст? Сословие? Вероисповедание?

Я подумал, что лучше ответить. Усатый вписал в свою книгу: «Алекто из Лох-Несса, 26 полных лет, боевой лох, верит в Бессмертных», а потом заявил:

— Первая рота латников, синий вымпел. Командира зовут сэр Серж де Азлатур. Рота стоит в Старом городе, штаб в корчме «Добрый приют». Вот тебе мобилизационное предписание, — он сунул мне мелко исписанный листок, взяв его из стопки, справа от себя. — Если через три часа…

— Пустое, господин капрал, — я постарался придать своему лицу максимально идиотское выражение. — Служить Саграмору честь для меня. Я и шел сюда для того, чтобы вступить в армию его светлости герцога.

— Сам шел? — Усатый выпучил глаза. — Во даже как? Тут у нас эти сиволапые не знают, как от службы откосить, а ты сам шел? Это почему?

— А потому, что я хочу защищать Саграмор, как родную землю. Я понял, что это мое призвание — быть солдатом. И этого парня тоже, — я показал на Хатча. — Так ведь, Хатч?

— Эээ? — Хатч закашлялся. — Да-да, конечно!

— Давно я не видел, чтобы кто-то так рвался на военную службу, — усмехнулся молодой. — Уж больно вы хотите попасть на службу в армию его светлости. Что-то подозрительно это.

— Долг каждого честного лоха, — сказал я напыщенно, — верой и правдой служить герцогу Альбано!

— Ну да, — лицо капрала приняло менее настороженное выражение. — Это ты верно сказал.

— Весьма подозрительное рвение, — сказал молодой.

— Зря вы так, милсдарь, я ведь от сердца, — ответил я, глядя честными глазами на молодого. — Вот и Хатч так же думает. Верно, Хатч?

— Истинный Бог! — провозгласил менестрель.

— Ишь ты, первый раз вижу таких чудных лохов! — воскликнул капрал. — Может, ты ко мне в роту пойдешь, парень?

— Погоди, капрал, — пожилой воин отошел от окна, глянул на меня взглядом инквизитора. — Говоришь, убил зверя? Какого?

— Волька, сэр. Он же аануб. — Я заметил, что пожилой, говоря со мной, держит правую ладонь раскрытой и обращенной на меня.

— Предположим. И где это случилось?

— Близ деревни Мартенек, сэр. Пещера Дерьмовая Нора.

— И где же шкура и прочее, то, что ты хочешь продать?

— Я оставил труп на месте, сэр. Пока не разберусь, что к чему. Мне сказали, что в городе есть хороший эксперт по фауне, доктор Нудельман.

— Ты только что сказал, что ищешь Силе Собачника.

— Все верно, сэр. Мне сказали, что у Силе, во-первых, могут быть нужные мне старинные книги, а во-вторых, что он имеет дела с Нудельманом.

— Звучит убедительно. Знаешь, лорд Крэг, — обратился пожилой к блондину в кольчужном панцире, — каждый инвестигейтор знает о том, что лохи не умеют врать. Но этот где-то научился и делает это мастерски. С нулевой маной, заметь. И это очень странно.

— Я не лгу, сэр, — сказал я, сомлев от страха. — Я действительно убил аануба и шел в город поговорить с Нудельманом.

— Два дня назад, господин сочинитель, аануба в пещере близ Мартенека убили мои людомеды, — сказал с улыбкой пожилой воин. — И принесли мне его голову. Что скажешь?

— Скажу, что голову твари продал им я. За пятьдесят дукатов.

Тут уж физиономия пожилого инквизитора зримо вытянулась по вертикали. Он немедленно направил на меня раскрытую

ладонь — видимо, что-то там сканировал. Я спокойно ожидал результатов этого магического рентгена.

— Что-то здесь не так, — сказал инквизитор. — Я верю своим людомедам. И не верю тебе. Но потоки силы не могу обманывать. Я чувствую, что ты говоришь правду. И это меня удивляет. Тебе ни за что не одолеть аануба.

— Однако я его одолел.

— Похоже, нам стоит познакомиться поближе, — инквизитор подошел ко мне вплотную. — Меня зовут Вард Хельсер, я серебряный имперский маг-инвестигейтор.

— Что это значит?

— Смотри, — Хельсер расстегнул ворот своего лайкового камзола и показал мне круглый массивный жетон, висевший у него на шее. Жетон был из серебра, весь покрытый затейливыми узорами и письменами. — Это знак принадлежности к корпусу боевых имперских магов. Такие знаки бывают семи видов: медные, латунные, бронзовые, кварцевые, серебряные, золотые и адманитовые. Соответственно, маги делятся на семь рангов. Я принадлежу к пятому рангу. Пятый ранг примерно соответствует командиру армейской бригады.

— Теперь понятно, сэр.

— Теперь скажи мне правду — как ты убил аануба?

— Правду? Случайно. Я искал источник аквароля, а наткнулся на труп барона Томаса Гранстона. Тут на меня и напало это чудло. Если честно, мне просто повезло, я очень удачно ткнул его кинжалом. Потом отрезал голову и в корчме продал ее людомедам.

— Ты обыскивал труп Гранстона? Что-нибудь находил на нем?

— Да, сэр, — я колебался только одно мгновение. — Я обыскивал труп.

— Что ты нашел на трупе?

— Кольцо и немного денег.

— И больше ничего?

— Ничего интересного, сэр.

— Так, — Хельсер сжал челюсти, ударил кулаком об ладонь. — Будем считать, что я тебе поверил. Пока поверил. Сегодня в восемь вечера придешь на Улицу Менял, дом номер пять. Тебе откроет дверь человек по имени Миляга. Скажешь ему, что это я тебя прислал. Если не придешь, пеняй на себя. Я разыщу тебя даже на дне моря.

— А как же быть с этим? — Я показал магу свое предписание.

— Забудь, — он забрал у меня предписание и порвал его в клочки. — Теперь ты поступаешь ко мне на службу.

— А мой друг? — Я показал на Хатча.

— Он ничего не умеет. И мне он не нужен. Но если надумаешь таскать его с собой, я не стану вас разлучать, — с усмешкой сказал серебряный маг. — А сейчас пошли отсюда вон, оба. И помни, лох, где ты должен быть в восемь часов.

— Что ты за спектакль устроил, Леха? — спросил меня Хатч, едва мы вышли.

— Есть такой закон: всегда поступай неожиданно. Вербовщики думали, мы будем всяко косить от службы, как прочие призыванцы, а мы сами напрашивались. Вот и не призвали нас простыми сапогами. Глядишь, и от мага этого тоже открестимся. Всему свое время.

Глава девятнадцатая. Эльфийский обряд

— Закачал себе эту вещь на плейер.

— Ну и как?

— Закачаешься!

Мы ушли из «Старого солдата» так быстро, как только могли. Беседа с магом оставила у меня двойственное впечатление. С одной стороны, мы с Хатчем избежали призыва в Вооруженные Силы Саграморского герцогства, и это радовало. А с другой стороны, я, похоже, влип во что-то серьезное. Ясен пень, Хельсер мне не поверил, когда я сказал ему про тело барона Гранстона. Возможно, в доме на Улице Менял со мной будут разговаривать по-другому. Но сбежать мне вряд ли удастся. Так что придется рисковать. Тем более что я кишками чувствовал, что все это неотъемлемая часть Главного Квеста, и с Вардом Хельсером я встретился совсем не случайно.

— О чем ты думаешь? — спросил меня Хатч.

— О своем. Пытаюсь разобраться в собственных мыслях.

— Ты не колотись, брат. Я пойду на встречу с тобой.

— А стоит ли? — Я посмотрел на Хатча. — Хельсер меня приглашал. А ты ему не нужен.

— Ну и что? — Хатч категорически замотал головой. — Мы теперь одна команда. Куда ты, туда я. Не хочу тусоваться в этой дыре один.

— Смело, — я протянул менестрелю руку, и Хатч ее пожал. — До вечера еще много времени. Давай перекусим, попробуем еще поискать Нудельмана, а потом нам еще с эльфами надо встретиться. Помнишь?

Мы вернулись в Старый город, зашли в первую попавшуюся корчму и заказали себе пиво с сосисками. Пиво оказалось так себе, но вот жареные сосиски были полный рулезз. Я заговорил с трактирщиком о Нудельмане, но тот ничего не знал. Потом мы обошли еще пяток магазинов, лавочек и харчевен и везде спрашивали о Яфи Нудельмане, однако так ничего и не выяснили.

— Плохо дело, — сказал я, когда мы вышли из очередного заведения. — Ладно, идем к эльфам.

Мы довольно долго искали Зеленую улицу, но место встречи с эльфами разыскивать не пришлось — гостиница «У прыгающего волка» была самым внушительным и самым нарядным зданием на улице. Мы вошли в вестибюль и сразу увидели одного из эльфов:

он стоял у стойки и беседовал с барменшей.

— Пришли? — Эльф, как будто, был обрадован. — Идемте, Нехаир уже ждет нас.

Следуя за эльфом, мы поднялись на второй этаж и вошли в роскошные апартаменты, проживание в которых наверняка стоило кучу денег. Второй эльф сидел по-турецки на ковре и, видимо, предавался медитации. Наш провожатый подошел к нему, что-то сказал, после чего сидевший эльф открыл глаза и посмотрел на меня.

— Если люди здесь, не будем терять времени, — сказал он. — Пусть люди сядут рядом со мной.

Мы с Хатчем расселись на ковре по сторонам от эльфа. Второй эльф между делом поставил перед нами керамический горшок, наполненный землей.

— Сначала выслушай меня, человек, — обратился ко мне тот из эльфов, кого звали Нехаиром. — Когда ты подошел к нам на улице и заговорил, я сразу понял, что ты особенный. Мы, народ Тир-на-Ханны, называем таких, как ты, Нанхайду.

— Что это значит?

— Буквального перевода у слова Nunhaidhu нет. Можно перевести как «Рожденный за Пределом». — Эльф перевел взгляд на Хатча. — И твой друг тоже Нанхайду, как мне кажется.

— В каком-то смысле ты прав, уважаемый. Но что это значит?

— Ваше появление в Саграморе не случайно. Это связано с нашими пророчествами.

— Во даже как? И что дальше?

— Посмотрим, насколько я оказался прав. Начнем церемонию.

Второй эльф подал Нехаиру маленькую коробочку, из которой тот извлек зеленоватый клубень, вроде луковицы тюльпана. Потом Нехаир закопал этот клубень в горшке, полил его водой и сказал Хатчу:

— Играй, менестрель.

— Играть? — Хатч расчехлил гитару, быстро настроил ее и вопросительно посмотрел на эльфа. — Что играть?

— Что хочешь. Что любезно твоему сердцу.

— Хорошо, — выдохнул Хатч. — Я сыграю одну свою вещицу.

И он заиграл. Вещь была просто замечательная. Что-то совершенно атмосферное, прозрачное и необыкновенно средневековое. Под такую музыку сразу представляешь себе танец фей на залитой луной лесной поляне. Или пасущегося на лугу белого единорога. Или еще что-нибудь романтичное и фантастическое. Я просто заслушался, когда он играл. Похоже, что и эльфов зацепила игра Хатча — их тонкие лица будто

озарились каким-то светом. Будто солнце, светившее в окна комнаты, стало неуловимо ярче.

Хатч еще раз перебрал струны и закончил свою импровизацию мягким флажолетом. Мне казалось, что я еще слышу эхо только что прозвучавших звуков, и тут заговорил Нехаир:

— Мы не ошиблись в тебе, менестрель. Твоя игра услышана Вечностью.

Я собрался было спросить эльфа, зачем нужна была эта музыка, но тут мой взгляд упал на горшок, в который пару минут назад эльф посадил маленькую зеленоватую луковицу. Это было просто поразительно — в горшке вырос цветок. Вырос за то время, пока Хатч играл. Самый настоящий, с нежными светло-зелеными листочками и единственным бутоном на тонком стебле.

— Это… музыка? — спросил я.

— Звуки гармонии пробудили цветок Предопределения, — сказал эльф, улыбнувшись. — Подождем еще немного.

Тугой пурпурный бутон развернулся прямо на глазах. Ослепительно сверкнула алая искра. Я увидел в самом центре соцветия полусферический рубин необычайно насыщенного цвета.

— Протяни руку и возьми его, — велел мне Нехаир.

Я подчинился. Цветок странным образом сам подался навстречу моим пальцам, и волшебный камень при первом же касании выпал мне на ладонь. Я ощутил его тепло.

— Видишь, ты настоящий Нанхайду, — сказал эльф. — Цветок отдал тебе свое сердце. Теперь мы можем закончить обряд.

Он сделал знак своему товарищу, и тот, взяв со стола какой-то длинный предмет, завернутый в тонкую промасленную кожу и перехваченный ремешками, передал его Нехаиру. Эльф развернул сверток. Я увидел чуть искривленный эльфийский меч-кору великолепной работы.

— Это Ллоинар, меч работы мастера Орналя из Тенеро, — сказал эльф, погладив серебряные ножны оружия. — Когда-то он был святыней моего народа, но потом лишился своей магической ауры. Это случилось в тот день, когда мой народ покинул земли, которые исстари принадлежали ему. Ушел, оставив свои леса и луга алчным, воинственным и жестоким людям, искушенным в магии и военном деле. Не стало единого народа, эльфы разбились на кланы, и наша слава осталась в прошлом. Кто-то начал жить рядом с людьми, кто-то ушел в дальние земли за пределами людских королевств, отвоевывая их у чудовищ. С тех пор Ллоинар

ни разу не покидал ножен. Но сейчас пришло время выполнить древний обряд Возвращения Меча. Дай мне камень, который даровал тебе цветок Предопределения.

Я протянул эльфу рубин. Нехаир вставил его в оголовок меча и обнажил его, ослепляя нас солнечными зайчиками, заплясавшими на сверкающей стали клинка.

— Сердце камня вернулось на свое место, и меч нашел нового владельца, — Нехаир протянул мне клинок. — Бери. Он теперь твой.

— Мой? — У меня от радости, как говаривал дедушка Крылов, в зобу дыханье сперло. — Ты не шутишь?

— Ллоинар сослужит тебе верную службу, уж поверь. А заодно и приблизит объединение моего народа.

— Даже и не знаю, что сказать, — я просто вцепился в драгоценный клинок и не мог поверить, что все это происходит на самом деле. — Ну, царский подарок! Респект, мужики.

— А тебе, менестрель, — Нехаир повернулся к Хатчу, — я передаю серебряные струны из арфы великого Неоля, величайшего барда эльфов. Предания говорят, он мог своей игрой усмирять стихии и прогонять мор. Он оценил бы твою игру.

Хатч принял струны из рук эльфа. Его счастье в эту секунду вполне могло сравниться с моим.

— Но в чем смысл твоих даров, уважаемый? — не выдержал я. — Мы ведь обычные люди. Неужто нет более достойных?

— Ты все поймешь со временем, Нанхайду, — сказал эльф с улыбкой. — А сейчас ступайте с миром. Ваш путь начался. Пройдите его достойно.

Он закрыл глаза, и я понял, что встреча закончена. Нам с Хатчем оставалось только потихонечку встать и уйти. Второй эльф проводил нас до дверей гостиницы. Только на улице мы начали приходить в себя.

— Офонареть! — сказал я Хатчу. — Вот тебе и эльфы! Да такого подарка мне ни разу в жизни никто не делал.

— Отличный клинок, — сказал Хатч. — Такой за любые деньги с руками оторвут. На иномарку выменяешь, нема делов.

— Продать его? Да ни в жизнь! Слушай, а что за темку ты там наигрывал?

— Моя композиция, называется «Танцы с эльфами».

— Ух ты, да ты еще и композитор?

— Есть немного, — улыбнулся Хатч. — Что, понравилась?

— Не то слово. Чистый Блэкмор.

— Ты уж скажешь…

— Не, я серьезно. У тебя талант.

— А толку-то! — Хатч безнадежно махнул рукой. — Сейчас

кругом попса рулит. Фабрики звезд, одно слово. Была у нас мечта компашку записать, да куда нам, беспортошным! Бабла нужно немерено.

— Это верно, — согласился я. — Ну ладно, пойдем, обмоем наши подарки. А заодно подготовимся к встрече с саграморской разведкой.

— Добрый сэр! — раздалось у меня под ухом.

Я обернулся. Около меня стоял тот самый пестро одетый мальчишка-посыльный, с которым я уже встречался у хижины канальи Захариуса Сто Бутылок.

— Вам письмо, добрый сэр, — заявил парень, подавая мне свиток.

Я сломал печать, прочел депешу. Консультант поздравлял меня с переходом на пятый уровень и присвоением статуса «Боевой лох-воитель». Мне добавлялись очки опыта по разрядам: Работа в команде, Репутация, Обаяние, Интеллект и Коммерческая жилка. Ниже сообщалось, что я могу получить у владельца гостиницы «У прыгающего волка» один из четырех призов: 200 дукатов, 15 единиц маны, стальной бастард (стандартная работа артели Кехлера и Хоха, класс оружия 3, стоимость 150 дукатов) или заклинание Чтения мыслей.

— Хреновенькие этот раз бонусы, — сказал я парню. — Ну ладно, хоть это.

— Это стандартные бонусы для пятого уровня Главного Квеста, добрый сэр, — сказал мальчишка. — И вы обязаны…

— Знаю, — я вернул ему свиток. — Выберу что-нибудь. Пламенный респект Консультанту. А тебе объявляется благодарность. Сердечная.

Глава двадцатая. Мастер и Марика

Девушка, девушка! Вас мама такой родила, или это вас отфотошопили?

Я выбрал ману. Мои магические способности изначально были на нуле, так что стоило себя немножечко апгрейдить. Правда, я пока что понятия не имел, на кой леший мне нужна магическая сила, но коли предлагают, надо брать. Меч был ни к чему, а Чтение мыслей срабатывает только против того, кто не способен выставить магический экран. Покончив с моими призами, и выпив в гостиничном баре пива, мы с Хатчем отправились в оружейный магазин. Я решил продать свой меч работы Майка Каллашика. Сначала я хотел подарить его Хатчу, но менестрель отказался. Он сказал, что колющее и рубящее оружие — не его профиль.

— А что же твой профиль? — спросил я. — Глагол, жгущий сердца людей?

— Не всегда. Шпана слова не всегда понимает. Я тоже кое-что умею. Занимался в свое время карате, школа сетокан-рю.

— Ишь, ты! — удивился я. — И как, успешно?

— До зеленого пояса дошел. А потом бросил. Руки надо было беречь, я же музыкант.

Оружейную лавку мы нашли после долгих поисков в трех кварталах от гостиницы. Хозяин лавки долго расспрашивал нас, кто мы, откуда, какими судьбами в Саграморе, а потом взял и предложил мне пятьсот дукатов за эльфийскую кору.

— Меч не продается, — сказал я. — Лучше скажи, сколько дашь за короткий меч.

— Сорок дукатов, — предложил оружейник, окинув меч презрительным взглядом. — И ни совереном больше.

— Грабеж, — ответил я. — Этот меч стоит сто двадцать пять дукатов.

— Стоил, когда был новый, — поправил меня оружейник, нагло улыбаясь. — Сорок дукатов.

— И перчатки в придачу, — предложил я, указывая на красующиеся в витрине отличные кожаные перчатки с крагами, как раз под фасон моей куртки.

— Сорок дукатов, без перчаток, — оружейник демонстративно высморкался прямо на пол, чтобы подчеркнуть свое презрение к тупым непонятливым клиентам.

— Пошли, Хатч, — сказал я. — В Саграморе много магазинов. Найдем тот, хозяин которого не сопливится и не забыл, что такое совесть.

— Ладно, — буркнул оружейник, — твоя взяла, лох. Перчатки в придачу.

Сделка состоялась. Я отдал оружейнику меч, получил перчатки и сорок монет и осведомился у Хатча, присмотрел ли он себе какое-нибудь оружие.

— Ничего не могу найти, — ответил менестрель и обратился к оружейнику: — А нунчаку у тебя есть?

— Чего? — не понял тот.

— Нунчаку. Или тонфа.

— Вот уж не слыхал про такое оружие, — ухмыльнулся оружейник. — А то, может, ты про какие-нито гусли говоришь? Так у меня не скрипичная мастерская.

— Жаль, — сказал Хатч, не обращая никакого внимания на иронию оружейника. — Тогда, получается, для меня тут ничего нет.

— Слушай, Хатч, — спросил я, когда мы вышли из лавки, — а как правильно будет — «нунчаки» или «нунчаку»?

— И так, и так правильно, — сказал менестрель. — По-японски называется «нунтяку».

— О! — сказал я. — Ты и японский знаешь?

— Нет, только «Здравствуйте!» и «Спасибо!» И считать умею до десяти.

— Ну, это и я знаю… Однако темнеет уже. Пошли искать Улицу Менял.

Мы довольно долго блуждали по этой части Саграмора и пару раз чуть не заблудились в кривых грязных улочках. Вот уж никакой романтики в средневековом городе нет — говорю со знанием дела! Одна вонь чего стоит. Похоже, местные жители все свои анатомические нужды справляли прямо на улице. Приходилось все время смотреть под ноги, чтобы не наступить в чью-то икебану, заботливо оставленную прямо посередине дороги.

Наконец, расспросы случайных прохожих сделали свое дело — мы вышли на искомую улицу и быстро нашли тот самый дом номер пять, о котором мне говорил Хельсер. Дверь нам открыл одноглазый старик в облезлой овечьей безрукавке.

— Чо надо? — просипел он.

— Я Алекто. Нам нужен Миляга.

— Ну, я Миляга. Чо дальше?

— Мне Хельсер велел сюда прийти.

— Да? — Старик критически оглядел нас с головы до ног. —

А чем докажете?

— Ничем, — ответил я раздраженно. — Нам сказали прийти, мы пришли. Пустишь — войдем, не пустишь — сиди дальше в своей берлоге, вшей отлавливай.

— Ну-ну, не горячись, парень. — Старик шагнул в сторону, освобождая проход. — Вас уже ждут. Заходите.

Мы вошли в грязный темный пропахший мочой коридор, и старик повел нас к двери в его глубине. За дверью оказалась еще одна дверь, на этот раз из крепкого дуба, окованная железом. Старик коснулся ее рукой, что-то сказал, и дверь с лязгом отворилась.

— Входите, — велел нам старик.

Мы вошли, спустились по лестнице и оказались в просторном подвале со сводчатым потолком. Нас уже ждали — за большим столом в центре подвала сидел человек в рыцарских доспехах. Худощавый, бледный, совершенно седой, с колючими глазами. Рядом с седоволосым рыцарем стояла девушка, с ног до головы затянутая в черную лайку — клепаная курточка с капюшоном, перчатки, обтягивающие штаны, ботфорты на шпильке. Прямо готка какая-то. Или рокерша. Фигурка у девчонки были что надо, любая модель позавидует. Лица я пока разглядеть не мог — мешали капюшон и плохое освещение.

— Итак, мессир Алекто и его спутник все же пришли, — сказал седой. — Похвально. Люблю людей слова.

— Нас попросили, мы пришли, — ответил я. — Кто вы?

— Зовите меня просто Мастер, — ответил седой. — Пригласивший вас сюда Вард Хельсер мой сотрудник. Собрат по оружию, так скажем.

— Вы маг?

— Маг. Имперский адманитовый маг. А еще я представляю в Саграморе одну очень влиятельную организацию. Не спрашивайте какую, я все равно не скажу.

— Мне это неинтересно, Мастер. Меня волнует другое — зачем нас сюда пригласили?

— Присядьте, — Мастер указал на лавку перед столом. — Разговор у нас будет долгий.

— Надеюсь, он будет конструктивный, — ответил я. — Вижу, что мы вам почему-то интересны.

— Хорошо, что вы так настроены. Да, представьте себе, что вы нас заинтересовали. Где вы так научились противостоять магии?

— Магии? — Я подумал о перстне Закаленного Ума, который сейчас был надет на моем пальце. — Нигде. Меня никто этому не учил.

— Не хотите говорить? Ваше право. Вард был удивлен. Вы ведь не сказали ему про медальон Гранстона.

— Не понимаю, о чем речь.

— О медальоне, который был у покойного Гранстона на шее. Вы ведь сняли его. Только не говорите мне, что это не так. Просто позарились на его ценность, не зная, что же это за вещь. Возможно, просто хотели его продать. Я вас не виню. Но медальон вы сняли. Томас Гранстон всегда держал его при себе. А знаете, почему? Он хорошо знал его историю и дорожил им. На его теле нет медальона. Куда же он делся?

— Откуда я знаю?

— Зато я знаю. Из Мартенека вы отправились искать мага Захариуса. Там с вами приключился небольшой конфуз. Вас… убили. И забрали медальон. Я верно все излагаю?

— Ну ладно, — сдался я. — Ваша правда. Я действительно снял с трупа барона медальон. В моем положении лишняя горсть дукатов совсем не помешает. Я понятия не имел, что это за штуковина, пока сволочь по имени Захариус не рассказала мне о царе Заламане и его реликвиях. А потом он украл этот медальон и смылся с ним в неизвестном направлении. Вот и все.

— И вы решили найти книгу, о которой он вам сказал?

— С чего вы решили, что он рассказал мне о книге?

— Вы отвечаете вопросом на вопрос. Это невежливо.

— Я шел в замок Гранстон, чтобы отдать обручальное кольцо барона его вдове.

— А заодно найти книгу «Аль-Рисалат». Зачем?

— Просто мне стало интересно. Захариус сказал мне, что пять реликвий Заламана смогут исполнить пять моих желаний.

— И вы вообразили, что сможете сами найти эти реликвии? В одиночку? — Мастер слабо улыбнулся. — Вы умиляете меня, мессир Алекто.

— Сейчас вы скажете, что я лох. Но я не обижусь. И знаете, почему? У меня нет выбора. Я так понял, что поиск реликвий — это и есть Главный Квест.

— И логика событий привела вас к нам, не так ли?

— Рано или поздно она меня куда-нибудь, да привела.

— Я вижу у вас отличный эльфийский меч, — сказал Мастер. — Сдружились с лесными жителями?

— Это имеет отношение к реликвиям?

— Возможно. Но давайте говорить начистоту. Книга у вас, я знаю.

— Да, она у меня, — я понял, что крутить не имеет смысла. — Я искал человека, который сможет ее прочитать. Некоего Яфи Нудельмана.

— Нудельман работает на нас, — сказал Мастер. — Мы давно следили за Захариусом и знали, кто и зачем заслал его в Саграмор. Ваше появление сорвало операцию, которую мы давно и тщательно готовили.

— Хотели подсунуть Захариусу дезу?

— Именно. У Захариуса есть могущественный хозяин по имени Шамхур Рискат. Один из самых сильных альбарабийских магов. Можно даже сказать — самый сильный. И самый опасный. По нашим данным, он возглавляет тайную организацию, которая называется «Истинный путь». У этой организации большие и очень опасные планы. Один из них — заполучить реликвии Заламана. Когда-то очень давно, во времена Альбарабийских войн отряд рыцарей сумел проникнуть в заброшенный город Тфиф и отыскать гробницу Заламана. Там помимо прочих сокровищ рыцари нашли две из пяти реликвий Заламана — медальон и книгу. Обе реликвии потом оказались в разных местах, но их отыскал рыцарь по имени Черный Венсан. Он передал их Рискату, а тот обманул его и умертвил. Прошло несколько лет, и рыцари Севера снова пришли в альбарабийские земли, чтобы покончить с Рискатом и его организацией. Им почти удалось схватить мага — почти. Рискат бежал, но вот его казна попала в руки рыцарей. Так медальон и книга оказались у старшего Гранстона. Естественно, что Рискат пытался вернуть их обратно.

— Любопытная история. И что теперь?

— Теперь в ситуацию с реликвиями вмешались вы, приятель. Вы оказались посвящены в тайну, которая уже давно является государственным секретом Империи. Понимаете, что это значит?

— Догадываюсь. Отказаться сотрудничать с вами я не смогу.

— Вот именно.

— Предположим, я согласен. А что я с этого буду иметь?

— Мы поможем вам отыскать все пять реликвий. А вы отдадите их нам.

— То есть, я буду ищейкой. Натаскаю для вас каштаны из огня, а меня за это ласково потреплют по загривку, дадут косточку и позволят дальше выть в этом мире на луну?

— Зачем вам реликвии?

— Я хочу вернуться домой.

— Вы вернетесь. Когда вы отыщете все пять реликвий и передадите их нам, Главный Квест будет выполнен, и вы окажетесь в своем мире.

— Почему я должен вам верить?

— Потому что я говорю правду. Мы ведь прекрасно знаем, кто вы такой и почему здесь оказались. Думаете, вы первый? До вас тут побывала куча народу, но все они не справились с задачами

Квеста.

— С чего вы взяли, что я справлюсь? — Я почувствовал волнение и беспокойство.

— Я не говорю, что вы справитесь. Я предлагаю вам сделать то, что от вас требуется. И помочь вам в выполнении Главного Квеста. Мы не благотворительная организация, но у нас с вами общие интересы. Без нас — говорю вам со знанием дела — шансов выжить и заполучить реликвии у вас практически никаких.

— И что я должен делать?

— Для начала отдать нам книгу. Вы ведь все равно не можете ее прочесть. А мы можем.

— Ладно, — я вытащил «Аль-Рисалат» из сумки и положил на стол перед Мастером. — Играем по вашим правилам. Что теперь?

— Теперь пообщайтесь с вашей будущей помощницей Марикой, — сказал Мастер. — Марика, поздоровайся с нашими друзьями.

Девушка сделала несколько шагов — двигалась она ну прямо профессиональная манекенщица, — и скинула капюшон. Меня по хребту подрал холодок. Более эффектной девушки мне не приходилось видеть уже много лет. Большущие золотисто-зеленые глазищи под изломанными черными бровями, тонкий носик, пухлые алые губы, рыжие тяжелые волосы, расчесанные на прямой пробор…

И вампирские клыки во рту.

— Марика — продукт магии Трансформации, — пояснил Мастер. — Искусственное существо. Мы в своих лабораториях часто создаем агентов, обладающих особенными способностями, поскольку противная сторона тоже занимается подобными вещами. Вам уже встречались людомеды, которых мы используем для самой простой работы. Там, где нужны всего-навсего сила и отвага. Марика предназначена для более сложных миссий. Она — вампироморф. В своем роде, совершенное творение. Для ее создания мы использовали биологические материалы аж восьми разных существ.

— Включая черную альбарабийскую пантеру, королевского суккуба и ламию, — сказала Марика чуть хрипловатым голосом.

— И еще как минимум графа Дракулу и Кристанну Локен*, - добавил я.

— Марика умеет очень многое, — продолжал Мастер. — Вы сможете в полном объеме оценить ее способности, когда начнете выполнять свою работу.

— Нисколько в этом не сомневаюсь, — пробормотал я. Только сейчас я заметил, что у Марики вертикальные зрачки. Но

содержание тестостерона в крови у меня все равно росло бешеными темпами.

— Сразу замечу, Марика в принципе будет выполнять ваши приказы, если они будут отвечать ситуации, — сказал Мастер. — Но в ряде случаев она будет действовать согласно тому алгоритму, который в нее заложен.

— В смысле?

— Ваши противники будут использовать против вас различных демонических существ, это их излюбленный прием. Вообще, в этом мире любой маг считает хорошим тоном держать при себе какого-нибудь монстра. Марика специально обучена действовать против подобных существ.

— И побеждать их, — сказала красавица, обдав меня таким взглядом, что меня прошиб крупный пот. — А еще я умею располагать к себе мужчин.

— Вот в этом я нисколько не сомневаюсь, — вырвалось у меня. — А потом, лапуля, ты используешь их как добровольных доноров?

— Не всегда, — красотка сквернула глазами. — Иногда я бываю очень-очень ласковой. Но только не в том случае, когда паршивый стервец бросает меня одну, да еще рядом с вонючим, насквозь прогнившим кадавром! * Голливудская актриса, сыгравшая роль робота в фильме «Терминатор-3: Бунт машин»

— Куршавель? — Такого изумления я не испытывал ну очень давно. — Ты?!

— Не ожидал, женишок? — Марика зашипела и так посмотрела на меня, что я едва не обмочился со страху. — Не бойся. Я уже простила тебя. Пока простила.

— Мы приставили Марику к герцогине Гранстон довольно давно, — с улыбкой сказал Мастер. — Барон Томас был под нашим наблюдением. Нас очень интересовало, не контактирует ли он с людьми из «Истинного пути», — пояснил Мастер. — Конечно, Марика не могла показаться в Гранстоне в своем настоящем облике, баронесса Гранстон вряд ли примирилась бы с такой необычной служанкой. Поэтому Марика все это время использовала свои чары. Камеристка-дурнушка не могла вызвать никаких подозрений. Между прочим, Марика вам очень благодарна, ведь вы сумели разобраться с ключом и замком в библиотеке и найти книгу.

— И она рассказала об этом вам? Некрасиво стучать, Марика.

— Это моя работа, дорогой, — вампирша сладострастно облизала свои кроваво-алые губы.

— Э, нет, постойте! — Я так разволновался, что вскочил со скамейки и замахал руками. — Это что же получается? Ваш

совершенный продукт генно-магической инженерии бухнулся в обморок, когда появился тот зомбак! Вместе того, чтобы показать себя во всем могуществе. Вместо того, чтобы отвинтить этому кадавру голову. Как вы это объясните? А, Куршавель?

— Ну, во-первых, я только притворилась, что упала в обморок, — сказала Марика мурлыкающим тоном. — Надо же мне было посмотреть на героя в действии! И ты не подвел, дорогой. А во-вторых, ты еще не зарекомендовал себя настолько, чтобы тебе можно было бы открыть правду.

— Ну, знаете… — я вытер с лица пот. — Вот всего ожидал, но такого…

— То ли еще будет, мессир Алекто! Главный Квест — серьезнейшее испытание, и вам придется столкнуться с такими врагами, что без нашей помощи вы просто обречены. Захариус был всего лишь заурядным магиком, жалкой шестеркой Риската, но он сумел отравить вас и похитить медальон. Понимаете, о чем я?

— Я уже ничему не удивляюсь. — Я старался не смотреть на Марику. — Вы меня убедили.

— Вот и хорошо, — Мастер придвинул к себе книгу. — Мы займемся дешифровкой «Аль-Рисалата», а вы, господа, получаете от меня первое задание. Завтра утром вы присоединитесь к армии, которая направляется к границе Лансана — там сейчас начались бои с войсками короля Жефруа. Вас будут ждать у Западных ворот. К тому времени, как вы прибудете туда, мы закончим дешифровку, и вы получите все необходимые сведения. Их привезет вам Марика. Вот деньги, — Мастер передал мне банковский чек на тысячу дукатов, — и приказ для маршала Понсе-и-Ортеги, нашего командующего Лансанской армией. Этим приказом вы зачисляетесь в отряд особого назначения, которым командует капитан Брейс Уоллас. Он уже ждет вас. Вы свободны. Приятно было пообщаться.

Глава двадцать первая. You`re In The Army Now

Вступишь в коммьюнити — автомат дадут.

Остановиться на ночлег в гостинице «У прыгающего волка» мы с Хатчем не решились, уж больно дорогими были номера. Помотавшись по улицам, мы набрели на отель «Лебедь и лилия». Здесь апартаменты стоили вдвое дешевле, чем в «Волке», а кроме того, нас ждал приятный сюрприз в виде бесплатного бара. Естественно, что мы сразу по заселении отправились в бар и заказали себе две дюжины пива. Под пиво обсуждать наши с Хатчем дела было как-то приятнее. Но веселья не получилось, начали мы с обычных застольных разговоров ни о чем, а в итоге все равно вернулись к Мастеру.

— Плевать мне, кто он такой, — сказал я. — Может, маг, может, военачальник, может, и то и другое в одном флаконе. Только чувствую, нам теперь и шагу просто так ступить не дадут.

— Нет, реально, Леха, тебя хотели женить на этой Марике? — спросил меня Хатч.

— Реально, — я допил бутылку, откупорил новую. — Баронесса хотела. Тогда мне казалось, что Куршавель просто дурнушка. А тут погляди, какой фильдеперс! Не девушка, а форменное садо-мазо. Она бы меня в первую брачную ночь загрызла в порыве страсти.

— Но фигурка у нее! — вздохнул Хатч. — Я бы женился.

— Слушай, давай не будем об этом, ладно?

— Понял. Твое здоровье!

Мы чокнулись, и я несколько секунд прислушивался к тому, как выпитое пиво бурчит у меня в животе.

— Вообще, психушка полная, — сказал Хатч. — Призывной пункт, эльфы, этот Мастер со своей вампиршей. А что если мы не пойдем в армию, Леха?

— Придется пойти. Это наш единственный шанс выбраться отсюда.

— А если нас убьют?

— Не убьют. Твое здоровье!

— Какое-то пиво у них… кислое, — сказал Хатч, с отвращением глянув на свою бутылку. — Сейчас бы пару «Балтики». Семерочки…

— Пьем дальше, брат, все равно нечего делать. Я-то сегодня точно не засну.

— Волнуешься?

— Скорее, мучаюсь раздумьями. Не нравится мне весь этот поворот с Мастером. Ну не люблю я, когда меня делают исполнителем против воли.

— Я тебя не брошу, — заверил меня Хатч. — За нас!

— Пан Алекто! — осторожно позвал кто-то у меня за спиной. — Пан Алекто!

Я обернулся. Около меня стоял самый настоящий еврей-хасид. В круглой шляпе, черном узком сюртуке, бледный, носатый, с жидкой бородой и забавными пейсами.

— Вы таки будете пан Алекто? — прошептал еврей, глядя на меня испуганными черными глазами.

— Он самый.

— Ой, вейизмир, вас таки мне и нужно! — Хасид всплеснул руками.

— Кто вы?

— Яфи Нудельман, сын моей бедной мамеле, пусть земля ей будет пухом… Вы меня искали? Вот только не говорите, что вы меня не искали.

— Искал, как же. Но только теперь уже поздно. Видите ли, любезный, у меня была одна книга…

— Ну, конечно, у вас ее забрали! Это все люди из имперской разведки, пусть им будет кисло в борщ. Они хотели, чтобы я эту книгу перевел. Они забрали Силе Собачника к себе — азохенвей, что они теперь с ним там будут делать? Вы даже не представляете, юноша, что они таки с ним сделают!

— Пива хотите?

— Что вы, молодой человек, какое пиво? Я как будто вас нашел, а вы мне за пиво. У меня мало времени. — Нудельман наклонился ко мне, зашептал еле слышно: — Они меня ищут, шоб им икалось!

— Они?

— Имперцы. Им тоже интересно за эту книгу.

— Что такого особенного в этой книге?

— А вы не знаете! Нет, вы просто таки ничего не знаете. Эта книга — бомба, — тут он посмотрел на меня внимательно. — Нет, вы и верно ничего за нее не знаете?

— Честное слово.

— Еще до имперцев меня посетил один тип. Ой, какой хитрый пан, шоб ему цурес в печенку! Книги у него не было, но он где-то узнал, что я обучен читать по старинным языкам. Он предложил мне денег — ой, сколько денег он мне предложил! —

Нудельман покачал головой, пощелкал языком. — Вы, добрый пан, даже во сне не видели этих денег, шоб их у меня и у вас всегда было!

— Хорошо, и что дальше?

— А что бы вы сделали на моем месте? Мне очень нужно было этих денег. Моя бедная Ривочка болеет, докторам надо платить, все дорожает.

— Возьмите, — я сунул в ладонь Нудельмана несколько дукатов. — Что было в той книге?

— Ой, шоб я без вас делал! И где живут такие щедрые паны? Премного, премного благодарен, шоб вам было счастье…Я не видел саму книгу, панове. Но этот хитрый гой принес таки мне один листок, где был перечень… Понимаете, за какой перечень я вам говорю?

— Это был список артефактов, — догадался я.

— Ах, какой умный пан! А конечно, это был тот самый список. И я его расшифровал.

— Вы умница, — я сунул Нудельману еще несколько дукатов. — Я хочу знать про реликвии Заламана.

— Конечно, конечно… Я ведь ничего не сказал тому человеку, шоб он сдох. Я сказал ему, что денежки уперед. Но он мне ни гроша не заплатил, прохвост! И я работал таки задаром, как последний шлимазл.

— Понятно, — я прибавил еще несколько монет. — Вы все правильно сделали, Яфи.

— Премного благодарен доброму пану, шоб ему все было… В списке, который принес тот человек, было пять предметов. Медальон, книга, говорящий камень, Слово Создателя и круглый ключ. И еще было сказано, что каждая из реликвий по очереди приведет к следующей: медальон к книге, книга к камню — ну, пан меня понимает?

— Понятно, — я посмотрел на Хатча, потом перевел взгляд на Нудельмана. — Вот теперь кое-что проясняется. Спасибо вам, вы нам очень помогли.

— Что вы, что вы! — Хасид замахал ладонями. — Может, доброму пану таки пригодится то, за что говорил бедный Яфи Нудельман.

Он исчез так же незаметно, как появился. Я отвернулся, чтобы долить пива в кружку, повернулся обратно — а Нудельмана уже след простыл. Но тема была открыта.

— Так, — сказал я Хатчу, — говорящий камень. Еще бы знать, что это такое.

— Может, все-таки спать пойдем? — предложил Хатч. — Утром вставать рано.

— Ладно. Давай еще по одной бутылочке, и все.

— Учти, Леха, в номерах тут удобств нет. Придется бегать на улицу.

— Зачем бегать? Прямо в окно. Подоконники низкие, улицы все равно в дерьме тонут.

— Ой, Леха, не говори только, что дома в Питере ты так же поступаешь.

— Не, — сказал я; при упоминании о доме внутри что-то екнуло больно и сладко. — Дома я не такой. Дома я не лох.

* * *

Всю ночь мне снилась моя редакция. Вся такая сияющая, нарядная после недавнего евроремонта. Молоденькая стажерка Леночка, набивающая на компе текст одним пальцем. Мой начальник Юрий Сергеевич все время пытается мне объяснить, что ему нужна статья из жизни настоящих баронов. Не цыганских, а тех самых, титулованных. Я пытаюсь объяснить, что материала у меня нет, что мои записи украли зомби, но Юрий Сергеевич только машет руками и твердит:

— Ну, вы таки найдите, юноша. Или я не получу этих материалов?

Потом в редакцию, ослепительно улыбаясь, входит мадам Франсуаз. На ней из одежды только немного грима, ожерелье на шее и вечерние туфли. В руке у нее бутылка «Мумма».

— Мой лох! — мурлычет она и, усевшись на стол, за которым сидит Леночка, принимает самую откровенную позу. — Попробуем что-нибудь написать о баронах вместе?

— Леха!

Я открыл глаза и увидел Хатча.

— Леха, уже утро, — сказал менестрель и виновато улыбнулся.

— Черт, на самом интересном месте! — Я сбросил с себя одеяло, сел на кровати. — Не мог подождать пару минут. Она ведь была совсем готова к труду и обороне.

— Хорошие сны? — Хатч хитро подмигнул. — Приятно проснуться с ощущением жизни в трусах.

— Но не в этих штанах. Блин, спим, как чукчи, одетыми! Ладно, нужно отлить и в дорогу. Ты готов?

— Я уже давно готов. Поесть бы.

— Тогда идем, нечего тут сидеть.

Я надел куртку, взял меч и сумку, и мы покинули комнату. Наскоро перекусили в баре. На улице уже было светло, но народу

было немного — женщины, спешившие на рынок, несколько нищих и стражники в красных епанчах дома Альбано. У меня снова — в который раз! — появилось ощущение совершенно сумасшедшей галлюцинации. Без всяких приключений мы добрались до Западных ворот.

Здесь собралось около сотни солдат — всадники с длинными копьями, лучники и арбалетчики, и тяжелая латная пехота. Часть из них сидела вокруг костров, кое-кто чистил оружие, подгонял доспехи, или просто слонялся туда-сюда. Только всадники уже сидели в седлах, ожидая выступления. Командовал этой вооруженной толпой долговязый рыцарь в ярко-красных доспехах и с огромным цвайхандером за спиной.

— Алекто и Хатч? — спросил он, прищурившись. — Много наслышан о вас. Добро пожаловать, парни. Я Франц Викинбах, командир этого сброда. Вы теперь солдаты моего подразделения. Мой отряд называется «Пламенные мечи Викинбаха». О дисциплине напоминать не буду, сами должны знать, что и как. Но коли нарушите мой приказ, пощады не ждите. Уяснили?

— В полной мере, сэр, — ответил я за двоих.

— Раз так, нечего тут торчать, — Рыцарь повернулся к своим людям. — Выступаем!

— Надо же, «Пламенные мечи»! — хмыкнул Хатч. — Какая пошлость.

— Ну, это еще неплохо. Он мог бы назвать свою шарагу «Кровавые копья». Или «Железные фаллосы». Кстати, пока не выступили… — Я глазами поискал укромный уголок, чтобы освободить мочевой пузырь.

— Знатная у тебя куртка, лох! — крикнул мне какой-то латник с пропитой физиономией. — С кого снял?

— С короля Жефруа, — ответил я.

— Гы-гы-гы! — Латник заржал, окружающие его воины подхватили этот смех. — И как дело было, расскажешь?

— Непременно, только дай мне спокойно поссать.

— Ну, давай, давай, отливай, пока лансанцы тебе стручок не отрезали, — сказал латник и прошел мимо.

— Ну и рожи! — шепнул мне Хатч. — Просто панки какие-то.

— А чего бы ты хотел от средневековых ублюдков? — Я встряхнулся, убрал на место свой сливной шланг, завязал ремешок на штанах. — Ну, вот, кажется, вчерашнее пиво больше меня не побеспокоит. Пошли, Валерчик, пора в бой. Мы теперь с тобой новобранцы, которые идут на войну.

* * *

Обычно в любой фэнтези, что литературной, что компьютерной, предусмотрены порталы, через которые герой в мгновение ока попадает в нужную ему точку пространства и сразу начинает заниматься делом. В Саграморе никаких порталов не было. Поэтому экономии времени не получилось. Наше путешествие с отрядом Викинбаха растянулось на четыре дня. Днем мы колонной тащились по дорогам, на ночлег останавливались в деревнях. Вояки Викинбаха вели себя вполне благопристойно, не приставали к крестьянкам и не бегали по дворам за курами и поросятами, как гансы в старых советских фильмах. Питаться с воинами Викинбаха мы не стали, хотя предложения были, уж больно неаппетитно выглядело то, что варили бывшие при отряде повара. Моя бабуся в деревне под Новгородом Великим для свиней лучше варит. Так что еду приходилось покупать у крестьян втридорога. В первую ночь мы с Хатчем устроились на ночлег в хижине какой-то замшелой и глухой как тетерев старухи, заплатив ей за постой двадцать пять соверенов. Домик был душный, грязный, и я постоянно просыпался оттого, что на меня целыми семьями забегали любознательные тараканы, решившие поближе познакомиться с постояльцем.

Вечером второго дня Викинбах пригласил нас к себе в шатер. Он угостил нас неплохим вином, велел Хатчу поиграть на гитаре, а заодно рассказал о том, почему началась война между Лансаном и Саграмором.

— Король Жефруа — родной братец нашего герцога Альбано, — сообщил рыцарь. — Да вот только с детства братья друг друга терпеть не могут. Что-то вроде из-за какой-то игрушки, которую король-отец Лорель подарил младшему из братьев, Альбано, на день рождения. Жефруа хотел такую же, а ему подарили совсем другую. Тогда он нанял воров, и они выкрали отцовский подарок у Альбано. С тех пор братья постоянно воюют.

— Хороший повод для войны, — сказал я.

— Какой ни есть. Это уже не первая война. Два года назад Жефруа уже нападал на Саграмор. Тогда была большая битва у Озера Лотосов. Я в ней участвовал, командовал отрядом конных лансеров. У Жефруа было вдвое больше воинов, и не только лансанцы, но еще и наемники-эльфы и пара прирученных мартихоров. Но мы им все равно навешали. Правда, потери у нас были большие, от моего отряда осталось всего девять человек.

— Серьезные у вас тут разборки, как я погляжу, — заметил я.

— Саграмор — оплот свободы, — заявил Викинбах. — Наш герцог Альбано Изысканный есть воплощение просвещенного правления. А что в Лансане, что в Уэссе, что в Коловашии у

власти сидят недоумки и тираны. И все они нам завидуют и стремятся при случае поднасрать.

— В Коловашии? — насторожился я.

— Ну да, на востоке. Ты что, бывал в Коловашии?

— Приходилось как-то.

— Гнусное место, — Викинбах налил себе еще вина. — Кругом грязь, девки страшные, чернявые, носатые да волосатые, все начальники от деревенского старосты до губернатора — сплошь воры и взяточники. А их правитель граф Радулеску и вовсе вампир.

— Вампир? — ахнул Хатч.

— Еще и какой! Высший, всем вампирам вампир. И что самое странное, коловаши своим правителем вроде как гордятся. Мол, местная достопримечательность. Про него даже легенды слагают. А коли кого граф укусит, так это за честь считается.

— Постой, добрый сэр, как же так — ведь, как я слышал, укушенный вампиром сам превращается в вампира?

— А ты это коловашам объясни! — Викинбах смачно плюнул на пол. — Дикари, одно слово. Чего замолк, менестрель? Играй дальше!

— А с Коловашией вы не воюете? — спросил я.

— А на кой ляд с ними воевать? Нищая отсталая страна. Территория с ладошку величиной, одни леса да горы. Народ ленивый, работать не любит, все бы им петь, плясать да трахаться. Никакой корысти. — Тут Викинбах пристально на меня посмотрел. — Я вот все думаю, куда тебя определить. В лансеры ты не годишься, для латника хлипковатый больно. Арбалетом умеешь пользоваться?

— Да как сказать… — я развел руками.

— Значит, не стрелок. Ладно, оставлю тебя при себе адъютантом, пока не прибудем к маршалу Понсе-и-Ортеге. А там видно будет.

Глава двадцать вторая. Волки Саграмора

Добавлено задание: Выжить любой ценой.

К вечеру четвертого дня мы добрались наконец-то до нашей цели — лагеря армии герцога на берегу пограничной реки Марена. Мы увидели вытянувшиеся вдоль берега ряды разноцветных шатров, возле которых были установлены штандарты саграморских рыцарей. Викинбах тут же прокомментировал, чьи это гербы.

— Ага, белый конь на черном поле! — воскликнул он. — Значит, сэр Абрус Солнцеликий уже здесь. Славный воин. О, что я вижу? Зеленый стяг с мечами и яблоком, герб сэра Арториуса Важного! И сэр Хердик Одноглазый тоже здесь — видишь гонфалон с голой блондинкой? Так, а это что за герб? Дракон на шахматном поле — вроде как дом Чейчей.

Он еще долго перечислял гербы и мудреные имена их владельцев. Сэр Гавароль Пятнистый герба Попугай. Сэр Бринат Маленький герба Одинокая Сосна. Сэр Барадон Бабник герба Рука с Кинжалом. И так далее, пока мы не проехали почти весь лагерь.

Людей в лагере было много — наверное, не меньше нескольких сотен человек. Мы видели пехотинцев в разноцветных епанчах поверх кольчуг, лучников в кожаных доспехах, копейщиков в латах, герольдов, грумов, слуг, лекарей, жонглеров. В дальнем конце лагеря, там, где стояли фуры маркитантов, народу было особенно много. Здесь же расположились походные кузницы. В центре лагеря, на большом майдане толпа солдат окружила жонглеров, дававших представление. Воины Викинбаха очень быстро слились с этой разношерстной толпой, так что к шатру главнокомандующего мы подъехали втроем — Викинбах, Хатч и я.

Маршал Савьер Понсе-и-Ортега, облаченный в роскошные доспехи, покрытые финифтью и гравировкой, стоял у стола в окружении своих командиров. Видимо, шел военный совет. Маршал холодным кивком поприветствовал Викинбаха, потом уставился на меня. Глаза у него были маленькие, черные и колючие.

— Кто такой? — спросил он надменно.

— Приказ для господина маршала, — я подал Понсе свиток, полученный от Мастера.

— Приказ? — Маршал сломал печать, пробежал свиток

глазами. — Ага, ага. Понимаю. Капитан Уоллас!

— Да, сэр, — отозвался крепкий бритоголовый парень, чем-то смахивающий на Брюса Уиллиса.

— Это к вам. Ваши люди.

— Я уже понял, сэр, — капитан насмешливо посмотрел на меня. — Это и есть боевой лох Алекто?

— Да, это я, — сказал я, уперев руку в бок. — Алекто из Лох-Несса.

— Ни разу не слышал про такое место.

— Капитан, займитесь этими людьми, нечего им тут торчать, — велел маршал. — И позже возвращайтесь ко мне в шатер.

— Пошли, молодцы! — Капитан Уоллас хлопнул меня по плечу. — Поговорим.

Мы поплелись за бравым капитаном в дальний конец лагеря, где стояла большущая армейская палатка. Возле палатки ветер трепал на длинном шесте флажок с черной волчьей головой. Подчиненные капитана собрались внутри и коротали время за игрой в карты. Завидев Уолласа, они тут же повскакивали, строясь в шеренгу. Выглядели они, как самая настоящая шайка разбойников — грязные, лохматые, с запущенными бородами, в старых доспехах. Я, признаться, ожидал, что саграморский спецназ окажется попрезентабельнее.

— Вольно! — скомандовал Уоллас, прошелся вдоль шеренги, заложив руки за спину. Я не служил в армии, но подобное дефиле, наверное, выполняет время от времени любой командир в любой армии. — Вспомним главные истины, мальчики. Я ваш командир, капитан Брейс Уоллас. А вы…

— Волки Саграмора! — рявкнули разом двадцать глоток.

— Теперь все слушаем меня. Это новенькие, — показал на нас капитан. — Я не совсем понимаю, ради чего их прислали сюда, но приказываю — не бить, не издеваться, не насмехаться, не обыгрывать в карты. Они еще совсем птенцы, в волчьей стае еще не бывали.

Воины загоготали. Я попытался улыбнуться, но мне было совсем не смешно.

— Щеголи! — сказал какой-то бойкий фертик с конопатой физиономией. — Сразу видно, ни крови, ни говна не нюхали.

— Еще понюхают, — Уоллас повернулся к нам. — Ваши кровати в дальнем конце палатки. Капрал Жерман, разъясни новеньким правила и распорядок.

— Слушаюсь, сэр, — здоровенный бугай вышел из строя, окинул нас презрительным взглядом. — С вашего позволения, сэр.

— Отдыхайте, мальчики. Я возвращаюсь в шатер маршала.

— Имя, лох! — скомандовал Жерман, едва капитан Уоллас скрылся за пологом палатки.

— Боевой лох Алекто из Лох-Несса.

— Боевой, — фыркнул Жерман, ткнул меня в грудь грязным пальцем. — Небось, кроме лобковых вшей никого не убивал, да?

— Ошибаешься, капрал. Я убил аануба. А еще зомби.

— Да? — Капрал присвистнул, потянул мой меч. — И с эльфами дружишь? Ну-ну.

— Что «ну-ну»?

— Да так, ничего. Хороший меч, дорого стоит. Интересно бы знать, где ты его урвал.

— А это важно?

— Можбыть и важно. Для тебя, лошок. Эльфы — оне разные бывают.

— В смысле?

— Эльфы десяти кланов, между прочим, воюют на стороне Лансана. В армии Жефруа-Дебила есть эльфийский полк «Эйхаэн». Неплохие солдаты, между прочим, не чета вам, сосункам.

— А вам?

— Нам они вполне по силам. Вчера мы их разведгруппу накрыли у брода. Троих сразу порешили, двоих взяли с собой. Поначалу молчали, ушастенькие, но как мы им стали клещами ногти вырывать, сразу запели. Все рассказали. А потом им по веревочке на шею — и в эльфийский рай.

— Поучительная история, — я посмотрел на Хатча, на лице которого было написано неописуемое отвращение. — Капитан попросил ввести меня в курс дела, а не рассказывать про нарушение Женевской Конвенции и военные преступления.

— Чего?

— Ничего. Я жду, капрал, когда о деле будем говорить.

— Давай о деле, — Жерман оскалил желто-коричневые зубы. — Для начала про твою куртку побеседуем.

— Беседы не будет. Куртка не продается.

— А кто сказал, что ее у тебя купят? — удивился капрал под хохот обступивших нас головорезов. — Ты мне ее подаришь, лох. В знак дружбы.

— Разве мы друзья?

— Ага. И с сержантом Душку тоже стоит подружиться, — капрал показал на еще одного отморозка с приплюснутым носом и растатуированной шеей. — Он у нас молчун, сам не скажет. Но я знаю, что он у нас очень любит мечи. Твой меч ему понравится, ха.

— Ничем не могу помочь сержанту Душку, — ответил я, понимая, что теперь мордобой неизбежен. — Если ему нужен эльфийский меч, пусть возьмет его у эльфов из «Эйхаэн». Трофеем. А мой меч мне самому нужен.

— Значит, по-хорошему не договоримся? — Жерман перестал улыбаться. — А если по-плохому?

— Капитан приказал нас не бить.

— Это он пошутил, — сказал Жерман и, размахнувшись, ударил меня в лицо.

Дальнейшее я помню смутно. Удар был такой силы, что я отлетел в угол палатки. От оплеухи капрала сознание даже вроде как помрачилось. А миг спустя я услышал пронзительный вопль и увидел, как Хатч, подпрыгнув, влепил ногой Жерману прямо в физиономию. Потом отпрыгнул назад, сжался в комок, как кошка, выпрямился, встал в стойку и в новом прыжке отвесил безукоризненный йоко-гири сержанту Душку, сбив того с ног. Я к этому моменту вполне пришел в себя и понял, что мне непременно стоит вмешаться в начавшуюся драку — хотя бы для того, чтобы отомстить капралу за разбитый нос.

— «Зенит» чемпион! — проорал я свой боевой клич.

Боль в расквашенном носу прошла немедленно, сработало заклинание. Я подскочил к вставшему на четвереньки Жерману и влепил ему носком сапога в живот, а когда скотина опрокинулась на спину, еще наддал как следует по ребрам. Капрал заревел благим матом.

— Бей их! — прохрипел Душку, тараща на меня выпученные глаза. — Бей ло…

Договорить он не успел — Хатч с воплем забарабанил кулаками по его голове, вновь опрокидывая сержанта на землю. Один из спецназовцев было бросился на помощь поверженному сержанту, но другой неожиданно схватил его за руку.

— Погодь-ка, — сказал он.

Жерман встал на ноги. Выглядел он не ахти — один глаз заплыл, кровь из разбитого рта стекала по бороде. Я встал в стойку, глядя на капрала. Жерман, наконец-то, сфокусировал на мне взгляд, пальцами вытащил выбитый зуб, зарычал и пошел на меня, размахивая кулаками.

— Убью, гнида! — выпалил он, забрызгав меня кровавыми соплями.

— Попробуй, — я выхватил меч и приставил его к груди капрала. — Дальше будем руками махать, как пьяные мужланы в трактире, или пойдем, разберемся по-мужски?

Жерман зверски осклабился. Это потому, что ситуацию я больше не контролировал. Мне в спину уперлись остриями сразу

пять клинков разной длины, а отбивающегося Хатча держало четверо Волков, и сержант Душку занес над головой менестреля кулак.

— Довольно! — Капитан Уоллас вошел в круг, оттолкнул меня в сторону. — Убери оружие, сынок. Еще раз начнешь угрожать оружием моим людям, отправишься на шибеницу.

— Как прикажете, сэр, — я убрал меч в ножны.

— Запомни, лошок, — Уоллас ткнул меня пальцем в грудь, — здесь тебе не твой родной Лох-Несс, и даже не Саграмор. Здесь командую я. Твоя дерьмовая жизнь принадлежит мне. Мне плевать, из-за чего вы сцепились. Но бардака у себя в отряде я не потерплю. Все понял?

— Да, сэр.

— А сейчас иди, умойся.

Я вышел из палатки, спустился к реке и смыл кровь с лица и куртки. На душе было погано, хотелось кого-нибудь прирезать. Понятно, что вся эта кодла не оставит нас с Хатчем в покое. Я прикладывал к лицу мокрый носовой платок и размышлял, как же нам уцелеть этой ночью.

Хатч появился неслышно. Спустился к воде и сел рядышком на корточки.

— Как ты? — спросил он.

— Нормально, бывало хуже. Гитара цела?

— Ага. Я аж сам удивился.

— Неплохо ты им залепил, — я посмотрел на Хатча. — Каратэ было в тему.

— Попались бы мне эти ублюдки лет десять назад. Я бы их всех раскидал, мама не горюй.

— Скверное получилось знакомство. Теперь они от нас не отстанут. Жди стрелы в спину.

— Капитан их там распекает. Меня выставил из палатки, а сам остался с этими уродами.

— Как же, распекает. Держи карман шире, — я выжал платок, намочил снова, положил на переносицу. Боль и кровотечение давно прошли, но мой разбитый шнобель будто одервенел. — Будем спать по очереди. Авось до завтра доживем.

— Ты всерьез думаешь, что они захотят…

— Думаю вот. Но ты молодец, Хатч. Не робкого десятка.

— А ты что, думал, если я лабух, то и постоять за себя не могу? — спросил Валера с гордостью в голосе. — Я одно время в кабаке лабал. И приключений там хватало. Знаешь, как нас пьяные быки цепляли? Ничего, разруливали без третьей мировой войны. И с этими козлами разрулим.

— Обязательно, — я еще раз ополоснул лицо, вытер руки о

штаны. — Пошли, бард. Попробуем пообщаться с волками саграморскими позорными еще раз.

Глава двадцать третья. Битва на реке Марене

Время и место сражения следует уточнить у Модератора.

С наступлением сумерек Первая Ударная саграморская армия начала фестивалить. Маркитанты щедро снабдили вояк выпивкой — уже к полуночи в лагере остались только двое трезвых, я и Хатч. Из рыцарских шатров доносилось заунывное пение, яростный собачий лай и пьяный женский смех: благородные лорды привезли с собой дорогих собак и не менее дорогих шлюх. На плацу валялись отрубившиеся пехотинцы и лучники: пьяные в зюзю часовые цеплялись за воткнутые в землю пики, пытаясь сохранять равновесие и не свалиться.

— Если сейчас придет король Жефруа со своей армией, — сказал мне Хатч, — он получит победу на блюдечке.

— Или сам присоединится к этой гулянке. Набухаются сообща, и войне конец. Хватит болтаться, пошли в палатку.

Волки Саграмора были в полном составе и наше с Хатчем появление встретили многозначительными усмешками и взглядами. Я был удивлен — хоть и перло от них сивухой, но пьяным никто не был. Мне было плевать на их переглядки. Я дошел до своей кровати, пощупал ее на предмет подложенных под одеяло острых предметов и не раздеваясь лег. Хатч сел на свою кровать, расчехлил гитару.

— Что ты собрался делать? — спросил я.

— Хотел поиграть немного.

— Не стоит. Еще убаюкаешь меня.

— Так я разбужу!

Он играл перебор за перебором, и даже люди Уолласа притихли, вслушавшись в его игру. Я смотрел на Хатча и думал, что никогда не научусь играть на гитаре так же здорово. И вообще, что я очень многого не умею. Когда-то в юности я мечтал научиться писать маслом. Даже купил себе настоящие профессиональные краски, кисти, старый этюдник. И начал творить на пленэре. Запалу хватило только на неделю, потом я понял, что Клода Моне из меня не получится. Даже на Пикассо не тяну. А уж игра на гитаре…

Если выберемся из этой дыры, попрошу Хатча поучить меня играть…

— Леха, тревога!

Я и сам не заметил, как заснул. Вскочил с кровати, встал в строй. Волки уже стояли навытяжку, и капитан Уоллас с мрачным лицом прохаживался по фрунту.

— Только что пришло сообщение разведчиков, — начал он. — Пятый корпус Лансана идет к бродам на Марене. Будет здесь к полудню. Нам поставлена задача захватить броды, удерживать их и не дать передовым отрядам лансанцев незаметно переправиться на нашу сторону. Задача ясна?

— Да, сэр! — выпалили Волки.

— Отделение капрала Жермана обеспечивает контроль над бродом А. Я с остальными иду к броду Б. Выступаем через пять минут. Разойтись. Ты и ты, — Уоллас ткнул в нас пальцем, — идете со мной.

Я облегченно вздохнул. Теперь можно не опасаться, что Жерман втихаря ткнет меня в спину кинжалом и спишет мою смерть на действия неприятеля.

Солдаты Уолласа, возможно, были подонки, но в подготовленности и обученности отказать было им нельзя. Ровно через пять минут весь отряд выстроился у палатки. Душку развел в миске маскировочную краску, и люди Уолласа вымазали ей лица. Нам с Хатчем тоже было велено замаскироваться. А еще Уоллас вручил Хатчу длинный меч.

— Уж не знаю, какой ты мечник, но без оружия от тебя толку никакого, — заявил он. — Мне, конечно, плевать, убьют тебя или нет, однако порядок есть порядок. Без оружия солдат в бой не идет.

Меч был скверный, без оплетки на рукояти и с пятнами ржавчины на клинке. Однако это было какое-никакое, а оружие. Кроме меча, Хатч получил рваную бирни, которую со вздохом натянул на себя поверх жилета.

— Солдат! — пошутил я, глядя на менестреля. — Саграморский Волк!

Хатч только развел руками. С гитарой и мечом за спиной он смотрелся смешно и нелепо.

— Вперед! — скомандовал Уоллас.

Мы побежали за капитаном, стараясь поймать ритм колонны. Ночь была темная, и стоило внимательно смотреть под ноги, чтобы не угодить в какую-нибудь яму. Полукилометровый кросс закончился на берегу реки — здесь Уоллас быстро отыскал вешки, обозначающие брод, и приказал переправляться на другой берег. Сам он пошел первым.

Вода была очень холодная. На середине реки она доходила до горла, а дальше пошел пологий подъем до самого берега. Уоллас

стоял у края воды, встречая нас.

— Глотни-ка! — Капитан протянул мне большую флягу. Я сделал глоток и закашлялся: такого ядреного самогона мне давно не приходилось пить. Потом капитан дал выпить Хатчу.

— Так, парни, — начал он, когда весь отряд собрался на берегу — мы на исходной позиции. Видите слева овраг? Он подходит прямо к дороге, по которой к Марене идет лансанская армия. Они попробуют застать нас врасплох, без шума захватить броды и переправиться на наш берег. А мы им не дадим. За мной!

В овраге было так темно, что я всерьез испугался, что потеряюсь. Мой профильный недостаток, Страх Темноты, начал серьезно портить мне жизнь. Несколько раз я влетал в колючие кусты и спугнул какого-то зверя, который выскочил у меня прямо из-под ног с рассерженным фырканьем. У меня был соблазн активировать «Светляк», но я побоялся, что Уоллас отнимет его у меня. Хатч все время держался рядом.

— Они что, в темноте видят? — шепнул я. — Ни хрена не разглядеть!

— Эй, лохи! — раздалось у меня над ухом злобное шипение. — Шевелите задницами! А то…

— Тсс!!!!

Мы тут же опустились на корточки и застыли неподвижно.

— Впереди, — шепнул Уоллас.

Я посмотрел прямо перед собой и увидел метрах в пятидесяти от нас несколько движущихся зеленоватых огоньков. Потом отчетливо хрустнула ветка, и я услышал, как кто-то тихо выругался.

— Лансанская разведка, — прошептал капитан. — Кенс, Марио, слева. Рики, Дармут, Лаге, справа. Алекто, Хатч, Боск, за мной! Вперед!

Все произошло очень быстро. Наверное, в несколько секунд. Когда мы с яростными воплями выскочили прямо на лансанцев, тех охватило секундное замешательство — и этого было достаточно. Уоллас, орудуя двумя короткими мечами, тут же прикончил двоих. Я выбежал из кустов, столкнулся с бородачом в шлеме с полумаской — увидев меня, бородач завопил и замахнулся на меня моргенштерном. Я оказался проворнее, успел ткнуть его мечом в живот, а когда бородач, хрипя, сложился пополам, добил ударом по шее. Справа от меня кто-то вскрикнул, раздались чавкающие удары, будто кто-то работал топором по мясной туше, а потом послышался тихий стон. Запахло кровью и дерьмом. Я сразу почувствовал, что у меня начали трястись ноги.

— Порядок, парни! — сказал Уоллас. — Семь ноль в наш пользу.

Застучало кресало, и один из Волков запалил факел. Я смог увидеть поле боя. Мы стояли на дне оврага, среди высокого кустарника. На земле лежали семь трупов. Трава была кругом забрызгана кровью. Лансанские воины внешне мало чем отличались от моих товарищей по оружию — бородатые зверские физиономии, неухоженные доспехи. На их епанчах красовался лансанский королевский герб — красный тюльпан. Уоллас поочередно обыскал мертвецов, но не нашел ничего, кроме фляги с водкой и нескольких медных монет.

— Леха! — Голос Хатча почему-то дрожал. — Леха, а ведь один из них мой.

— В смысле?

— Одного я завалил… Знаешь, что-то мне так погано сейчас. Напиться охота.

— Это всего лишь компьютерные модели, — сказал я, хотя прекрасно понимал, что обманываю Хатча и себя. — Мало ты их в своем шутере пострелял?

— Нет, Леха. Это не модели. Живые люди… были живые.

— Хватит, Хатч, а то я сейчас расплачусь. Нашел, кого жалеть.

— Да я так, к слову.

— Направление — сосна слева! — скомандовал Уоллас. — Бегом!

Сосна торчала на склоне в гордом одиночестве, а у ее корней был оборудован настоящий окоп на десяток человек. Кто его отрыл, Уоллас не сказал, но с этого места отлично просматривался весь овраг — при дневном свете, естественно. В окопе оказался заваленный ветками сундук, из которого Уоллас достал шесть рычажных арбалетов и большой пучок стрел.

— Разбираем оружие, — велел он. — Эй, Алекто, я неясно сказал?

— Арбалет — мне? — Я все же взял оружие, попробовал его зарядить. Козья нога встала на место только после четвертой попытки. Оттянуть тетиву тоже оказалось не так просто.

— Стрелы возьми! — приказал Уоллас.

Арбалет был тяжелый, с неудобным прикладом, но зато имел прицел, подсвеченный фосфорными метками. Стрелы были железные, наверное, граммов по двести каждая, с гранеными наконечниками. Короче, штурмовой вариант средневековой карманной баллисты. Интересно, как быстро я его освою? Я вставил стрелу в желобок ложа, закрепил ее, чтобы не вывалилась, и убрал палец подальше от спускового крючка.

— Лансанцы уже здесь, — зашептал Уоллас. — Мы перебили их передовой дозор, но скоро появится новый. Так что не зевать и

быть готовым плясать по полной.

— Слушай, Хатч, — шепнул я менестрелю, — я вот что-то не пойму, на кой хрен Мастер направил нас к этому Брейсу Уолласу? Может, хотел, чтобы нас пришили поскорее, и мы не путались у него под ногами?

— Интересная идея, Леха. Надо обмозговать на досуге.

— Тихо! — рявкнул капитан. — Все внимание на овраг!

Время шло, а противник все не появлялся. Между тем, начало светать. Ночь была теплая, но меня знобило — наверное, от волнения. Потом появился туман, который сгустился в овраге, закрывая нам обзор.

— Чары, — уверенно сказал Уоллас. — Сейчас появятся.

Это были его последние слова. Вылетевшая из тумана длинная стрела с зазубренным наконечником попала капитану Уолласу прямо между глаз и вышла из затылка. Я еще успел вскочить на ноги — и тут меня будто «КАМАЗ» сшиб. Я лишь успел ощутить удар в спину, и все. Отключка.

* * *

Если я умер, то появление в поле зрения подобной морды означает лишь одно — я попал в ад. А если я жив…

Я попытался пошевелиться. Нависшая надо мной пучеглазая жаба злобно зашипела, показав мне два ряда конических острых зубов.

— Лежать!

Я поморгал глазами, чтобы избавиться от наплывающей темноты, повел взглядом на голос. Эльф. Смуглый, с зачесанными наверх снежно-белыми волосами, в камуфлированной куртке. На рукаве куртки две черные нашивки углом и серебряная руна. В руках изящной работы клевец на длинной рукоятке, на поясе кинжал-болга. Лицо злое, глаза колючие, черные, без белков.

— Лежать, я сказал! — повторил эльф.

Я перевел глаза на жабу. Неизвестное страхоило смотрело на меня вертикальными зрачками, выпуская из пасти-чемодана липкую слюну. Я снова попытался пошевелиться, но тут понял, что руки у меня связаны.

— Где Хатч? — спросил я эльфа.

— Заткнись! — велел эльф.

— Просто скажи, где Хатч.

— Человек, ты действуешь мне на нервы. Я не знаю, кто такой Хатч.

— Менестрель. Он был со мной.

— Бард? — Эльф заглянул мне в глаза. — Он жив. Он тут, недалеко.

— Мы что, в плену?

— В плену. Лежи смирно, а то аггид откусит тебе башку.

— Что происходит?

— Война. Наша армия собирается напасть на вашу. Радуйся, что остался жив. Если бы не твой меч, ты сейчас бы разделил судьбу своих сослуживцев.

— Где я?

— На нашем наблюдательном пункте.

До меня стало доходить, где я нахожусь. Меня, пока я был в отключке, затащили на здоровенную платформу в кроне какого-то древнего дерева. Отсюда, как я понял, хорошо просматривался берег Марены.

— Я хочу видеть, что происходит, — сказал я.

— Зачем тебе? — спросил эльф. — Хочешь посмотреть, как наша армия вырежет вашу?

— Все лучше, чем лежать без дела.

Эльф пожал плечами и отвернулся. Развязывать мне руки он, конечно, не собирался. Я перекатился на живот — зубастая жаба недовольно зашипела и заурчала, но не тронула меня, — и пополз к краю платформы. Отсюда действительно открывался замечательный вид на реку и на саграморскую армию, которая строилась в полете стрелы от своего лагеря, прямо на берегу.

Мой тюремщик сказал правду — вот-вот должно было начаться сражение. Саграморцы, по крайней мере, выглядели вполне боеготовыми. Пехота выстраивалась на берегу в плотный квадрат, над которым колыхался лес длинных копий, алебард, глеф, гизарм и разноцветных флагов, а по сторонам от пехотинцев разъезжали отряды рыцарей, каждый из которых держался сам по себе, со своими слугами и вассалами. Пестрые наряды, сверкающие доспехи и разноцветные попоны коней придавали этим группкам очень живописный вид. На другой стороне реки картина была примерно такая же: лансанская армия перестраивалась из походной колонны в боевые порядки, а латная конница короля Жефруа уже подошла к бродам. Дальше началось самое неожиданное и забавное — выстроившись в шеренгу, лансанские кавалеристы начали поливать оскорблениями и бранью своих противников на противоположном берегу. Эдакий хор матерщинников и охальников. Саграморцы, расчухав ситуацию, решили ответить тем же — к краю берега немедленно потянулись рыцари саграморской армии, и теперь ругань и самые грязные и отвратительные оскорбления неслись с обеих сторон. Уверен, что от такого потока словесной грязи в реке подохло все

живое. Со стороны это смотрелось забавно — что-то вроде крайне эмоционального общения базарных торговок. Продолжался этот обмен остротами и непристойностями довольно долго, рыцари изощрялись в сквернословии, упоминая всех вражеских родственников, с которыми они якобы состояли в самых извращенных отношениях, и самых разных животных, с которыми состояли в тех же отношениях их противники. Блин, до чего же грязным может быть у человека язык! А потом с обеих сторон полетели стрелы и арбалетные болты, раздались вопли ярости и боли, и лансанские всадники полезли в воду.

— Идиоты, — сказал я. — Их перестреляют, как воробьев.

Стрелы с саграморского берега и впрямь посыпались густо и метко. Большинство из них попадало в щиты лансанцев или отскакивало от их доспехов, но многие все же достигали цели. Мертвых и раненых людей и лошадей сразу забирала река. До саграморского берега добралась едва ли половина тех храбрецов, которые пересекали Марену, однако, следует отдать им должное, они тут же, без всякой подготовки, плотной лавой налетели на саграморцев, и завязался яростный кавалерийский бой. Копыта лошадей подняли такую пыль, что подробности этого сражения я не мог видеть, поэтому стал наблюдать за тем, что творится у другого брода.

Здесь рулили лучники. Саграморские арбалетчики и стрелки начали перестрелку с эльфами из полка «Эйхаэн». Очень скоро стало ясно, что эльфы берут верх — противоположный берег густо усеяли тела убитых и раненых саграморцев. Под прикрытием эльфов в воду полезла уже лансанская пехота: преодолев Марену, лансанцы с гиканьем и дикими криками ударили по прямоугольнику саграморской пехоты, отрезая пехотинцев от рыцарских отрядов.

— Нет, эти лансанцы просто самоубийцы, — вырвалось у меня. — Конница, конница-то в тылу осталась!

Саграморские рыцари будто услышали меня. Их группки начали быстро стягиваться в клин, острие которого нацелилось во фланг переправившейся армии короля Жефруа. Я со своего места мог отлично слышать тяжелый топот коней, когда клин начал атаку. Однако в тот момент, когда, казалось, саграморская конница вот-вот начнет топтать и рубить пехотинцев Жефруа, на нее обрушился настоящий ливень стрел с нашего берега. Эльфы из «Эйхаэн», рассыпавшись вдоль берега, прикрыли лансанцев, причем их стрельба оказалась ну просто убийственной — ушастые стреляли не по закованным в железные доспехи тяжелым всадникам, а по их лошадям, и ни одна пущенная ими стрела не пропадала даром. Кольчужные попоны и кожаные латы рыцарских

коней эти стрелы пробивали на ура. Бойня, одним словом. Кони, обезумев от боли, вертелись на месте, падали на передние колени, сбрасывая всадников под копыта. Между тем с лансанского берега с торжествующими криками начала переправляться еще одна пехотная бригада, на этот раз под штандартом с красным тюльпаном.

— Ну, вот и все, — сказал мне черноглазый эльф. — Битва выиграна.

Я с недоверием посмотрел на него, но, переведя взгляд на зрелище боя, подумал, что этот эльф все-таки прав. Половина саграморских рыцарей уже валялись на земле, пытаясь подняться, но тяжелые латы не давали им нормально двигаться, и волна лансанских атакующих пехотинцев накрыла их. Эльфы из «Эйхаэн» прекратили стрелять и теперь тоже переправлялись через реку, спеша на помощь своим союзникам-лансанцам. Саграморскую пехоту зажали с трех сторон, и я мог в подробностях наблюдать начавшееся жестокое избиение. Желудок у меня нехорошо сжался — зрелище средневекового боя даже человеку с крепкими нервами вряд ли доставит удовольствие. И мне больше не хотелось наблюдать за тем, что творится на саграморском берегу. Теперь меня интересовала только моя судьба и судьба Хатча.

— Что с нами будет? — спросил я эльфа.

— Это не мне решать, — ответил тот. — Вашу судьбу решит Офаэ Фаолла Доронэль. — ???

— Командир полка «Эйхаэн», — пояснил эльф. — Сейчас полковнику не до вас. Так что наберись терпения и помолись своим богам. Их помощь может тебе понадобиться.

Я покосился на огромного жабообразного аггида, который смотрел на меня яростными немигающими глазами и пускал слизистые пузыри из вонючей пасти. По спине у меня будто пробежало что-то холодное и противное. И тут я вспомнил про Консультанта.

Я четырежды пытался вызвать этого стервеца, но Консультант так и не появился. У меня появилось чувство, очень похожее на отчаяние. Или правила Главного Квеста таковы, что из подобных положений я обязан находить выход самостоятельно?

Если так, то правила, определенно, хреновые…

Шум боя постепенно затихал — от саграморской армии остались только жалкие кучки окровавленных израненных людей, которые даже в этом безнадежном положении мужественно продолжали сражаться, пытаясь продать свою жизнь подороже. Эльф в камуфлированной куртке с видимым удовольствием наблюдал за избиением.

— Эй, приятель, — позвал я, — а если я захочу служить лансанскому королю?

— Я этого не решаю, — не глядя на меня, сказал эльф. — Полковник Доронэль распорядится твоей жизнью, саграморец.

— Я не саграморец! — запротестовал я. — Я родом из… Лох-Несса.

— Ты был с саграморцами. Значит, ты сражался на их стороне.

— Черта с два! Меня обязали присоединиться к их армии.

— Это неважно. Смирись со своей судьбой и будь мужественен.

— Я…

Аггид противно зашипел и придвинулся ко мне, стуча длинными когтями по деревянному настилу. Я понял, что лучше помолчать. И подождать, чем это все закончится. Я вообще-то ненавижу любое ожидание, а уж такое… Аггид обнюхал меня, фыркнул, выпустив из ноздри зеленую соплю, и попятился в угол платформы.

Уж не знаю, сколько прошло времени. Берег Марены превратился в огромное кладбище. Тела убитых покрыли весь берег от одного края леса до другого. Я видел во всех жутких подробностях, как лансанские солдаты и присоединившиеся к ним эльфы кордами и бердышами добивают раненых и обдирают трупы, снимая с них доспехи, одежду и украшения. Несколько человек со смехом топтали саграморский штандарт с коронованным медведем — гербом герцога Альбано, — а потом кинжалами разрезали его на куски. У некоторых солдат на пиках и алебардах были отрезанные у павших головы: страшные, окровавленные, вывалянные в песке, с полузакрытыми глазами. Мародеры начали грабить саграморский лагерь, и я отчетливо мог слышать крики победителей, женские вопли и испуганное мычание скота.

— Правильно говорят, не доводит пьянство до добра, — пробормотал я. — Вот она, господа саграморцы, ваша ночная гулянка…

— Valeed, aun rid! — внезапно кто-то громко и пронзительно прокричал снизу. — Faolla vagte at nu faeken Sagramer spar.

Черноглазый эльф протянул руку и дернул за толстую лиану рядом с собой. Помост вздрогнул и ухнул вниз с такой скоростью, что у меня появилось неприятное чувство падения — будто в самолете, когда он попадает в воздушную яму. Импровизированный лифт опустился на большую кучу наваленных под деревом веток, аггид, пыхтя и пуская слюни, сполз с помоста и заковылял по зеленой травке. Эльф рывком

поднял меня на ноги и потащил за собой.

Я увидел большую группу эльфов, с ног до головы облаченных в камуфляж и вооруженных большими луками, глевиями и длинными мечами. Когда мы подошли ближе, один из эльфов скинул капюшон, и я увидел, что это молодая женщина с темно-рыжей пышной шевелюрой и огромными карими глазищами. На обоих рукавах ее пятнистого комбинезона красовались искусно вышитые серебряные драконы.

— Человек, у которого был Ллоинар, — сказала эльфийка. Голос у нее был приятный, звонкий, но смотрела она на меня без всякой симпатии. — Ну что же, давай побеседуем. Ведь если тебя убить сейчас, ты уже ничего не расскажешь.

Глава двадцать четвертая. Эльфийская легенда

Хотел зарегиться эльфом, да по ошибке кликнул орка…

Рыжеволосая эльфийка оказалась полковником Офаэ Фаоллой Доронэль, командиром специального полка «Эйхаэн». Не скажу, что меня это удивило. По ее приказу мне развязали руки, а потом велели следовать за полковником. Мы шли довольно долго по лесу, и я с удивлением обнаружил, что здесь полно вооруженных эльфов. Странно, почему такая древняя и благородная раса приняла в этой войне сторону короля Жефруа. И что в этом случае делали в Саграморе те два эльфа, которые сделали такие отличные подарки мне и Хатчу.

В конце концов, следуя за захватившими меня эльфами, я попал в их лагерь. И здесь впервые за весь день испытал настоящее счастье — я увидел Хатча.

— Леха! — Хатч вскочил, чтобы бежать мне навстречу, но какой-то ретивый эльф преградил ему дорогу и наставил на менестреля свою глевию, так что Хатч вынужден был остановиться. — Леха, мы живы! Ура, Леха!

— Живы, и в плену, — крикнул я ему. — Ну, ничего, попробуем выпутаться.

— Иди быстрее, саграморец, — скомандовал мне один из конвоировавших меня эльфов.

Меня привели к палатке полковника Фаоллы и завели вовнутрь. Фаолла сбросила с плеча зачехленный лук, колчан со стрелами. Два эльфа встали по бокам от меня, наверное, на случай моего возможного нехорошего поведения. Фаолла что-то сказала третьему солдату, и он вышел из палатки.

— Я бы хотел поговорить с менестрелем, — сказал я, понимая, что должен хоть что-то говорить.

— Терпение, саграморец. Всему свое время.

— Я не саграморец.

— Вижу. Но зову тебя так, поскольку не знаю, откуда ты родом, — Фаолла взяла со столика кубок, сделала из него глоток. — Я чувствую, что ты Нанхайду, как и твой друг-менестрель. Только поэтому ты до сих пор жив.

— Почему вы воюете на стороне Лансана?

— Сейчас придет Финнваир, он все тебе объяснит лучше

меня.

— Кто такой Финнваир?

— Faermellen. Тот, который знает сокрытое.

— Волшебник?

— Можно и так сказать.

— Странно, что эльфийским полком командует женщина, — сказал я, глядя на Фаоллу.

— Что же в этом странного? Или в твоей стране женщины — всего лишь прислужницы в доме мужа, варящие для него еду и плодящие ему детей?

— Нет. У нас женщины даже в космос летают. И в правительстве работают.

— Тогда зачем ты спрашиваешь? Считаешь, что эльфы, древнейшая и безупречная раса, глупее и примитивнее вас, потомков обезьян?

— Насчет обезьян вопрос спорный. А насчет безупречности… — Я понял, что должен сказать это вне зависимости от последствий. — Я видел сегодня, как эльфы из «Эйхаэн» добивали раненых. Не самый гуманный поступок. И уж точно недостойный безупречной расы, как вы себя называете.

— Слушай ты, моралист с совестью крысы и мозгом клопа! — взорвалась Фаолла. — Пытаешься говорить о вещах, о которых не имеешь не малейшего представления. Вступаешься за убийц и грабителей, потому что одной с ними крови. Ты не видел, что в прошлый Мидиваэрн армия Саграмора натворила в Олеррехонде, моем родном поселении. Триста сорок пять моих земляков были загнаны в сарай и сожжены заживо. Среди них были грудные младенцы и беременные женщины. Многих эльфиек сграморские солдаты перед этим изнасиловали. Я буду мстить сграморцам за это преступление, пока моя рука держит меч, и пока мои глаза видят врага. Так что заткнись и подумай лучше о своей судьбе, жалкий лох. И не зли меня, если не хочешь немедленно расстаться с жизнью.

Появление эльфа по имени Финнваир избавило меня от необходимости что-то ответить разгневанной эльфийке. И слава Богу. Все равно сказать толком мне было нечего — разве только посочувствовать. Но вряд ли Фаолла восприняла бы мое сочувствие за чистую монету.

— Так вот он какой, человек с мечом Ллоинар, — сказал Финнваир, разглядывая меня. Он был много старше остальных эльфов, совершенно седой, и вместо камуфлированной формы «Эйхаэн» носил расшитую затейливыми узорами белую мантию. — Нанхайду. Фаолла, я благодарен тебе, что ты его не убила. И менестреля тоже.

— Он твой, фаэрмеллен. Делай с ним, что хочешь. И человек с гитарой тоже принадлежит тебе.

— Ты мудра, Фаолла, хоть и юна годами. Я ценю это.

Я молчал. Эльфы говорили между собой на человеческом языке, вероятно, хотели, чтобы я их понял. А потом Фаолла и ее воины вышли из палатки, и я остался с глазу на глаз с фаэрмелленом.

— Кто дал тебе меч? — спросил меня Финнваир.

— Эльф по имени Нехаир, — ответил я, понимая, что крутить не имеет смысла и стоит рассказать все, как было. — Он попросил нас помочь ему в одном ритуале. Что-то с цветком, который рос под музыку. А потом подарил мне меч, а Хатчу струны.

— Нехаир ренегат и изгой, — сказал эльф. — Много лет назад его изгнали соплеменники, и с тех пор он скитается по людским королевствам. Но, как видно, совесть не покинула его окончательно. Он вернул меч, который много лет назад забрал у своего народа.

— То есть как вернул?

— Очень просто. Ллоинар теперь вернется к нашему народу возрожденным и очищенным от пятнавшей его скверны. И за это мы должны благодарить тебя, Нанхайду.

— Я ничего не понимаю.

— Много столетий назад мой народ, который вы, люди, зовете эльфами, был единым. Потом в наши земли вторглись алчные и воинственные дикари. Люди, не эльфы. Эльфийский король по имени Толлиан возглавил войну против них. Оружейник Орналь из Тенеро выковал для Толлиана меч, который назвал Ллоинаром. Магия этого меча была велика, и Толлиан одерживал над пришельцами победу за победой. Прошло время, и орды захватчиков нашли свою смерть на землях эльфов, а те, кто не погиб, убрались восвояси. Людям стало известно о волшебной силе Ллоинара, Клинка Непобедимости. Однако Толлиана испортила его слава. Он стал властолюбивым гордецом, убежденным в своем невероятном величии. Он осквернил волшебное оружие. Желая стать единственным правителем всех эльфов, Толлиан ударом меча Орналя убил Каэллира, своего родного брата-соправителя. С тех пор Ллоинар лишился своей волшебной силы и стал простым клинком. Враги узнали об этом, и новые полчища вторглись в наши земли. Это было начало конца славы эльфийского народа. Говорят, что, умирая от полученной в бою раны, Толлиан раскаялся в своем злодеянии и предсказал, что однажды Ллоинар вернется к эльфам очищенным от пролитой братской крови. Это будет день возрождения нашего величия, день, когда из праха восстанет новое великое эльфийское

королевство Аэндра-Тоэль — Восходящая Звезда.

— Очень поэтично, — сказал я. — Вот только не понятно, причем здесь я.

— Осквернённый клинок перешел к Нехаиру, одному из родичей короля Толлиана. Он пытался захватить власть, но эльфы изгнали его. Нехаир пообещал, что однажды сделает все, чтобы Ллоинар обрел утраченную силу, и тогда он возвратится в родные земли уже не изгоем, а королем. Так Ллоинар покинул владения эльфов и долго пребывал в безвестности.

— И что?

— Ты вернул клинок. Видимо, Нехаир все-таки нашел способ отчистить меч от осквернившей его крови. Он сумел угадать твою судьбу и воспользовался твоим путем, чтобы вернуть меч Орналя. И это хорошо.

— Выходит, меч у меня заберут?

— Заберут, но взамен ты получишь другой.

— Печально это слышать. Но я так понимаю, ваше решение окончательное. По крайней мере, скажи — я свободен?

— За услугу, оказанную моему народу, я возвращаю тебе свободу, Нанхайду.

— Уф! — Если бы мне сказали, что я выиграл в лотерею миллион долларов, я бы обрадовался меньше. — Вот спасибо! А я уже и не чаял…

— Я уговорил Фаоллу отпустить вас, потому что ваша битва поможет народу эльфов возродить свое былое величие.

— О чем ты?

— О Слове Создателя.

— Ты что-то знаешь о нем?

— Только то немногое, что есть в наших древних манускриптах. Слово Создателя — артефакт, чуждый нашему миру. Но в нем скрыт ответ на многие вопросы. Тебе придется постараться, чтобы заполучить его.

— Где мне его искать?

— В Коловашии. Я слышал, что артефакт заполучил граф Радулеску. Более мне ничего не известно.

— Очень весело. Я подозревал, что рано или поздно мне придется разбираться с этим парнем. Ну, никак нельзя обойтись без вампиров!

— Ты боишься, Нанхайду?

— Нет, просто очень хочу вернуться домой. И желательно, нормальным человеком. Без клыков и светобоязни.

— Я рад, что мы с тобой встретились, — фаэрмеллен едва заметно улыбнулся. — Приятно думать, что даже среди людей есть существа, способные мыслить.

— Вы несправедливы к людям, — сказал я, несколько обиженный его словами. — И вы же помогаете людям. Сражаетесь на стороне Лансана. Почему?

— Когда-то мы пытались сохранить нейтралитет и не вмешиваться с в людские распри. Но это не устраивало людей. Эльфы слишком хорошие воины, чтобы люди не пытались привлечь их на свою сторону. Наш нейтралитет нам дорого стоил — с нами стали воевать сразу все человеческие королевства: Овернуа, Уэссе, Саграмор, имперские марки. Пришлось делать выбор. Мы встали на сторону Лансана, потому что король Жефруа стал единственным, кто помог нашему народу.

— Я слышал, он воюет с братом из-за какой-то игрушки.

— Это слухи, которые распространяют враги Жефруа, — Финнваир как-то странно посмотрел на меня. — Король Лансана долго терпел унижения от своего брата. Они с детства недолюбливают друг друга. Король Лорель оставил свой трон Жефруа, а Альбано получил только титул герцога. Это его и разозлило. С тех пор Альбано мечтает свергнуть брата и самому стать королем.

— Теперь понятно. А люди с обеих сторон гибнут пачками!

— Война за власть обычное дело, — сказал Финнваир. — Жефруа добр и мягок. Альбано жесток и порочен. Альбано преследовал эльфов. Вот почему мы взяли в этой войне сторону Лансана.

— А прочие земли?

— Формально независимые государства, но все они подвластны Империи.

— Спасибо тебе. Я многого не знал о вашем мире.

— Пойдем, я отдам тебе меч, который выбрал для тебя.

Финнваир не поскупился — в его шатре меня ждал приятный сюрприз, настоящая гномская клеймора. Тяжеловатая, правда, но сбалансирована отменно, и клинок острый, как индийская кухня. Такая с одного удара перережет и кости, и сухожилия. Я прямо таки растаял от удовольствия, когда эльф сказал, что этот меч для меня.

— Ты сделал для нас больше, Нанхайду, — сказал Финнваир, когда я начал его благодарить. — Эльфы тоже могут быть благодарными. А теперь уходите.

— Уф! — вздохнул Хатч, когда мы с ним покидали лагерь эльфов. — Я уж думал все, кранты. Чего это они раздобрились?

— Мы с тобой вернули меч, Валерчик. А эльфы им серьезно дорожат.

— Твой подарок? А я-то гляжу, у тебя новая бандура. Махнул не глядя?

— Их колдун подогнал в благодарность. Слушай, нам надо отсюда выбираться. Сейчас проведем ориентировку на местности…

На этот раз чертов Консультант явился незамедлительно. Я не стал скандалить и терпеливо выслушал слащавый репорт о том, что меня по итогам прохождения Квеста перевели на шестой уровень и повысили в звании — теперь я становился боевым лохом-специалистом. Мне навесили очки в номинациях: Выживание (2 очка), Работа в команде (2 очка), Тайные знания (1 очко), Репутация (2 очка) и Рукопашный бой (1 очко). Естественно, что речь после этого зашла о призах.

— Вам предлагаются эксклюзивные призы, — сообщил Консультант, — а именно: деньги — 300 дукатов, или повышение здоровья — 10 единиц с постоянным эффектом, или стальной рычажный арбалет (стандартное изделие мастера Самуила Холта стоимостью в 150 дукатов) и к нему 30 стрел и два запасных рычага, или же, наконец, магическая способность «Детекция враждебной магии» — постоянный эффект обеспечивается Кольцом Мага.

— Послушайте, а почему мне ничего не полагается? — запротестовал Хатч. — Я ведь тоже типа попаданец в вашу долбанную виртуалию. И мне надоело здесь по самое не могу.

— Вы не участник Главного Квеста, — сухо заявил Консультант. — Так что пользуйтесь теми возможностями, которые у вас появляются по ходу событий. Итак, Алекто, ваш выбор?

— Кольцо, — решил я особо не раздумывая. — Тут у вас магов на одном гектаре, что в наших лесах грибов. И все так и норовят подкинуть какую-нибудь подлянку. Кольцо.

— Как вам угодно, — Консультант взмахнул рукой, и я увидел на его ладони массивный серебряный перстень с бесцветным камнем, возникший, будто из воздуха. — Цвет камня является индикатором магии. Отсутствие цвета — нейтральная среда, зеленый — дружественная либо безопасная магия, желтый — потенциально опасные магические проявления, не угрожающие вам напрямую. Красный цвет показывает, что враждебная магия направлена на вас. Чем интенсивнее красная окраска, тем более мощная магия против вас используется.

— Полезная штука, — я надел перстень на палец. — Что теперь?

— Выход из леса прямо к северу. Там начинаются земли Лансана, и вам следует отправиться в город Моравилль. Там вы получите дальнейшие инструкции. Еще есть вопросы?

— Где нам обналичить чек?

— В Моравилле есть банк. Что-нибудь еще?

— Пока нет.

— Желаю успехов.

Консультант растаял в воздухе, как дым. Глядя на то, как он превращается в темный слоистый туман, я вдруг безумно захотел закурить. Вторая неделя без табака — а может, это шанс завязать с курением раз и навсегда?

— О чем ты думаешь? — спросилХатч.

— О сигаретах. Сейчас бы целое па-де-де станцевал за одну сигарету.

— Я тоже маюсь, — вздохнул Хатч. — Ну что, идем?

— Пошли, — я хлопнул менестреля по плечу, и мы двинулись по лесной тропинке на север. Почему-то я был уверен, что мы так или иначе будем идти на север, поскольку в этой проклятущей игре мы всегда оказывались там, где нас ждали.

Глава двадцать пятая. Стой, стрелять буду!

Иду это я, иду — и тут новая локация.

По лесу мы мотались дольше, чем я предполагал. И хотя нам не повстречалось никакого опасного зверья, и мы не влипли в очередную неприятность, выбраться из леса было сущим удовольствием. Когда деревья расступились, и мы увидели перед собой зеленеющие поля, Хатч со вздохом опустился на первый подвернувшийся пенек и заявил, что ему надо немного отдохнуть. Я не стал спорить, у меня у самого ноги гудели, а солнце было еще довольно высоко.

— Нет, я устал! — воскликнул Хатч, хлопая себя по ногам. — Этот долбанный кретинизм кончится когда-нибудь, или нет? Сколько нам еще мотаться по этим сказочным землям?

— Не знаю, Хатч, ой не знаю. У меня у самого крыша едет, — я опустился прямо на траву и понял, что заставить себя встать и идти дальше мне будет очень непросто. — И мне кажется, чем дольше мы будем тут шастать, тем больше проблем найдем на свои головы.

— Успокоил! Тут и так душа болит, а ты…

— Я все думаю о Викинбахе, об эльфах. Почему Мастер втравил нас в эту разборку. Не нравится мне все это.

— Да уж, приятного было мало.

— Я как рассуждаю, Хатч, — продолжал я, — Мастер нашел нас, забрал у нас книгу, которую ищут все, кому не лень, потом отправил нас к Викинбаху и Уолласу — зачем? Ответ один — чтобы нас пришили. Уж больно все подозрительно выглядит. Если бы не эльфийский меч, мы бы сейчас составили компанию тем беднягам, которые гниют на берегу Марены.

— Понятно, а смысл?

— Мастер не хочет, чтобы мы нашли артефакты. Сам он убирать нас не стал, решил сыграть в белых перчаточках, использовал всю эту войну с Лансаном. — Я плюнул в какого-то жука, который не спеша полз по траве по своим делам. — И Марике нельзя верить. Но и показывать, что мы что-то заподозрили, тоже нельзя, понял?

— Чего уж понятнее! Пожрать бы. У меня в животе уже белый и розовый шумы вместе взятые.

— Потерпишь до Моравилля. Уже недалеко. Я сильно подозреваю, что вон те домики на горизонте и есть Моравилль.

Отдохнул?

— Чуток. Сейчас бы сигаретку и пива холодного… — Тут Хатч посмотрел на меня совершенно затравленным взглядом. — Леха, я знаешь, что подумал? А вдруг, пока я тут кантуюсь, моя жена того…

— Чего того? Помрет что ли?

— Типун тебе на язык! Замуж выйдет за другого, вот что.

— Мне бы твои проблемы, лабух.

— Э, нет, не скажи. У тебя есть жена?

— Не было, нет, и не предвидится в обозримом будущем. Я по натуре холостяк. Одиночка.

— Ну, это не дело. Ты парень видный, молодой, надо жениться.

— Вот как раз и не надо, потому что видный и молодой. Потом, нынешним дамам видные и молодые ни к чему. Им денежные нужны.

— Кто так тебя обидел, Леха?

— Было дело, — я вздохнул. — Ладно, закрыли тему.

Мы поплелись дальше через бескрайнее поле, за которым виднелись красные черепичные крыши и высокое здание с изящным шпилем — похоже, церковь. И тут произошло нечто странное.

Больше всего это было похоже на то, как если бы я вошел в закрытую стеклянную дверь. Было со мной однажды такое — захотел зайти в магазин, а двери и витрины так надраили, что я влепился лбом прямо в закрытую створку. Так и тут, я будто ударился о невидимую преграду. С Хатчем, похоже, случилось то же самое, потому как он застыл с открытым ртом на месте.

— Чего? — спросил я. — Набил шишку об воздух?

— Вроде того, — Хатч покрутил головой. — Ты тоже?

— Ага. Странное ощущение, — я попробовал пространство перед собой рукой, но невидимого препятствия больше не было. — Что это?

— Леха, не нравится мне это все. Ты уверен, что нам надо идти дальше?

— Не знаю. Я вообще ни в чем не уверен. Но стоять тут тоже не дело.

Меня успокоило то, что окружающий нас мирный сельский пейзаж никак не изменился. Солнце ярко светило, птички пели, бабочки летали, нарядные красные крыши вдалеке никуда не исчезли. Вот только появился какой-то тяжелый глухой шум, будто где-то неподалеку завели мощный трактор. Мы шли дальше по полю, и я совсем забыл про странное невидимое препятствие, но тут…

— Хальт!

Я тут же остановился, Хатч, глядя на меня — тоже. Из кустов на обочине поля немедленно показалась нелепая и неожиданная фигура. Нелепая потому, что я меньше всего ожидал встретить здесь человека в форме Вермахт Хеер.

— Хальт! — повторил человек, направив на нас дуло винтовки. — Хенде Хох! Их верде шисен!

Я немедленно поднял руки. Эту команду понял бы даже тот, кто совершенно незнаком с благозвучным языком герра Гете и группы «Раммштайн».

Парень с винтовкой смотрел на нас совсем неблагожелательно. Я заметил, что петлицы на его серой полевой форме черные. Эсэсовец. Черт, откуда тут эсэсовцы?

Куда это нас опять закинуло, мать его тру-ля-ля?!

Между тем из кустов появились еще два парня — крепкие, в форменных камуфлированных куртках с закатными рукавами, в кепи и с автоматами наизготовку.

— Похоже, американцы разбомбили бродячий цирк, и две ряженые обезьяны уцелели, — сказал по-немецки один из них, подойдя к нам ближе. — Кто такие?

Я лихорадочно соображал. Отвечать по-немецки нельзя — примут за шпиона или дезертира. По-русски тем более. Задержавший нас солдат быстро обыскал нас с Хатчем, забрал у менестреля гитару, у меня меч, кинжал и метательные ножи, легонько так ткнул дулом винтовки в живот, засмеялся.

— Гляди, Матиас, у него меч за спиной! И куча ножей, — сказал он. — Французский маки с прадедушкиными ножиками для паштета.

Французский. Ага, значит, мы во Франции. Я понял, что рискую, но деваться было некуда.

— Месье! — заговорил я по-французски, стараясь придать своему лицу максимально идиотское выражение. — Мы с другом просто актеры. Идем в… Моравилль. Не стреляйте, месье! Мы сдаемся.

— Слушай, Пауль, ты вроде немного понимаешь язык лягушатников, — сказал товарищу тот, кого звали Матиасом. — Ну-ка, поговори с ними.

— Кто вы такие? — спросил меня Пауль. Французский у него был отвратительный, но я радостно закивал.

— Месье, мы актеры, — начал объяснять я. — Меня зовут… Ален Делон, а моего друга, — и я показал на Хатча, — Шарль Азнавур. Мы попали под бомбежку, компрене? Американцы разбомбили нашу сьемочную группу. Мы снимали кино. Все погибли, а мы заблудились. Нам надо в Моравилль. Вы знаете,

где здесь Моравилль?

— Что он там несет? — спросил Матиас.

— Говорит, что они актеры и попали под бомбежку, — Пауль направил на меня автомат. — Пойдете с нами, лягушатники. Марширен марш!

— Хатч, — зашептал я менестрелю, когда нас под прицелом повели в сторону поселка, — главное, молчи и делай вид, что ты немой и глухой!

— Почему?

— Потому что ты контуженный. Бомбой тебя шарахнуло. «Грэнд Слэмом»*, прямо по черепушке. Понял?

— Они нас убьют?

— Может быть. Но пока хотят куда-то отвести. Крепись, братан.

Лицо Хатча приняло страдальческое выражение. Я с ужасом подумал о том, что будет, когда эсэсовцы откроют чехол и увидят его американскую гитару. И как мне объяснить, почему оружие у меня не бутафорское, а самое настоящее. Разве только продолжать разыгрывать кретина. Но долго это не сработает, это только в старых советских фильмах немцы были глупыми.

Шли мы долго. У меня от страха и жажды совершенно пересохло во рту, а ноги дрожали. Хатч выглядел не лучше. Наконец, нас привели в деревню. Это было что-то вроде военной базы — на входе в село стояли блокпосты, а в поле я увидел зенитные батареи, аккуратно обложенные мешками с песком. Повсюду было полно немецких солдат, и смотрели они на нас совсем не благожелательно. В центре деревни, перед ратушей, превращенной в штаб, была устроена настоящая выставка техники — несколько кубельвагенов, шикарный черный кабриолет «Опель-адмирал», пара гановагов, грузовики, *10-тонная авиабомба, использовавшаяся авиацией союзников. мотоциклы, хищно выкрашенные в зеленый, бурый и черный цвет. Весь этот парад технического немецкого гения впечатлил бы любого ценителя антикварной техники. Впрочем, лоск с этих машин давно сошел, а некоторые и вовсе выглядели так, будто их пригнали со свалки. Видимо, совсем недавно эти тачки были в бою. Чуть дальше стоял громадный «тигр» — я и не представлял себе, каких размеров в реале был этот танк. Тут к нам подошел офицер в полевой форме, рыжий, с колючими глазками. Наши конвоиры объяснили ему ситуацию.

— Диверсант? — Офицер ткнул меня рукой в перчатке в грудь. — Маки?

— Месье, — затянул я Лазаря, — я и мой друг актеры. Попали под американские бомбы. Мой друг тяжело контужен. Мы

шли в Моравилль, понимаете?

— В подвал их, — коротко приказал офицер и отвернулся. Я было попытался продолжить разговор, но эсэсовцы нас схватили и потащили к ратуше. Похоже, у нас появился шанс пожить еще некоторое время.

Глава двадцать шестая. Сержант Тога Мейсон

И на кой тебе английский? В этой системе даже вирусы русифицированы.

Подвал под ратушей оказался банальным винным погребом. Едва за нами захлопнули похожую на двустворчатый люк дверь, как я активировал свой «Светляк», и мы смогли оглядеться. Здесь было полно бочек всех размеров. Холодно, темновато, но сухо и чисто. А в углу погреба спал на грязном матрасе еще один узник, молодой парень лет двадцати пяти от силы. На парне была английская военная форма.

— Военнопленный англичанин, — шепнул я Хатчу. — Разбудим?

— А стоит?

— Поговорим. Может, узнаем что-нибудь интересное.

Я подошел к англичанину и легонько потряс его за плечо. Когда парень открыл глаза, я выдал самую приветливую улыбку и сказал:

— Hi, cham. Nice to meet you.

Парень посмотрел на меня с удивлением. По виду это был типичный англичанин — рыжий, с мелкими чертами лица и светлыми глазами. Левая бровь была рассечена, губы вздулись, на скуле темнел здоровенный синяк.

— Don`t be afraid, friend, — сказал я и протянул ему руку. — We are with you.

Англичанин нерешительно протянул мне руку, но на его лице по-прежнему было написано недоумение. Ох уж эти англосаксы! Сноб на снобе…

— Prisoner of war? — продолжил я. — So we are. Very sad, isn`t it?

— Слушай, Леха, он какой-то странный, — шепнул Хатч. — Он вроде как не понимает. Может, у тебя с произношением что-нибудь не так?

— Обижаешь, Блэкмор. Я кандидатский минимум по английскому на пять сдал. У меня английский чище, чем у Шекспира.

— Русские? — внезапно спросил парень на самом настоящем русском языке. — Вы что, русские? Из России?

Тут у меня челюсть провисла до самого пола. А липовый англичанин просиял, что твой новенький рубль.

— Ты что, русский? — спросил я.

— А какой? А, усек — вас, наверное, форма моя с толку сбила. Так это миссия такая.

— Миссия? — Я начал понимать, что к чему. — Вот только не говори, что ты геймер.

— И вы тоже? — Парень внимательно нас осмотрел. — Да, дела!

— Слушай, ты ясно и точно скажи — играл?

— Играл. В «Солджерс оф Глори — 2». Знаете такую игрушку?

— Слышали.

— Я сетевуху загрузил, миссия «Божья кара», — говорил Тога тихо, и при этом стеснительно улыбался. — Это когда тебя выбрасывают с самолета вместе с диверсионной группой. Ты типа как британский сержант-десантник по фамилии Мейсон.

— И?

— Стал загружать игру, тут что-то сверкнуло, и я будто в воздушную яму провалился. Голова закружилась, в глазах потемнело. А как пришел в себя, вижу — я уже не в своей комнате за компьютером. Болтаюсь в каком-то лесу на дереве, на парашютных стропах.

— Короче, попал внутрь игры, — с понимающим видом сказал Хатч. — Со мной было почти то же самое.

— Я сейчас с трудом могу вспомнить, что чувствовал. Сначала подумал, это меня заглючило по-крупному. А потом понял, что все на самом деле происходит. Чуть со страху не обделался. Повисел немного, подумал и решил действовать. У меня девиз такой по жизни: «Надейся на лучшее, борись до последнего».

— Хороший девиз.

— Короче, я обрезал стропы и слез с дерева. Лес, темнота. Мешок мой с припасами, картой и рацией улетел куда-то. Стал его искать. Фонарь зажечь боюсь — вдруг патруль? Короче, ждал до утра. Потом все-таки нашел мешок, достал карту. И пакет с заданием…

— Погоди-ка, брат, тебя как зовут? — не выдержал я.

— Тога. Вообще-то я Толик. Но в виртуале Тога.

— Будем знакомы, Тога. Я Леха, ник Алекто. А это Валерчик, в виртуальном миру Хатч.

Мы обменялись рукопожатиями. Мне что-то так хорошо стало на душе — словами не опишешь.

— Ты откуда будешь, Тога? — спросил я.

— Казанский.

— О, почти земляк! — обрадовался Хатч. — Я из Поволжья, Самарская губерния.

— Нет, здорово, что вы здесь, — сказал Тога. — Как-то даже в погребе светлее стало.

— Так ты рассказывал, что карту и пакет нашел.

— А, точно. У меня было задание отыскать эшелон с горючим для ракет «Фау-2». Немцы его где-то на секретной станции южнее Кале держали, но авиация союзников его нашла, да только разбомбить не могла — агентура предупредила, что немцы в состав включили вагоны с военнопленными. Вот нам и поставили задачу: найти состав, потихоньку освободить заключенных, а цистерны с топливом взорвать.

— Видать, брат, ты всерьез заигрался, — заметил я, заметив в глазах Тоги воодушевленный блеск.

— Нет, реально, было интересно. Станцию я нашел. Охраны там — мама не балуйся! Патрули с собаками, зенитки, танки, снайперы на вышках, фаустники. Сплошняком матерые Ваффен-СС, не какой-то там фольксштурм. А я один, со «Стеном», пистолетом и десятком гранат. Да еще взрывчатки килограмма четыре в мешке.

— То есть как один? Ты же говоришь, вас группой сбросили?

— По игре да. Но в РЕАЛЬНУЮ Францию 44-года попал я один.

— Постой, так это что, не игра?

— Ребята, я вам десять минут объясняю — не игра это. Настоящая война. Я сам, когда понял, долго отходил.

— Это что, мы все втроем провалились в настоящий 1944 год?

— Выходит, так.

— Хороша уха из петуха! — Я почувствовал, что по моей спине ползут не то, что холодные мурашки — муравьи-мутанты из жидкого гелия. И тут меня осенило. — Погодите, есть один способ проверить. Внимание!

Мой трижды повторенный ник не возымел никакого эффекта. Консультант не появился. Или это опять неведомые мне правила Главного Квеста, или же Тога прав и мы — страшно подумать, — на войне. Да еще в плену. Мне вдруг стало очень нехорошо и морально, и физически.

— Лех, ты что? — Хатч озабоченно заглянул мне в лицо. — Плохо, да?

— Голова кругом пошла, — я попытался взять себя в руки. — Ну и что было дальше, Тога?

— А ничего. На станцию я ползком пробрался. Из пистолета с глушителем вырубил часовых. Еще тогда заметил, что имитация

уж больно точная — запах пороха, ствол у оружия раскаляется от выстрелов. Для игры ненужные подробности. Сумел обойти зенитные батареи и пулеметы. Было очень страшно. Каждое движение, будто во сне. Прополз полметра — и лежишь, обливаешься потом, ждешь, когда по тебя шмалять начнут. Больше всего боялся, что собаки меня учуют. Потом вспомнил, что у собак вроде не нюх острее, а слух. Старался двигаться бесшумно. Пару раз собачки все-таки забрехали, но немцы только в мою сторону постреляли маленько. — Тога помолчал. — Как вспомню, жутко делается. Я лежу, а над головой пули свистят. Неприятно. А еще ни с того ни с сего меня смех начал разбирать. Когда я на дереве повис, порвал штаны на интересном месте. Думаю, застрелят меня, найдут труп, а у меня дырка на жопе. Стыдоба. Вы чего это так на меня смотрите?

— Дальше, дальше рассказывай.

— Короче, добрался я до путей. Заполз под отцепленный вагон, часа полтора лежал неподвижно, разглядывал все в бинокль. Вычислил вагоны с военнопленными — они все были помечены белыми треугольниками. Охрана все больше по перрону прохаживалась, на пути не спускалась. За два часа до рассвета слышу — вроде как гул самолетов. Немцы, понятно, засуетились, забегали. Я к цистернам переполз, заложил взрывчатку. Тут откуда-то овчарка выскочила — хорошо, вовремя заметил, успел из пистолета ее уделать. С одного вагона сбил выстрелом замок, открыл дверь. А там, прикиньте, одни девки! То ли венгерки, то ли польки. Забились в вагон и таращатся на меня испуганно. Я им говорю: «Уходите, вы свободны!», а они не понимают. Потом какая-то баба выпрыгнула, обняла меня, и следом за ней остальные как горох посыпались. Зацеловали чуть ли не до смерти. И тут заухало — где-то рядом начали бомбы падать и немецкие «эрликоны» застучали. Вот повезло, так повезло. Пока немцы по перрону метались, я еще пару вагонов открыл, там уже мужики были. И вот тут началось — снайперы с вышек все это дело заметили. Вот это было страшно. Я видел, как беглецам пули головы разбивали вдребезги. Столько народу поубивали, сволочи, что вспоминать не хочется, а забыть не получается. Но большинство все-таки прорвались под шумок. И я с ними. Отбежал подальше в лес и включил радиодетонатор. Так шарахнуло, что просто любо-дорого!

— Слушай, Тога, да ты герой, блин! — сказал я без всякой иронии. — Слышь, Хатч, с нас причитается.

— Это я сейчас герой, а тогда меня колбасило так, что и не расскажешь. Весь в поту был, ноги-руки тряслись. Когда цистерны начали рваться, всю округу осветило. Слышу — со всех сторон

собаки лают. Ну, я и дунул в лес. Бегал до утра, пока из сил не выбился. Забрался в кусты и уснул. Просыпаюсь — надо мной какой-то хмырь стоит и орет дурным голосом. Я ему говорю: «Заткнись, папаша, немцев наведешь», а он голосит и еще с кулаками на меня лезет. Я с ним драться начал, тут и немцы появились. Побили немного руками, ногами и прикладами, обыскали и сюда притащили. Хорошо еще не нашли ничего, взрывчатку я всю использовал, а мешок в лесу надежно так спрятал. Похоже, немцы просто не поняли, что это я состав взорвал, а то шлепнули бы на месте без разговоров. Вот и сижу тут второй день.

— Серьезная история, — я проникся к этому щуплому рыжему пареньку большим уважением: даже если половина из того, что он рассказывает — правда, то уж только за это надо обвешать его с головы до ног всеми существующими орденами. В одиночку пробраться на военную базу и взорвать состав — гм! Я бы не смог. Помню, играл я как-то в один шутер, так меня, пока я дошел до середины игры, раз восемьдесят убили. А тут ведь не игра, настоящая война! Убивают один раз, без сохранения и перезапуска.

— Был тут один офицер, важный очень, а с ним переводчица, — сказал Тога. — Задавали мне вопросы по-английски, а я ни в зуб ногой. Стою и молчу. Я ведь для них англичанин. Потом этот офицер не выдержал, встал, подошел ко мне, приставил «Вальтер» к голове и начал по-своему лаять. Я по тону понял, что он говорит, мол, продырявлю твою башку, английская свинья, если говорить не начнешь. А я молчу, прикиньте, потому что говорить просто-напросто не могу! Ну, он поорал-поорал, убрал пистолет, и они ушли. — Тога вздохнул. — Наверное, меня расстреляют.

— Ладно тебе! — Я играл в бодрячка, но прекрасно понимал, что Тога прав. Да и нам с Хатчем усиленное питание и хорошее обращение не светило. Пуля в затылок и безымянная могилка были куда вероятнее. Хотелось сказать ему что-нибудь утешающее, но тут я внезапно подумал о другом. — Слушайте, мужики, есть тема. Хатч, у тебя когда компьютер заглючил?

— По-нашему, по-земному? Восьмого, где-то под утро. Я точно не помню.

— Стоп, — я понял, что сейчас доберусь до чего-то крайне важного. — У меня восьмого под утро повисла игра. После этого я получил приглашение в «Риэлити». А у тебя, Тога?

— Восьмого, — сержант вопросительно посмотрел на нас, — и тоже ближе к утру. Любопытно. Это явно не совпадение.

— Это значит, — продолжил я развивать захватившую меня

мысль, — что восьмого числа между четырьмя и пятью утра произошел какой-то вселенский компьютерный сбой, после которого мы трое оказались в виртуальной Вселенной. Что это значит? Две вещи — наверняка есть еще люди, попавшие сюда вместе с нами. Резонно? Резонно.

— А вторая вещь?

— Если был один сбой, возможны и новые. И нас будет мотать по этой Вселенной, пока мы из нее не выберемся.

— Ой, как я хочу отсюда выбраться! — вздохнул Хатч. — А уж из этого погреба особенно.

— Есть идея, — я осторожно подошел к люку погреба и начал прислушиваться. Во дворе разговаривали немецкие солдаты. Я слышал разговор урывками, но кое-что было понятно.

— Ну, что они? — шепнул Хатч.

— Тсс! Что-то неразборчивое… А, вот, понял. Говорят, что американцы уже захватили Шербур. Мол, скоро здесь будут.

— Скорее бы!

— Так, что-то про приказ из Берлина. — Я прислушался, потом жестом подозвал к себе Тогу. — Вы пользуетесь большим успехом, сэр. Ваш фейерверк увидели в Берлине.

— В смысле? — не понял Тога.

— Взрыв состава с топливом для ракет надел баааальшой шум. Сюда едет какой-то оберст Баумгартнер из Особого управления вермахта. Вроде как расследовать твои художества.

— Ну и что?

— А то, что тебя до его приезда уж никак не расстреляют. Ты ценный кадр, Тога. А американцы уже в Шербуре. Чуешь?

— Знать бы еще, где этот Шербур. Может, он в тысяче километров отсюда.

— Ну, уж не так далеко. Мы во Франции, а Франция не так уж и велика. Насколько я помню историю второй мировой, боевые действия в 1944 году шли в северных департаментах Франции и в Бельгии. Думаю, мы сейчас или в Нормандии, или в Лотарингии. Так что до Шербура при любом раскладе от нескольких десятков до нескольких сот кэ-мэ. А американцы на колесах, на «виллисах» и «харлеях». Быстро примчатся и нас освободят.

— Если нас до той поры не расстреляют, — мрачно произнес Хатч. — Тога-то им нужен, а мы с тобой, Леха — нет.

— Поживем, увидим. Тсс!

— Что такое?

— Кто-то требует открыть погреб.

Мы едва успели отбежать вовнутрь, к бочкам, когда дверь открылась, и в погреб шагнул вооруженный автоматом фельдфебель.

— Ауф! — заорал немец, заметив, что Тога продолжает сидеть на своем матрасе. Наш товарищ по заключению поднялся на ноги. Я подумал, что немец пришел за ним, но ошибся.

— Ду! — Немец ткнул в меня автоматом. — Марш-марш!

Я понял, что спорить не стоит, глаза у парня были злые, а автомат, без сомнения, был заряжен. Заложив руки за голову, я шагнул к выходу, шепотом деактивировав «Светляк». Придется моим приятелям посидеть в темноте, а вот как долго, зависит от немчуры. Может быть, я их уже больше никогда и не увижу.

Глава двадцать седьмая. Крупный разговор и «Мустанги»

На нашем сайте есть любые фонограммы минус-один.

Даже минусовки речей Сталина и Брежнева.

Забравший меня фельдфебель провел меня через весь двор — я заметил, что расхаживавшие по двору немецкие солдаты смотрят на меня насмешливо. Мы оказались у красивого двухэтажного дома в старинном стиле, и здесь фельдфебель передал меня лощеному офицеру с узким бледным лицом.

— Геен! — велел мне офицер. Интересно, почему немцы так любят разговаривать инфинитивами-императивами?

Я вошел в дом, поднялся на второй этаж — офицер шел за мной по пятам, и я всерьез опасался, что он выстрелит мне в затылок. Но худшего, слава богу, не случилось: меня всего лишь привели в богато обставленный кабинет, полный старинной мебели, книг и картин. За столом сидел тучный лысый и краснолицый человек лет сорока в черной эсэсовской форме, увешанной наградами. А вот рядом с толстяком стояла такая кукла Барби, что я просто на мгновение забыл куда попал. Беленькая стройненькая и глазастенькая немочка была тоже эсэсовкой, и черная форма смотрелась на ней на удивление эротично, тем более что Мисс Ваффен-СС была не в сапогах, а в черных, под цвет форме чулках и в изящных туфлях. Я едва не улыбнулся этой юберменше, но потом сообразил, что вольности тут никак не допустимы. Между прочим я заметил, что на столе перед толстяком рядышком с бутылкой «Камю» лежит «Вальтер». По всей видимости, именно этот важный перец допрашивал Тогу.

— Наме? — буркнул толстяк, с крайним презрением глядя на меня.

— Господин штандартенфюрер спрашивает твое имя, — перевела Барби.

— Ален Делон, — ответил я, твердо решив и дальше изображать идиота. — Я актер, мадмуазель.

— Мне плевать, кто ты такой, — заявил толстяк, а Барби перевела. — Будешь говорить правду, или тебе развязать язык?

— Я действительно актер, — и тут я начал плести свою легенду. Что мы с Хатчем-Азнавуром актеры и снимали в

окрестностях Шербура исторический фильм о Жанне д`Арк. Что нашу съемочную группу разбомбил американский «Либерейтор», и мы с Хатчем чудом уцелели. Потом мы пошли искать своих, так и бродили, не зная, куда идем. Потом какой-то старик сказал нам, что мы рядом с Моравиллем. А потом нас взяли в плен.

Барби переводила, толстяк слушал, и его лицо закисало все больше и больше. А дальше я выслушал его замечание о том, что все лягушатники — проклятые лгуны и пособники англосаксов, и я один из них.

— Господин штандартенфюрер считает, что ты лжешь, — перевела мне немка. — Он думает, что ты англо-американский шпион.

— Мадемуазель, — выдохнул я с трагическим выражением лица, — неужели господин офицер думает, что шпионы будут разгуливать по расположению германской армии с гитарой, двуручным мечом и в такой одежде? Мы просто два бедных актера…

Штандартенфюрер начал говорить. Он говорил о том, что доблестная германская армия вот-вот вышвырнет из рейха паршивых островитян и их американских подпевал, но я этого не увижу. Потому что меня немедленно расстреляют, если я не начну говорить правду. Немка переводила, и мне этот двойной повтор с вариациями на разных языках показался вдруг ужасно забавным.

— Ты грязный ублюдок, и я тебе не верю.

— Господин штандартенфюрер говорит, что не верит тебе.

— Ты получишь пулю в лоб, если не скажешь правду.

— Господин штандартенфюрер требует быть искренним и отвечать правдиво на все вопросы.

— Если не хочешь умереть, говори, кто тебя послал и какое у тебя задание.

— Господин штандартенфюрер спрашивает, с каким заданием ты был сюда заслан.

Разговор явно не получался. Я начал нервничать. Самым добросовестным образом пересказал историю про трагически погибшую съемочную группу. Немка перевела, лицо ее было бесстрастным, как у робота. Толстяк выругался по-немецки, налил себе коньяку, выпил залпом и взял пистолет. У меня сердце ушло в пятки, но эсэсовец сунул его обратно в кобуру.

— Начнем сначала, — сказал он.

Я снова отвечал на его вопросы. Он что, тупой? Или пытается меня подловить? Меня совсем некстати начал разбирать смех, я вспомнил «Историю одного города» Салтыкова-Щедрина и градоначальника Брудастого с органчиком в голове. Но потом

полковник вдруг сменил пластинку.

— Ты говоришь, что ты актер, — сказал он, — но я очень люблю французские фильмы, и многие смотрел. А вот тебя не помню. Не встречалась мне там твоя физиономия.

— Я театральный актер, — на чистом глазу соврал я, — меня впервые пригласили на съемки. Это был такой шанс! Мне обещали заплатить за роль пять тысяч рейхсмарок. Американцы все испортили.

— Какие роли играл в театре? — спросил эсэсовец тоном инквизитора.

— Разные, месье. Последний раз сыграл роль Гамлета.

— А, вот как! — Немец покачал головой. — Тогда исполни для нас что-нибудь. Хочу послушать, как звучит на французском монолог «Быть или не быть».

Опаньки! Вот это был совершенно неожиданный поворот. Я попал на театрала и киномана. Такого я даже ожидать не мог. Нет, я знаю этот монолог, в свое время учил его в школе. Но на английском. А теперь надо выдать его на французском, да так, чтобы эта Барби в черном не поймала меня на лаже.

Ну вот, а я еще считал, что экзамен на кандидатский минимум — это конец света!

Толстяк удобно устроился в кресле, налил себе коньяку, приготовился слушать и смотреть. Я идиотски улыбнулся, отошел от стола и принял позу мыслителя, уперев правый кулак себе в подбородок. Хорошенькая немка смотрела на меня с интересом.

— Быть или не быть — таков вопхос; — начал я, сверля взглядом переводчицу и яростно грассируя. — Что благоходней духом — покояться пхащам и стхелам яхостной судьбы иль, ополчась на мохе смут, сгхазить их противобохством? Умехеть, уснуть — и только, — я сделал паузу, потому что понял, что немка перевела только первое предложение до слова «вопрос».

— Дальше? — полковник посмотрел на переводчику.

— Господин штандартенфюрер, — блондинка опустила свои лазоревые глазки и покрылась румянцем, — я недостаточно хорошо знаю французский язык, чтобы понять, что говорит этот человек.

— Я думал, фройлейн Эльке, что ваш французский безупречен, — сказал толстяк.

— Да, господин штандартенфюрер… в рамках, необходимых для допроса пленных и сбора оперативной информации. Но старофранцузский язык я не знаю.

— Так он что, читает этот монолог на старофранцузском?

— Мне так кажется, господин штандартенфюрер.

— Виноват, — встрял я с самым озабоченным видом, хотя в

ушах у меня пел хор ликующих ангелов, — господину офицеру не понравилась моя игра?

— Вполне пристойно. А что-нибудь на немецком сможешь изобразить?

Это прозвучало, как знаменитая фраза из великого старого фильма: «Так и я могу. А ты вот «Мурку» сбацай!» И я сбацал. Встал по стойке смирно и выпалил стишок, который когда-то давным-давно вычитал в книжке про фашистскую Германию:

Ин Африка ди Нигерляйн
Зи зинген алле гляйх:
Вир волен дойчес Негер зайн,
Вир волен Хайм им Райх!
[В Африке негритята поют в один голос:
Хотим быть немецкими неграми,
Хотим домой в Рейх (искаж. немецк.).]

Физиономия немца сразу просветлела. Он выпил коньяк и несколько раз похлопал в ладоши.

— Гениально, — произнес он. — Приятно сознавать, что великая культура Рейха все-таки пустила корни в ваших головах. Что-нибудь еще почитаете, герр актер?

— Виноват, господин офицер. В нашем театре мы играли на родном языке… на французском, я имел в виду. А вашим языком я, увы, не владею.

— Я это понял по твоему ужасному произношению, — сказал эсэсовский оберст. — Ну, хорошо, ты актер, причем очень посредственный. Но это даже хуже. Если бы ты был англо-американским агентом, я мог бы тебя использовать в наших играх. Но ты никчемный кусок дерьма. Что я должен с тобой делать?

Фройлейн Эльке перевела, и слово «merde»[Дерьмо (франц.).] почему-то совершенно не вязалось с ее кукольным личиком и розовыми губками, с которых слетело.

— Может быть, господин офицер просто отпустит нас с Шарлем? — с неожиданной для себя наглостью осведомился я.

— Увы, мой друг, есть один очень неприятный для тебя момент, — эсэсовец встал, медленно подошел ко мне и к моему ужасу заговорил со мной на чистейшем французском языке. — Я не могу тебя отпустить. Я послушал твой монолог и могу тебе сказать, что более неграмотного французского переложения Шекспира не слышал никогда. Ошибка на ошибке. Ты не француз, хотя и неплохо говоришь по-французски. И не англичанин, у них другое произношение, когда они говорят по-французски. Я

думаю, что ты поляк. Ну что, будем правду говорить, господин шпион?

— Я… — мне показалось, что у меня отнимается язык. — Эээ…

Лицо эсэсовца озарилось злой радостью. Я понял, что мне крышка, и это было очень и очень нехорошее чувство. Это были худшие секунды в моей жизни. И вдруг во дворе неожиданно и оглушительно завыла сирена, а потом в этот вой ворвались глухие частые хлопки выстрелов зенитных установок.

Эсэсовец бросился к окну, выглянул и, обернувшись, крикнул, обращаясь сразу ко всем:

— Алярм!

Несмотря на свои габариты штандартенфюрер выскочил из кабинета с невероятной прытью. Следом за ним на выход кинулась фройляйн Эльке, а офицер с длинным лицом наставил на меня дуло пистолета и знаком велел идти за ними. Я начал спускаться по лестнице, и в этот момент шарахнуло так, что пол дрогнул у меня под ногами, а уши заложило. Длиннолицый офицер бросился вперед, и тут сверкнула вспышка, и меня отшвырнуло назад сильнейшим ударом. Будто во сне я видел, что крыша дома медленно ушла куда-то вбок, и в открывшемся небе пронесся самолет с белыми полосами и звездами на крыльях. Потом стало темно, и я некоторое время был без сознания.

Когда я очнулся, то увидел прямо перед собой аккуратно отрезанную осколком бомбы ниже колена мужскую ногу в отличном сапоге — по-моему, это была нога длиннолицего. Зрелище было малоприятное, а поскольку я получил еще и клинически безупречное сотрясение мозга, то меня начало рвать. Когда тошнота и головокружение прошли, и я смог оглядеться и разобраться в ситуации, оказалось, что от нарядного дома уцелели только стены, и откуда-то ползет густой и едкий дым. Чтобы не задохнуться и не сгореть в начинающемся пожаре я пополз к выходу и сумел выбраться во двор.

Здесь была каша. Вокруг пылали развороченные машины, земля была завалена обломками и битыми стеклами. Меня накрыла волна черного жирного дыма, и я понял, что неминуемо задохнусь, если не прибавлю скорость и не уберусь отсюда как можно быстрее. Первая попытка встать на ноги не удалась, меня снова затошнило, и я опустился на четвереньки. Совсем низко надо мной пронеслись сразу два самолета, ревя двигателями. Я услышал гулкие частые удары — видимо, самолеты били из своих пушек по какой-то невидимой мне цели. Борясь с тошнотой, головокружением и паническим страхом, я двинулся дальше, короткими бросками от одного укрытия до другого. Наконец, я

разглядел ратушу: верхние этажи были разрушены, из окон нижних выбивались языки огня. И я подумал о Хатче и Тоге.

— «Зенит» чемпион! — прохрипел я.

Сознание удивительным образом начало проясняться. Черт, если я в реальном мире, то почему заклинание Главного Квеста меня исцеляет? Что за чертова путаная путаница? Я встал на колени, покрутил головой. Легкое головокружение, ничего больше. Похоже, все не так плохо, как казалось вначале. Я все же смог подняться на ноги и, держась за разбитую технику, добрался до двери погреба. Ключ мне не понадобился, дверь была закрыта на засов, и только. Я отодвинул засов: изнутри повалил серый дым, а потом на свет божий выбрались, кашляя и матерясь, Хатч и Тога. Лица у них были в копоти, глаза лезли из орбит.

— Леха! — прохрипел Хатч, хватая меня за руку. — Леха, живой…

— Валим! — заорал я. — Быстро!

Поддерживая друг друга, будто три алкоголика, мы поплелись к переулку между двумя полуразрушенными домами. Рядом опять что-то ухнуло, земля дрогнула. Едва мы успели углубиться в переулок, как появился еще один самолет и сбросил бомбу прямо на площадь. Во все стороны полетели обломки техники, камни и тонны земли. Если на площади и оставался кто живой, то эта бомба благополучно упокоила всех. К счастью, мы успели отойти довольно далеко.

То, что происходило дальше, я вспоминаю с трудом. Вроде Хатч мне что-то говорил, но я не мог понять ни слова, только махал руками и шел вперед, не разбирая дороги. Голова гудела, в уши будто воды налили. Окружающий мир стал восприниматься лишь через какое-то время. Помню, что я лежал на спине, а Тога лил мне в рот воду. Я закашлялся, потом начал жутко чихать. Следующее воспоминание — мы сидим втроем на корточках в какой-то ложбине, и меня трясет озноб.

— Леха? — Хатч теребит меня за плечо. — Ты как?

— Нормально, — мычу я, пытаясь справиться с дрожью. — Голова только звенит.

— Это контузия, — заявляет Тога. Он сам бледнее привидения, и глаза у него нехорошо блестят. — Надо бы врача найти.

— Нет! — кричу я. — Идем обратно в поля. Надо найти проход обратно, из этого мира в этот… в Саграмор. В Лансан. Нет, в Саграмор.

— Ничего не надо искать, — раздается знакомый голос, и я вижу как в бреду, что из-за кустов выходит Консультант. — Последствия сбоя преодолены, и вы снова можете продолжать

Главный Квест.

Глава двадцать восьмая. Некоторая ясность

Бойтесь данайцев, троянов запускающих…

Аффект. Вот слово, значения которого я не понимал, пока не увидел Консультанта, выходившего из кустов. Наверное, то, что со мной случилось тогда, и было состоянием аффекта. Во всяком случае, мой мат был определенно слышан во всех сопредельных мирах, а Хатч и Тога с трудом удержали меня от смертоубийства, вдвоем повиснув на мне, как обезьяны на баобабе.

— Я понимаю, вы огорчены, — сказал Консультант наблюдая за тем, как я пытаюсь стряхнуть с себя своих сотоварищей и сойтись с ним в рукопашной, — но это не наша вина, честное слово. Произошел непредвиденный сбой системы. Мне очень жаль. От имени всего персонала «Риэлити» приношу вам глубочайшие извинения.

— Извинения! — Я с ревом попер вперед, таща за собой Хатча и Тогу. — Ах, ты, мать твою епэрэсэтэ! Да я тебя сейчас…

— Успокойтесь. Я уполномочен сообщить вам, что все предметы, бывшие у вас до сбоя системы, будут вам немедленно возвращены. А вы переведены на седьмой уровень. Вам присвоен разряд «боевой лох-инструктор». Вы получаете очки в разрядах…

— Очки? Я тебе сейчас покажу очки, волчара позорный! — … и вам предоставляются следующие призы: 400 дукатов, либо композитный бастард (гномская работа, реплика меча подгорийского гвардейца, цена за единицу 500 дукатов, класс оружия 4) повышение реакции — 10 единиц, эффект постоянный, магическая способность — атака направленным ментальным импульсом…

— Слушай, уйди от меня, — сказал я, отчаявшись освободиться из цепких миротворческих объятий моих друзей. — Я отказываюсь играть дальше. Все, шабаш, лавочка закрылась. Пошел ты знаешь куда? Ничего мне не надо. И греби отсюда широко, пока я не взял грех на душу.

— Вам надо выпить, — неожиданно заявил Консультант.

Он полез обратно в кусты и вытащил оттуда объемистый стеклянно звякнувший мешок. Расстелил прямо на травке скатерть, открыл мешок, выудил оттуда бутылку, четыре пластиковых стакана, упаковки с мясной и рыбной нарезкой, буханку черного хлеба и зелень в полиэтиленовом пакете.

— Настоящий «Юрий Долгорукий», — сообщил он, разливая

водку по стаканам. — Давайте снимем стресс, тем более что я сам страшно за вас переволновался.

Странное дело, но я начал понемногу успокаиваться. Мы выпили по одной, потом еще по одной, потом Консультант достал из мешка новую литровку. После четвертой порции я почувствовал, что колбасившая меня дрожь прошла совершенно, и мысли мои потихоньку становятся на место. Водка настроила меня на миролюбивый лад, и недавно пережитый ужас начал казаться просто страшным сном. Лица Хатча и Тоги просветлели, и впервые после пережитой бомбардировки я увидел, что они улыбаются.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Консультант, который на моем лице прочел происходившие со мной изменения.

— Получше, — буркнул я, пережевывая стебель зеленого лука. — Но решение я не изменю. Гейм оува. Отправляйте меня домой.

— Это невозможно.

— Возможно. Я отказываюсь выполнять Главный Квест. Это мое официальное заявление. Считайте, что я вышел из игры, не справился с задачей.

— Все намного серьезнее, чем вы думаете.

— Я не думаю. Я просто окончил игру. Ненавижу компьютерные игры.

— Давайте еще выпьем, — предложил Консультант.

— Наливай! — сказал я, протягивая стакан. Консультант порывался чокнуться со мной, но я демонстративно его проигнорировал и чокнулся только с Хатчем и Тогой.

— Хорошо, придется мне вам кое-что разъяснить, — не выдержал Консультант. — Понимаю, я иду на грубейшее нарушение тайны Главного Квеста, но вижу, что ситуация безвыходная. Так что выслушайте меня, а потом принимайте решение.

— Выслушать? Ну что ж, можно и выслушать. Валяйте.

— Я уже говорил вам о множественности миров. Это реальность. Как правило, эти миры никак не пересекаются друг с другом, и попасть из одного мира в другой при обычных условиях невозможно. Но недавно произошел инцидент, который закончился таким вот проникновением. Это случилось в ночь с седьмое на восьмое июля.

— Ага! — обрадовался я. — А я что говорил?

— Вы действительно угадали. В компьютерные сети попал настолько совершенный вирус, что он изменил соотношение истинной и виртуальной реальности, и все, кто в этот момент находился в виртуальной реальности, оказались в ней на самом

деле.

— Разве такое возможно?

— Нет ничего невозможного, мой друг. Такое действительно случается, правда, крайне редко. Помните «Алису в Зазеркалье» Кэрролла?

— Не представляю себе подобного чуда, — сказал Хатч.

— Интересно, — заметил Тога.

— Когда мы впервые беседовали с вами, Алексей, — продолжал Консультант, — я говорил вам о вашем виртуальном двойнике, который меняет мир, созданный разработчиками игры и искусственным интеллектом вашего компьютера. Попадание вируса, который мы назвали «Клонер», превратило ваших виртуальных двойников в ваши абсолютные реинкарнации, и вы оказались внутри новой реальности. Именно поэтому, Алексей, вы получили наше сообщение, именно поэтому мы встретились с вами, и я предложил вам Главный Квест. В тот момент, когда вы читали мое электронное сообщение на вашем дисплее, вы уже были в виртуальном пространстве — в Зазеркалье, если говорить языком сказки, которую я уже упоминал.

— Шизофрения. Самая та тема для разговоров на пьяную голову.

— Тем не менее, это правда. Произошло исчезновение границ между мирами. С этого момента происходит медленная интеграция миров. Большая Ойкумена разрушается. Вот поэтому вы не можете вернуться обратно в свой мир. Его попросту не существует.

— То есть, как это не существует? — Я похолодел. — Не понял…

— Эффект обратной персонификации, мой друг. Представьте себе, что вы актер и сыграли в кино роль римского легионера по имени… ну, скажем, Марк Туллий Цицерон, жившего в первом веке нашей эры. Вы как бы персонифицировались в этого человека. А теперь представьте себе, что фильм стал объективной реальностью. Будет ли этот самый Марк Цицерон, ваш абсолютный двойник, знать о существовании Алексея Осташова, если он живет за две тысячи лет до вашего рождения? И, конечно же, для Марка Туллия Россия не существует, она станет реальностью только через тысячи лет.

— В самом деле, жутковато как-то.

— Вы создали своего компьютерного двойника в игре, в которую играли. Он ваше виртуальное воплощение, вы сами в иллюзорном мире компьютерной игры. И вот произошел сбой. Что получилось? Ваш двойник стал реальным человеком.

— Так, — я посмотрел на свой пустой стакан и подумал, что

пить мне больше не следует. — Значит, я двойник самого себя, так получается?

— Нет, потому что из-за сбоя, вызванного вирусом, вы оказались в новой реальности собственной персоной. А вот вашего мира больше нет. Он стал иллюзией. Теперь понимаете, почему вы не можете выйти из игры и вернуться обратно?

— Стоп! — Хатч затряс головой. — Это что выходит? России больше нет? И Нововолжска? И моего дома? И моей жены?

— Увы, — сказал Консультант тоном палача. — Для вас теперь существует только одна истинная реальность — тот мир, в котором мы сейчас выпиваем и беседуем о случившемся несчастье.

— Э, нет! — Я шутливо погрозил Консультанту пальцем. — Мы только что свалили из реального 1944 года. По крайней мере, Тога так утверждает, и я ему верю. Это как ты объяснишь, умник?

— А тут и объяснять нечего. Реальный 1944 год и игровой 1944 год тоже поменялись местами. И вы попали в него потому, что границы между мирами теперь стали прозрачны. Подобные провалы возможны, но в свое время вы уже не сможете вернуться, пока не будет устранена причина самого первого сбоя. Еще раз повторяю — вашего мира просто не существует. Больше того, возможны провалы и в те миры, которые не являются для вас единственной верной реальностью. Например, вы можете оказаться на какой-нибудь планете в созвездии Большой Медведицы или при дворе халифа багдадского.

— Слышь, Леха, что он несет? — В глазах Хатча был неподдельный ужас. — Я домой хочу! В свою трехкомнатную приватизированную квартиру на первом этаже! Я еще за нее даже ссуду не до конца выплатил…

— И что же нам теперь делать? — Я понял, что Консультант испугал меня по-настоящему.

— Довести до конца Главный Квест. Устранить причину сбоя.

— То есть, я должен нейтрализовать вирус? Я тебе что, Касперский восьмая версия, что ли?

— Нет, найти того, кто это вирус запустил.

— А, значит этот гребаный хакер тоже тут?

— Конечно. В момент проведенной им атаки он находился в виртуальной реальности, как и вы. Он здесь, и он будет пытаться найти способ выбраться в свой мир. Выполнять свой собственный Главный Квест.

— Ну вот, уже появляется ясность, — я начал успокаиваться, да еще Консультант по новой наполнил наши стаканы. — А причем тут пять артефактов Заламана?

— Притом, что вторженец обязательно будет их разыскивать

вместе с вами. Таково условие Главного Квеста. И в этих поисках вы обязательно должны будете пересечься. Он выполняет свой Главный Квест, вы свой.

— Последний вопрос, Консультант. Меня для Главного Квеста выбрали вы. А этого Вторженца кто выбирал?

— Никто. Он попал сюда непрошеным гостем и действует самостоятельно. Именно поэтому мы не знаем, кто он такой. Вот почему мы не оказываем никакой помощи тем, кто вместе с вами оказался в этом мире: любой из этих людей в принципе может оказаться Вторженцем, — тут Консультант многозначительно посмотрел на Хатча и Тогу, — Вирус, о котором я говорил, был создан им для одной-единственной цели. Он позволял его создателю использовать все бонусы и артефакты, полученные другими участниками одной очень популярной сетевой игры и, соответственно, присваивать себе их результаты. По мере того, как вы будете выполнять наш Главный Квест, этот парень будет все ближе и ближе подбираться к вам, чтобы завладеть артефактами и самому ими воспользоваться. Он неминуемо себя обнаружит. И тогда у нас появится шанс справиться с ним и с теми проблемами, которые он нам всем доставил.

— Понятно. Выходит, что он автоматически получает все то, что мне достается потом и кровью?

— Именно так. Он развивается в процессе игры вместе с вами. Он, можно сказать, ваша тень. Но у него очень большое преимущество — он сам выбрал для себя профиль, поскольку не проходил нашу персонификацию. Он может быть кем угодно. Мужчиной, женщиной, эльфом, троллем, магом, демоном, вампиром, воителем. Он сам определяет свои параметры, навыки и таланты. Это грозный противник, Алексей. И еще: мы не знаем его истинных планов. Пока все, что натворил Вторженец, еще может быть исправлено, но если ваш Главный Квест будет провален, катастрофа неминуема. Система миров будет бесповоротно искажена, и восстановить прежнее состояние станет невозможно. Видите, я был до конца с вами искренен. Надеюсь, теперь вы измените ваше решение.

— Эх, мог бы я проверить, врешь ты или нет! — Я залпом выпил свой стакан. — Ведь знаю, что опять чего-то не договариваешь, темнишь. И что же нам теперь делать?

— Продолжать игру, — сказал Консультант. Странно, но он совсем не выглядел пьяным в отличие от моих друзей. Тога и Хатч явно осоловели. Особенно Тога. Да и я чувствовал, что перебрал лишку. — Это единственный путь, другого варианта просто нет. Если, конечно, вы не хотите навсегда остаться здесь.

— Хорошо, черт с тобой и с твоим Квестом. Все равно

деваться некуда. Играем дальше.

— Я знал, что вы примете верное решение, — просветлел Консультант и поднял стакан. — За успех?

— Я бы на твоем месте так не радовался, чувак, — мрачно сказал я. — Когда я со всем этим покончу, мы с тобой поговорим по душам, обещаю.

— Потом будет потом, так у нас говорят.

— За успех, — я все-таки чокнулся с ним. — Что дальше?

— Вы не выбрали приз.

— Кто-то сказал, что нам будут возвращены все наши манатки. Значит, меч мне вернут.

— Все правильно, — подтвердил Консультант.

— Тогда выберу повышение реакции.

— Я опять нарушу условия Квеста, но на радостях…Берите меч.

— Это почему?

— У вас простая гномская клеймора. Оружие хорошее, но все же недостаточно эффективное. Композитный бастард куда более серьезная вещь.

— Хорошо, послушаюсь и на этот раз, — я попытался сфокусировать взгляд на лице Консультанта. — Ну что, допьем мерзавку?

— По последней, — предупредил Консультант. — Я все-таки на работе…

Глава двадцать девятая. Капрал Кляйнбах

Игрок не может использовать быстрое передвижение, если он парализован.

Этой ночью я спал как убитый, без снов и задних ног. Проснулся я оттого, что восходящее солнце начало светить мне прямо в физиономию. Оглядевшись, я увидел, что лежу в середине скульптурной группы под названием «Три спящих богатыря»: слева от меня посапывал Хатч, справа Тога. Наши вещи были аккуратно сложены у нас в ногах.

Консультант, конечно, изрядный хитрован, но в заботливости ему не откажешь, он хорошо знает, что нужно человеку на следующее утро после крупномасштабного принятия на грудь. В тенечке под деревом я увидел пузатый кувшин литров в пять вместимостью. В кувшине оказался холодный пенный напиток, очень похожий на квас. Напившись, я почувствовал себя до неприличия счастливым.

— Дай мне! — Хатч уже проснулся и теперь просто рвал кувшин у меня из рук. Я услышал шумное бульканье, а потом глубокий вздох грешника, которого в аду на целый день освободили от сидения на сковородке. Подоспевший Тога допил квас, и на этом восстановление здоровья было закончено.

Наши вещи были в полном порядке. Хатч чуть не заплясал от радости, когда увидел, что его гитара цела-целехонька. Я понятия не имел, как Консультанту удалось забрать наши вещи и перетащить их сюда, но это было по большому счету неважно. Вместо подаренной мне Финнваиром клейморы я обнаружил длинный прямой меч с удобной рукоятью и клинком из неизвестного мне черного материала, похожего на стекло. Меч был на удивление легок, а когда я пальцем попробовал заточку, то убедился, что этим клинком можно побриться самому и побрить всякого, кто захочет помериться со мной силами. Неудивительно, что эта штука стоила так дорого. Ножны были красиво отделаны чеканкой и резьбой. Мои зелья, перстни, пергаменты и мешок с деньгами лежали в сумке. Только Тога не получил ничего. Это меня почему-то сильно смутило.

— Не проблема, — откомментировал такую несправедливость Тога. — Мы приходим в свет совершенно нагие и умудряемся за свою жизнь обзавестись кучей барахла. Что мне нужно, я найду и так.

Такая почти даосская философия меня немного удивила, но развивать тему я не стал. Теперь, когда мы выбрались из передряги и получили назад свои вещи, следовало идти дальше. Нас ждал Моравилль, и вот тут я сделал открытие, которое оказалось приятненьким таким сюрпризом.

Я упоминал, что с самого начала моих хождений по этому миру в сумке у меня был чистый пергамент. Проверяя содержимое сумки на этот раз, я увидел, что некогда чистый листок превратился в карту, где были отмечены все места, где я побывал — Мартенек, Мансее, замок Гранстон, Саграмор, дорога к Марене и Эльфийский лес. Это была навигационная карта, и локации появлялись на ней по мере того, как я в них попадал. Кроме того, на карте были отмечены направления на Рокар, Уэссе, Моравилль, Лансан, Коловашию и Хирн — вероятно, в этих местностях мне и предстоит продолжить поиск артефактов Заламана.

— Круто! — обрадовался Хатч, когда я показал ребятам карту. — Теперь хоть тыкаться вслепую не придется.

— А складок пространства все равно надо опасаться, — заметил Тога. — Если такие сбои у них вошли в обыкновение, плохи наши дела. Того и гляди, зашвырнет в какую-нибудь мезозойскую эру. Или в Хиросиму после атомной бомбежки.

— Кто не рискует, Тога, дальше сам знаешь. Судя по плану Моравилль от нас к востоку. Не будем терять времени.

— Момент, — виновато улыбнулся Хатч. — Меня что-то тянет по-большому…

Дождавшись, когда менестрель облегчится, мы двинули через поля на восток и очень скоро выбрались на узкую проселочную дорогу. Места вокруг были красивые, день был ясный, погожий, последствия вчерашней пьянки прошли, и настроение у меня стало понемногу улучшаться. Поскольку парни не были настроены на болтовню, я ушел в свои собственные мысли — длинные пешие прогулки очень располагают к размышлениям.

«Консультант наконец-то объяснил ситуацию. Из-за шалостей какого-то компьютерного гения мир РПГ стал реальностью, а мой мир под названием «Планета Земля, год 2008 от Рождества Христова», превратился в виртуал. В это верится с трудом, но другого объяснения всему, что со мной происходит, просто нет. Итак, представим себе, что все это так и есть. Чтобы вернуть статус-кво некая компания «Риэлити» находит меня, раба Божьего Алексея Осташова. Почему меня? Наверняка есть другие, более искушенные и умелые геймеры, повернутые на компьютерных играх и собаку съевшие на прохождении самых каверзных игрушек. Я, конечно, не ламер, но… Ответ на этот вопрос я пока

не знаю, и потому строить догадки не буду. Важнее другое: от меня ждут результата. Я обязан выполнить Главный Квест. А теперь давай подумаем, что же он из себя представляет. Я должен найти некие артефакты некоего царя Заламана? Или я должен найти Вторженца? Вчера Консультант сказал: «По мере того, как вы будете выполнять свой Главный Квест, этот парень будет подбираться к вам все ближе». Значит, поиск Вторженца это все-таки не Главный Квест. И артефакты — это слишком просто. Не думаю, что восстановление Большой Ойкумены зависит от каких-то пяти предметов, якобы исполняющих желание. Хотя, я могу пожелать вернуться домой, — а это будет мое первое желание, без вопросов, — и все типа встанет на свои места. Нееет, уж очень просто все получается, как в сказке про Цветик-Семицветик. Тут еще и Вторженец нарисовался. Как мне за рюмкой чая говорил Консультант, этот чел тоже выполняет свой Квест. Интересно…

Ломай голову, не ломай, пока у меня есть одна реальная нить — артефакты. С ними до сих пор было связано все то, что я делал. И еще, я знаю, что цацки Заламана ищет маг по имени Шамхур Рискат. И этот Рискат мой потенциальный противник.

Ой, мама дорогая, во что я влип? Монстры, война, эльфы, фашисты, теперь вот еще и хакер, устроивший весь этот переполох. Я мотаюсь по этому миру, одетый как толкиенист, и помощники у меня — такие же попаданцы, как и я. Меня чуть не загрыз ааануб, меня убил Захариус-Шукра, я воскрес, успел переспать с одной очаровательной женщиной, познакомиться с другой, сразиться с зомби, закорешиться с эльфами, войти в контакт с таинственной имперской разведкой, получить по морде от саграморских спецназовцев — мир их праху! — побывать в эльфийском плену в этой реальности и едва не сгинуть под американскими бомбами в настоящем 1944 году. Однако, многовато за неполную неделю. Если так и дальше пойдет, домой я вернусь седым инвалидом с медвежьей болезнью и нервным тиком на оба глаза. И никаких льготных пенсий за такие подвиги мне никто не выпишет. Если еще вернусь…

Но зато у меня теперь есть команда. Менестрель, конечно, не Ван Дамм, но драться умеет, да и его музыкальные таланты могут пригодиться. Тога Казанский пока для меня полная энигма, но по всему видно, что парень он башковитый. И нервы у него стальные, если конечно все, что он нам рассказал о своих подвигах на станции — правда. Вот только на выпивку он слабоват, вчера после второй стопки захмелел конкретно. Ладно, у каждого свои недостатки. Надо к нему присмотреться. И потом, он же наш, российский! Земляк, елки-моталки, а земляков не бросают. Я очень сомневаюсь, что без нас он сумеет отсюда

выбраться.

Итак, команда есть. Нас мало, но мы русские, прорвемся. Как говорил Ося Бендер, заседание продолжается. И, кажется, на горизонте появился Моравилль…» — Пришли! — озвучил Хатч мои мысли и просветлел лицом. — Эти пешие прогулки меня добивают. Сколько мы прошли за сегодня?

— Много. Километров пятнадцать.

— Странно, что них тут нет порталов, — заметил Тога. — Вошел в такой портал, выбрал пункт назначения, и привет, на месте.

— Экий ты мечтатель, — усмехнулся я. — Мы с Хатчем уже в один портал попали, больше не хочется как-то. Радуйтесь, что мы без всяких порталов до жилья добрались и опять не загремели в какой-нибудь Берлин 45-ого года.

— И то кайф, — согласился Хатч. — Бляха медная, хоть пожрать и отдохнуть сможем.

— И помыться, — сказал Тога. — Я вот больше всего хочу в ванну залезть. Интересно, у них тут есть ванны?

— Будет тебе ванна, — сказал я и тут же вспомнил хитовую мему из старого великого фильма. — Будет нам тут и ванна, и кофа, и какава с чаем.

На подступах к Моравиллю нас встретил вооруженный патруль. Воины весьма необычного облика — маленького роста, мне по грудь, но широкоплечие и кряжистые, как борцы, в тяжелых доспехах из темного металла и шлемах, из под забрал которых торчали окладистые бородищи. Завидев нас, они взяли на изготовку свои двойные секиры и двинулись на нас цепью.

— Гномы, — сказал Тога, и я с ним согласился. Драка с этими существами совсем не входила в мои планы: выглядели гномы воинственно, и их было семеро. Так что я с самой любезной улыбкой двинулся им навстречу, держа руки разведенными — интернациональный жест миролюбия должен быть им известен.

— Кто такие? — пробасил командир патруля, подойдя к нам на десяток шагов.

— Странники, — ответил я за всех. — Идем в Моравилль с берега Марены.

— Так вы были на Марене? — осведомился гном. — Что там творится?

— Лансанцы перебили саграморскую армию. Жуткая была драка.

— Ура! — завопил гном, и прочие бородачи подхватили его крик. — Победа! Да здравствует Лансан и Андерланд!

— Лансан и Андерланд! — прокричали гномы, потрясая своими секирами.

— Я сержант Бугго, — заявил гном уже более дружелюбным тоном. — Вы принесли хорошую весть, чужеземцы. Можете проходить в Моравилль. Там явитесь к капитану Никельбокеру, он выпишет вам пропуска в нашу зону ответственности. Ступайте с миром!

— Вы все поняли? — спросил я парней, когда мы отошли от гномского патруля. — Королю Жефруа служат не только эльфы, но и гномы. Интересно.

— А нам-то какая разница? — поморщился Хатч. — Мне уже все эти сказочные существа надоели по самое не могу.

— Лансану они служат, а в Саграморе мы не видели ни одного представителя Старших Рас на службе герцога Альбано. Это может быть важно.

— А я вижу корчму, — сообщил Тога.

Гостиница стояла недалеко от дороги. У дверей местные жители громко и нетрезво общались друг с другом. Увидев нас, они замолкли и уставились на нас бессмысленными взглядами, но ничего не сказали. Мы вошли вовнутрь и увидели, что корчма полна гномов. Бородатые карлики в доспехах и в толстых куртках из воловьей кожи коротали время за пивом, жареной свининой и игрой в кости.

— Кто такие? — гаркнул один из них, направляясь в нашу сторону.

— Путники, — ответил я за всех. — У нас дела в Моравилле.

— Какие еще такие дела? — Гном упер руки в бока, покачался на каблуках. Зрелище было внушительное и жалкое одновременно — парень едва доставал макушкой до моего солнечного сплетения, но при этом имел широченные плечи и кулаки размером с мою голову. — Здесь запретная зона, лох. Закрытый лагерь спецподразделения лансанской армии. Чужаков мы не любим и не жалуем. Может, вы саграморские шпионы?

— Эй, менестрель! — заорали гномы, разглядев у Хатча за спиной гитару. — А ну, изобрази чего-нито! Спой-ка!

— Что делать, Леха? — шепнул мне Хатч.

— Петь. А если надо, то и станцевать. А я пока добазарюсь с этим кексом.

Хатч покорно расчехлил гитару и направился к столам. Я между тем дружелюбно улыбнулся заговорившему со мной гному и сказал:

— Меня пропустил сюда сержант Бугго. Его так обрадовали новости с границы Лансана, что он сразу нам поверил.

— Что за новости?

— Армия Саграмора разбита на Марене.

— Ну? — Гном повернулся к своим. — Слышали, братцы?

Наши наваляли ублюдкам Альбано по первое число! Лансан и Андерланд!

— Лансан и Андерланд! — в восторге подхватили гномы, для пущего шума стуча своими братинами. — Смерть Саграмору! Смерть Альбано!

— Слушай, приятель, а что это вы так не любите Альбано? — спросил я гнома.

— А за что его любить? Сукин сын и сволота последняя. Ты что, не знаешь ничего?

— Я ведь чужак. Лох, как ты говоришь.

— А и верно, забыл! Угостишь пивом?

— Легко, — я подмигнул Тоге, и мы двинули за гномом к стойке бара.

Хатч между тем начал концерт. Настроил гитару, задумался немного, окинул взглядом странное собрание, в котором оказался. А потом запел, придуриваясь, с жутким деланным акцентом и завываниями:

Был я мальтшик маладой,
И в Тирольских шил горах.
Там вечернею порой
Все тирольцы пели так…

А потом Хатч стал выдавать такие йодли, что гномы пришли в настоящий экстаз и начали в десятки глоток ему подпевать. Корчма затряслась от бешеного: «Алари-йо-хо! Алари-йо-хо!» Сев поближе друг к другу, бородачи с кружками в руках начали дружно раскачиваться в такт своему пению — не дать, не взять, Октоберфест где-то в Мюнхене. Когда Хатч закончил свой псевдотирольский хит, гномы застучали кружками по столам, подняли несусветный гвалт, требуя повторить песню.

Был я мальтшик маладой…

— Весело тут у вас! — крикнул я гному, стараясь переорать его собратьев.

— Еще бы! Здесь квартирует 24-ая бригада андерландских кнехтов, лучшая из лучших. Мы и пить, и рубить и веселиться можем лучше всех.

— Это видно, — Я чокнулся с гномом и с Тогой. Пиво оказалось отменным, такого портера я давно не пил. Гном осушил литровую братину одним глотком, вытер губы своей роскошной бородищей. Я сделал трактирщику знак налить ему по новой. —

Бугго сказал, мы можем получить пропуска у капитана Никельбокера.

— Можете то можете, но только капитану сейчас не до вас. У него тут проблемка одна нарисовалась.

— Что за проблемка?

— Непонятки с местным начальством. У смердов стали телята пропадать, вот здешний бургомистр и сказал капитану, что это, небось, наших рук дело. Понятно, что капитан бы настучал этой штафирке по кумполу за такие слова, да нельзя — альянты как-никак. Твое здоровье, лох!

— Твое здоровье, гном, — я наблюдал, как бородач выливает пиво в свою глотку. — Телята, говоришь, пропали?

— Ага. Восемь штук за неделю. То ли волки их дерут, то ли ворье завелось — неизвестно. Короче, местные на нас думают, а нам плевать. Только вот Никельбокер волнуется, что бургомистр на него жалобу в Жуайе напишет, тогда и до короля дойти может. А капитан наш дюже мечтает в эту войну до майора выслужиться.

— Понял, — я потер подбородок и задумался. Кажется, ситуация такова, что я должен выполнить побочный квест. — А где можно найти Никельбокера?

— Он сейчас посты обходит. А так-то постоянно здесь торчит. Погодь маленько, он скоро будет.

— Тебя-то как зовут, друг?

— Кляйнбах. Капрал Дидерих Кляйнбах. А тебя?

— Алекто. Твое здоровье, капрал Дидерих!

— Твое здоровье, Алекто!

— Ты что-то про Альбано говорил, друг. Мол, поганый он человек.

— А то! — Гном жестом потребовал у корчмаря наполнить его братину. — Историю с игрушкой знаешь?

— Это из-за которой братья поссорились? Я слышал, дело вовсе не в игрушке.

— Началось все с эльфийской куклы. Король Лорель был женат на полуэльфийке из очень древнего рода… Эй, трактирщик, у меня кружка пуста! Шевелись, каналья! О чем я говорил?

— О жене короля Лореля.

— Во-во. Красивая была баба, прям картинка. После рождения Альбано она заболела и умерла. Альбано родился хилым и безобразным, а вот старший, Жефруа, статью и красотой пошел в мать. Король, ясен пень, старшего любил больше, а Альбано это бесило. Но не в этом суть. Когда королева выходила замуж, эльфийские фаермеллены, ведуны значицца, подарили ей игрушку — куклу. Кукла эта особенная, очень древняя. Слыхал я,

что на эльфийские священные праздники, то бишь на Альбан-Арфан, Альбан-Эйлер и Альбан-Эффин эта кукла оживает и на целую ночь превращается в живую девушку-красавицу, и девушка эта может прорицать будущее. Когда братья выросли, король Лорель сделал Жефруа своим наследником, а Альбано герцогом Саграморским. Да только Альбано узнал откуда-то, что кукла якобы однажды предсказала, что именно он, Альбано, будет королем Лансана. Правда это, нет ли, но с той поры Альбано люто ненавидит своего брата. Когда эльфы присягнули Жефруа на верность — он, как-никак на четверть эльф, — Альбано начал с ними войну и извел их в Саграморе под корень. А потом и против Лансана начал воевать. Ясен пень, сам мечтает стать королем. Верит в эльфийское предсказание.

— Вот теперь мне кое-что понятно.

— Альбано — сущий дьявол. Ему и черные маги служат, и с имперскими шпионами он вась-вась. — Гном допил пиво и знаком велел наполнить кружку. — А пуще всего он брата ненавидит за его красоту. Жефруа статен и красив, хоть и умом не вышел, а Альбано горбун, да еще и лысый смолоду.

— У вас тут прям война Алой и Белой Розы, приятель. Горбатый Ричард Глостер, и красивый, но глупый Эдуард Английский.

— Чего?

— Да так, ничего. Твое здоровье!

В голове у меня шумело, выпитое пиво настоятельно просилось наружу, бедняга Хатч в двадцатый раз затянул «Был я мальтшик…» под дикий рев восторженных гномов, а Тога, судя по его рассеянному взгляду, явно впал в состояние медитации.

— Ты что? — спросил я его.

— Да так, о своем думаю, — сказал меланхолично Тога и снова ушел в себя.

Между тем дверь в корчму открылась, и вошел еще с десяток гномов. Возглавлял эту группу рыжебородый крепыш с красным панашем на шлеме. Я понял, что это и есть капитан Никельбокер.

— Что за люди? — спросил он подозрительно, подойдя к нам.

— Путешественники, — ответил я. — А ты капитан Никельбокер?

— Ну, я капитан Никельбокер. И что из этого?

— Сержант Бугго сказал нам, что ты можешь выдать нам пропуск за кордоны. Это так?

— Я-то все могу, — гном ударил латной перчаткой по стойке. — Только с чего ты решил, лох, что я дам тебе пропуск?

— Предлагаю сделку. Я разбираюсь с исчезнувшими телятами, а взамен ты даешь мне три пропуска, для меня и моих

друзей.

— Так, — Никельбокер выразительно посмотрел на капрала Дидериха. — Гляжу, ты уже узнал про наши беды.

— И хочу помочь. По рукам?

— Ладно, пошли, поговорим.

Подмигнув Тоге, я поднялся с гномьим капитаном на второй этаж, и Никельбокер впустил меня в свои апартаменты. Забрался на стул и велел мне сесть напротив.

— Про телят тебе Дидерих сказал? — спросил он.

— Он самый, — признался я. — А это что, военная тайна?

— Склока это дерьмовая, вот что. Местные начали тянуть на нас после того, как исчез пятый теленок. Бургомистр меня вызвал и давай песочить. Я, конечно, стал разбираться, но мои ребята твердо сказали, что телят не трогали. Кур да кроликов потихоньку у местных потыривали, но не больше. А потом еще три теленка пропали. Тут бургомистр и вовсе взбесился. Я, говорит, на тебя и на твоих рудокопов сраных в Жуайе жалобу напишу, что вы мародерствуете. Или, говорит, найди того, кто телят уводит, или я на тебя, карлика засратого, думать буду. У меня прям руки чесались ему нос на макушку передвинуть и рот расширить от уха до уха, но я сдержался. Он ведь и впрямь напишет, сикофант вонючий. Понимаешь, о чем я?

— Понимаю. Если напишет, на твоей карьере крест, верно?

— Угу. Король Жефруа очень не любит, когда мирное население обижают. Свою армию он в строгости держит, понимаешь? Если до него дойдут эти разговоры, меня понизят до сержанта — это в лучшем случае. А ребятам жалованье урежут.

— Неприятно, — я почесал подбородок, заросший трехдневной щетиной. — А у тебя есть идеи, кто мог этих телят свести?

Никельбокер внимательно оглядел меня, точно оценивал, можно ли мне доверять. Потом открыл шкатулку у себя на столе и развернул перед моим носом карту Моравилля и его окрестностей.

— Вот, гляди, — начал он, — местные пасут свой скот здесь, здесь и здесь. Все телята пропали вот тут, — и капитан ткнул толстым пальцем в очерченный на карте кружок. — Ведьмин Луг, на север от Моравилля. С запада река, с востока лес. А вот тут старый могильник.

— Ну и с чего бургомистр взял, что это ваших рук дело?

— Наш лагерь находится на северной окраине. — Никельбокер свернул карту. — Короче, слушай меня. Если разберешься, кто и зачем скотину свел и доказательства предъявишь, с меня пропуска и плата за труды, скажем, сто

дукатов. Согласен?

— По рукам. У тебя есть список тех, у кого пропали телята?

— Список у губернатора. Можешь с ним переговорить, он допоздна торчит в мэрии. Ты уж разберись с этим делом.

— Один вопрос, капитан; почему ты сам не хочешь с ним разбираться?

— Честно? — Никельбокер прищурился. — Мне не поверят. Если мы притащим бургомистру телячьи мослы, сукин сын скажет, что мы сами их и съели, а теперь морочим ему голову. Надо, чтобы все сделал сторонний человек — например, ты.

— Логично. — У меня появилось чувство, что я опять наступаю на те же грабли, на которые уже наступил в Мартенеке, когда согласился принести акваголь. Но деваться некуда, пропуска нам нужны, а телята… Да найду я их, что в этом сложного? — Ладно, договорились. Готовь пропуска.

Глава тридцатая. Заброшенный могильник

Вы уверены, что хотите выйти из игры? Поздно!

Хатч и Тога без всякого энтузиазма восприняли мою идею помочь капитану Никельбокеру. Особенно им не понравилось то, что я собираюсь заняться всем этим в одиночку.

— Так не пойдет, Леха! — заявил менестрель. — Мы пойдем с тобой.

— Тебе может понадобиться помощь, — добавил Тога.

— Мужики, я конечно очень ценю вашу поддержку, но один я быстрее справлюсь. К тому же дело пустяковое. Надо всего лишь найти то, что осталось от телят и объяснить бургомистру, что все дело не в гномах, а например в волках. Никельбокеру он не верит, а мне поверит. Поняли?

— А если на волков наткнешься, что тогда? — не унимался Хатч.

— Я не собираюсь идти в лес! Я поищу на лугу, найду вещдоки и покажу их градоначальнику. Я ж не сумасшедший, чтобы ночью шастать по лесу! Мне надо всего-навсего найти пару костей. Доказательство того, что телят съели не гномы, а волки — и все.

— В самом деле, очень простая задачка, — сказал Тога. — Ничего сложного.

— Вот и я говорю, — вздохнул я. — Ладно, отдыхайте, а я пошел к бургомистру.

Ратуша находилась напротив корчмы. В Моравилле, как и во всех средневековых городках все присутственные места — гостиница, кузница, ратуша, церковь и лавки торговцев, — располагались вокруг центральной площади. Я обошел возвышающийся в центре площади памятник в виде воина с мечом, оседлавшего рыкающего льва, и вошел в ратушу.

Бургомистр, сухой и желчный старичок в черной одежде, разговаривал со мной в своем кабинете. Я популярно объяснил градоначальнику, кто я и почему его беспокою. Бургомистра мои объяснения не впечатлили.

— Я понимаю ваши мотивы, юноша, — сказал он мне, — но советую вам не лезть в это дело. Никельбокер плут и мошенник, а его гномы всего лишь наемники. Уверяю вас, вам лучше попробовать получить пропуска у военного коменданта в Лоре, это десять лиг на север отсюда. Бросьте вашу затею и не тратьте

усилий.

— Я дал слово, милсдарь бургомистр, — ответил я, — а мое слово дорогого стоит. Мне нужен список тех, у кого пропали телята.

— Дело ваше, — старик пожал плечами. — Приходите ко мне с НЕОПРОВЕРЖИМЫМИ доказательствами. Уверяю вас, я отличу кости телят, побывавшие в зубах волков, от костей, побывавших в зубах гномов.

— Не сомневайтесь, милсдарь бургомистр. Я найду такие доказательства.

Получив список, я отправился в корчму. Тога и Хатч уже спали, когда я пришел в нашу комнату. Мне не оставалось ничего другого, как присоединиться к ним. Заперев двери на засов, я разлегся на серой пахнущей мышами и пылью постели и только в это мгновение понял, как же я устал. Я не заснул — провалился в забытье, будто в колодец и проснулся только поздним утром, когда солнце было уже высоко. Странно, но мне почему-то показалось, что во сне я видел Вику Караимову, хотя сон я не запомнил совершенно.

Хатч и Тога продолжали спать крепко и сладко, как малые дети. Мне это было на руку. Оставив их досматривать сны, я тихо покинул корчму и пошел по деревне, разыскивая указанных в списке владельцев телят. Крестьяне поначалу наотрез отказывались беседовать с чужаком, но я показывал им новенькую серебряную монету в десять соверенов, и языки мгновенно развязывались. Никельбокер сказал правду — все телята исчезли за одну неделю, причем бесследно. Была еще и одна странность: исчезнувшие телята были одной масти, черные и без пятен на шкуре. Но я пока на этом не заморачивался. Главное я знал — скот пропадал на выпасе, который назывался Ведьмин Луг. Следовательно, там и надо искать следы случившегося.

Съев купленную у пекаря свежую булку и запив ее купленным у торговки кувшинчиком сидра, я отправился на Ведьмин Луг. Миновал гномский лагерь, окруженный деревянным тыном и валами. Пару раз мне встречались гномские патрули, но я ссылался на Никельбокера, и расспросы тут же прекращались. Солнце подошло к зениту, когда я пришел на место.

Луг оказался очень живописным местом. Славное местечко для пикника: рядом речка с чистой водой, тут же лес. Я добросовестно изучил берег реки, особенно в тех местах, где он был истоптан копытами коров и прочей скотины. Следопыт я, конечно, не ахти, но волчьи следы различить могу. Ни одного похожего следа я не нашел — кругом были только отпечатки коровьих и овечьих копыт. Бродя по лугу, я дошел до самой

границы леса. Здесь я тоже ничего интересного не нашел. Помотавшись взад и вперед от леса к реке и обратно с пару часов, я присел передохнуть и обдумать, что делать дальше. А потом я обратил внимание на правильный конический курган как раз между лесом и рекой к северу от меня. Если и там нет никаких следов, то остается только одно — последовать совету бургомистра, вернуться за Хатчем и Тогой и топать в Лоре.

И вот тут я понял, что не все так просто. Неподалеку от кургана я наткнулся на отчетливые следы на мягкой земле. Следы были определенно волчьи или собачьи, но такой величины, что у меня по спине побежали мурашки. Явно не пекинес тут бегал. Следы вели в сторону кургана, и я пошел по ним. Они привели меня к самому кургану, а точнее, к огромной норе в его склоне, почти у самой земли, в которую я мог протиснуться, почти не нагибаясь.

— Нет, Осташов, ты своей смертью не умрешь! — сказал я самому себе и, активировав «Светляк», полез в нору.

Нора оказалась короткой — метров шесть-семь не больше. Выбравшись из нее, я попал внутрь просторной погребальной камеры с четырьмя открытыми саркофагами на пьедесталах. Ага, значит вот он и есть, могильник, о котором говорил Никельбокер. Я заглянул в каждый из саркофагов: они были полны истлевших костей, и ничего ценного я там не обнаружил. В одной из стены камеры я заметил каменную дверь, толкнул ее, и она открылась, впустив меня в новый зал, больше первого. И вот тут я увидел зверя.

Это был самый настоящий волк. Матерый волчара, здоровенный, почти седой. Заметив меня, он сжался в ком, прижал уши и злобно зарычал, сверкнув зелеными огоньками глаз, а потом кинулся на меня. Я успел вытянуть меч из ножен, и волк напоролся прямо на его острие, отскочил с визгом и кинулся вновь. Я встретил его размашистым ударом и сам поразился тому, с какой легкостью композитный клинок разрубил зверя почти пополам. Волк отлетел в сторону, оставляя на каменном полу широкий кровавый след, забился в судорогах и издох.

— Ай да я! — сказал я и с любовью посмотрел на свой меч. — Пора писать охотничьи рассказы.

Моя работа была закончена. Теперь, даже если этот зверь непричастен к исчезновению несчастных коровьих детей, его труп убедит бургомистра, что виновник найден и наказан. И пропуска будут у нас в кармане. Если телки снова начнут исчезать, то мы к тому времени будем уже далеко от Моравилля. Квест выполнен, пора получать награду.

Впрочем, я почти не сомневался, что убитый мной волк и есть

причина проблем капитана Никельбокера. По полу зала были разбросаны свежие коровьи кости, а в углу я увидел медное ботало на веревке. Отличная улика, уж кто-то из владельцев телят его обязательно опознает. Я подобрал ботало, сунул его в сумку, направился к издохшему волку, чтобы отрезать у него хвост — снимать с него шкуру целиком у меня не было никакого желания. И тут меня посетила неожиданная мысль.

Волк находился в закрытом зале. Оглядевшись по сторонам, я не заметил ни одной дыры, в которую зверь мог пролезть на поверхность. Это могло значить лишь одно — волка кто-то выпускал из крипты на свободу. Но вот кто? Волосы шевельнулись у меня на голове, и откуда-то будто повеяло неприятным холодком. Один волк, даже самый расголодный, не мог бы сожрать за неделю восемь телят. Тут есть еще кто-то. Надо бы осмотреться.

Держа меч наготове, я обошел зал и вскоре нашел еще одну дверь, скрытую в глубине погребальной камеры. Она вела в длинный узкий коридор со стенами, облицованными грубой каменной плиткой. Коридор вывел меня на лестницу, уходящую вглубь земли. Я спустился по ней и попал в новый зал, настоящий чертог, выстроенный глубоко под курганом. В центре зала на длинном каменном столе были аккуратно разложены какие-то темные предметы — присмотревшись, я понял, что это говяжьи сердца. Не было сомнений, что это сердца всех восьми исчезнувших телят. Я потянул носом воздух: к запаху пыли явно примешивался запах свежепролитой крови. Между сердцами стояли здоровенные свечи из черного воска, а в глубине зала я заметил несколько закрытых саркофагов.

Любопытство — страшная сила. Мне было жутковато, но еще и чертовски интересно узнать, в чем же здесь дело. Уж больно смахивал стол с коровьими головами на алтарь. Я шагнул было к алтарю, но тут заметил, что пол зала напоминает шахматное поле. Это могло быть ловушкой. Надо поискать другой путь.

Я прошел зал от стены до стены, но обходного маршрута не нашел. Зато мне на глаза попались помещенные в стенные ниши каменные таблички со странными письменами, причем знаки везде были начертаны в одинаковом порядке. Что-то вроде:

Я вглядывался в эти таблички, а потом меня осенило. Блин горелый, как все просто! Надо только вытащить одну из этих табличек — ага, вот так! — и сравнить ее с плитами на полу.

Количество плит и значков в каждом из горизонтальных рядов таблички было одинаковым. Я нашел ключ. Теперь оставалось выяснить, откуда следует считать ряды, сверху или снизу. Я решил для начала попробовать читать снизу, подошел к

шахматному полу, нашел обозначенную на схеме безопасную плиту и нажал на нее мечом. Плита не шелохнулась. Я рискнул наступить на нее и понял, что действую правильно. Дар Ловкой Руки, похоже, действует отлично.

Через пару минут я уже стоял у алтаря. За алтарем в полу оказалась глубокая квадратная яма, и в ней я разглядел останки несчастных телят. Похоже, тут проводился какой-то неведомый обряд. Мне было не до таинственных культов, меня гораздо больше интересовали саркофаги в глубине зала. Я добрался до первого из них, с трудом отодвинул тяжелую резную крышку и вздрогнул. В саркофаге был мертвец, причем очень колоритный. Бледное бескровное и иссохшее лицо покойничка было обрамлено белоснежной гривой, на лбу сверкала золотая диадема, а в костлявых руках с отросшими когтями он держал длинный меч с богатой рукоятью. Но не это было главное: на губах и подбородке обитателя саркофага была свежая кровь. Это открытие заставило меня поежиться. Если кто-то намеренно не мазал мертвяку губы кровью, то тогда…

Я понял, что тут происходило. Волк, которого я убил — сторожевой зверь-слуга. Давил телят и тащил их внутрь склепа, подкармливал своих хозяев-упырей. А я-то, дурак, сунулся в самое логово! Надо сваливать отсюда, пока не…

Поздно!

Мертвяк открыл бесцветные невидящие глаза. Меня будто отбросило от саркофага — так я перепугался. За то время, пока я пытался прийти в себя, кадавр с шипением вылез из саркофага, тараща на меня свои пустые зенки и размахивая мечом.

Я отскочил в сторону, но упырь даже не повернул головы. Это меня ободрило: похоже, мертвяк меня не видит. Между тем монстр повертел головой, принюхиваясь, и поплелся к алтарю — вернее всего, его привлекал запах пролитой крови. Мой страх прошел, и я, подбежав сзади к кадавру, треснул его мечом по шее. Башка слетела с плеч кадавра, будто мяч, а тело повалилось с сухим стуком на пол, подняв тучу пыли. Между тем за мой спиной раздались шорох и бормотание: оглянувшись, я увидел сразу двух упырей, в точности похожих на убитого мной парня, только вооружены они были не мечами, а длинными кинжалами. Этих я распотрошил быстро и без особого труда, они, похоже, даже не поняли, что с ними случилось. Остался последний саркофаг, и спустя несколько мгновений я увидел его обитателя. Точнее, обитательницу.

Она выскочила из своей усыпальницы, будто вылетела, раскинув руки, окруженная бледным свечением. Первые три кадавра были мумиями, эта красотка выглядела совершенно, как

живая — и ее лицо поражало своей красотой. Однако настроена мертвая красавица была совсем не дружелюбно. Глаза у нее пылали в полумраке красными огоньками, а мертвенно-бледное лицо искажала злобная гримаса. Хотя, чего удивляться, я только что прикончил трех ее приятелей.

— Чужак! — зашипела упырица, показав мне длинные острые клыки в пасти и пустив в мою сторону волну тяжелого смрада. — Пришел за камнем? Сдохнешь тут!

— Как бы не так, — сказал я, отступая от рассерженной дамочки к алтарю и держа меч двумя руками, как бейсбольную биту. — Хочешь поболтать, поболтаем, а нет, до свидания. Ты миленькая так-то, но не в моем вкусе.

— Тебе конец, человек! — выпалила тварь и прыгнула на меня.

Я вообще-то неплохо играю в волейбол. Еще в школе я славился своим умением отбивать самые коварные подачи. Наш физрук Павел Игоревич даже пророчил мне великое спортивное будущее. Я обманул его ожидания, выбрал все-таки учебу, а не большой спорт. Но в тот момент, когда вампирша взвилась в воздух в своем нечеловеческом прыжке, моя реакция меня не подвела. Я перехватил ее ударом прямо в полете, и гномий клинок с чавканьем рассек тварь почти пополам. Упырица издала жуткий крик и отлетела в сторону, забрызгав пол черной сукровицей. Несколько секунд я наблюдал, как она с безумным воем бьется на плитах, пытаясь подняться, а потом, выйдя из ступора, подскочил к ней и рубанул сплеча, отсекая ей голову. Вой оборвался, голова с костяным стуком подпрыгнула на полу и покатилась к саркофагам.

— Простите, сударыня, сегодня не ваш день, — сказал я обезглавленному телу, вокруг которого медленно расплывалась черная лужа. — Вы сами напросились. А теперь, с вашего позволения, я вас покину.

— Эй, а как же я!

Голосок был женский, приятный и бархатистый. Я невольно отпрыгнул назад и занес меч, но в зале было пусто.

— Кто здесь? — крикнул я, перехватывая поудобнее рукоять меча.

— Загляни в саркофаг, — ответил мне голосок.

Я с опаской приблизился к той гробнице, из которой на меня выпрыгнула давешняя вампиресса. Заглянул вовнутрь и ахнул — на дне саркофага светился крупный драгоценный камень. Если я что-нибудь понимаю в камнях, то это был алмаз. Величиной эдак с крупное куриное яйцо.

— Ну, чего смотришь? — недовольно спросил голосок. —

Что, не нравлюсь?

— Нет, я все думаю, окончательно ли я рехнулся, или нет, — ответил я. — Это ты говоришь?

— Ты что, говорящих камней никогда не видел?

— Так ты и есть говорящий камень Заламана? — Я почувствовал, что мне не хватает воздуха. — Так, что ли?

— Представь себе. Я бриллиант Эль-Шаба собственной персоной. И не делай идиотское выражение лица, будто не понимаешь, о чем речь. Ты ведь забрался сюда ради меня, верно?

— Вообще-то я телят искал. Пропавших. А сюда залез чисто случайно. — Я с шумом втянул в себя воздух, чтобы успокоиться. — Мать твою тру-ля-ля, третья реликвия!

— Ну и что ты стоишь? — спросил алмаз. — Бери меня и пошли отсюда. Мне до ужаса надоели темнота и холод.

— Ну, раз ты так просишь… Аааааааа!

В первое мгновение мне показалось, что моя правая нога угодила в какой-то капкан. Боль была такая, что я едва не лишился сознания. Когда же я увидел, что случилось, меня буквально затрясло от омерзения. Отрубленная голова вампирши прокусила сапог и вцепилась зубами мне в ногу чуть повыше щиколотки.

Я тряс ногой, колол проклятую голову мечом, а левой рукой ухватил ее за волосы и пытался отодрать от себя. Голова шипела, но челюстей не разжимала. Наконец, мне удалось засунуть ей клинок в рот и разжать бульдожьи челюсти. Отцепив голову, я несколько раз шваркнул ею об угол саркофага так, что брызги полетели во все стороны. Шипение заглохло, и я отшвырнул от себя эту мерзость, будто ядовитую змею.

— Что? Что случилось? — с беспокойством спросил камень. — Ты где?

— Тут я, — простонал я, стягивая с ноги сапог. Крови было немного, но в ноге красовались две дырки, будто от собачьих зубов. — Голова меня цапнула! Ой, мама, как больно!

— Она укусила тебя? — Камень помолчал. — Укус Спящей Королевы-это плохо.

— Да уж ничего хорошего… «Зенит» чемпион!

Боль в ноге утихла, и я немного успокоился. Для пущего эффекта я выпил желтое зелье, найденное у Захариуса. Но камешек решил меня морально добить.

— Теперь ты превратишься в одного из них, — заявил он.

— В одного из них? — Я похолодел.

— Ну да, — простодушно сказал алмаз. — В Бессмертного.

— Да что ты такое говоришь? — Я прекрасно понимал, что камень прав, и от этого мой ужас стал запредельным. — Заткнись,

не каркай!

— Очень жаль. Я думала, ты вытащишь меня отсюда, и я снова буду видеть свет. Но теперь ты утащишь меня в темноту, и я буду лежать во мраке, мечтая о солнце.

— Заткнись, говорю!

— Ты не переживай, — успокоил меня камень. — Ты не поверишь, но многие мечтают превратиться в вампиров. Хотя я не понимаю, что в этом хорошего.

Ошалев от ужаса, я схватил камень и понесся прыжками прямо по шахматному полу, нисколько не думая о ловушках. Что-то грохотало за моей спиной, со свода летели камни, пол под ногами гудел и вибрировал, и все проваливалось в тартарары, но я уже выбрался в коридор, а потом и в склепы. Даже не помню, как я оказался на поверхности, весь в холодном поту, пыли и паутине. Здесь была лунная и звездная ночь. И еще — у входа в могильник меня ждал Консультант.

— Счастлив сообщить вам, мой друг, что вы прошли на восьмой уровень, — сообщил он и протянул мне свиток. — Прошу вас ознакомиться.

— Ничего не надо! — завопил я. — Лекарство! Зелье исцеления от вампиризма! Вот что дайте!

— Боюсь, это невозможно.

— Почему?

— Потому что вы еще не ознакомились с сертификатом о повышении.

Трясущимися руками я развернул пергамент и прочитал:

Вы нашли третий артефакт. Поздравляем! Ваш первоначальный профиль «лох» аннулирован. Вам присвоена квалификация «Вампир-лорд». Вы получаете 25 пунктов здоровья, 25 пунктов полной регенерации, способность «Ночное зрение», способность «Контроль разума», способность «Трансформация». Ваша мана увеличена на 65 пунктов. Теперь Вы можете использовать магические заклинания атаки и обороны 3-его класса эффективности, а также вам присвоены 10 очков опыта в разряде «Зелья и травы».

Ваши новые игровые данные:

ГЕРОЙ — АЛЕКТО

Профиль — вампир-лорд

Раса — человек

Уровень -8

Специализация — вампир-экс-лох.

Особые способности: фехтовальщик, стрелок, Ночное

зрение, Иммунитет 100 %, Регенерация 100 %, Контроль разума, Трансформация.

Дары: Ловкая Рука, Обольщение

Недостатки: фотофобия, аргентофобия, пирофобия.

Здоровье — 140 магия — 80 обаяние — 10 выносливость — 125 боевые навыки — 50 капитал — текущий репутация — текущая опыт — текущий Согласно условиям Главного Квеста Вам предлагаются следующие призы:

Деньги — 1000 дукатов золотом;

Проницательность — +10 к уровню «Новичок магии»;

Снаряжение — набор универсальных отмычек (10 отмычек для различных типов замков, стандартный заказ, стоимость 300 дукатов);

Магические способности — Дар Полиглота.

Напоминаем, что Вы можете выбрать ТОЛЬКО ОДИН приз. Свой приз Вы можете получить в гостинице «Большой индюк» в Лоре в любое удобное Вам время.

Неизменно Ваш Консультант

— В жопу! — крикнул я, отшвырнув свиток. — В жопу отмычки, проницательность и все остальное! Дайте мне лекарство от вампиризма!

— Увы, ничем не могу вам помочь, мой друг, — сказал Консультант. — У нас просто нет такого лекарства.

— Не может быть, — я почувствовал такое отчаяние, что словами не передать. — Это невозможно. Я не хочу, понимаете? Уж лучше быть лохом. Я не хочу становиться вампиром. Да еще и вампиром-лохом.

— Вы им уже стали. Поэтому стали возможны радикальное повышение пунктов здоровья, регенерации и магии. Кроме того, вы получили особые способности…

— Хватит! — завопил я, сжав кулаки. — Я… я прошу вас, дайте мне лекарство. Должен же быть какой-то квест, какая-то возможность.

— Вы не выбрали свой приз.

— Я ничего не хочу выбирать. Я вампир. Зачем мне теперь все это нужно?

— Сочувствую вам, но правила Главного Квеста…

— Хорошо. Я беру отмычки.

— Возьмите лучше Дар Полиглота.

— Мне он ни к чему.

— Ошибаетесь. Очень скоро этот дар вам очень пригодится.

— Чтобы общаться с Бессмертными?

— Вы почти угадали. Вам предстоит путешествие в Коловашию.

— Лекарство! Вы меня что, не слышите?

— Вы торопите события. Вам нужно выбрать…

— Слушай, иди-ка ты на хутор бабочек ловить! Не хочу с тобой разговаривать.

— Вам следует знать, что вы приобрели и что потеряли, став вампиром, — продолжал, как ни в чем не бывало Консультант. — Отныне вы бессмертны. Вас можно убить только расчленением или сожжением. Вы обладаете абсолютным иммунитетом, ночным зрением, возможностью манипулировать сознанием других существ, лечить ранения, готовить зелья из природных составляющих. Вы можете превращаться в животных, бесшумно двигаться и становиться невидимым на несколько секунд. Но, с другой стороны, вы стали ночным существом, и солнечный свет для вас опасен. Также опасность для вас представляют серебро и огонь. Если вы очень близко подойдете к костру, то можете вспыхнуть и сгореть. Вы можете пить кровь людей и других живых существ, но можете и не пить. Однако помните, что отказ от приема живой крови вызовет у вас абстинентный синдром — попросту говоря, похмелье. Кроме того, ваш внешний облик начнет меняться.

— Все, это конец, — я без сил опустился на траву. Голова у меня кружилась, волнами накатывала тошнота, сердце билось, как сумасшедшее. — Уходите, оставьте меня одного.

— Ты так быстро сдаешься? — спросил меня Говорящий камень удивленно.

— Ты опускаешь руки, дорогой? — осведомился хрипловатый и очень знакомый женский голос.

Я вздрогнул, поднял глаза и увидел Марику, стоявшую рядом с Консультантом.

Глава тридцать первая. ReadMe

Внимательно прочтите руководство пользователя перед тем, как сделать все по-своему.

— Твоя истерика прошла, зайка? — Марика подошла ближе и села рядом со мной на корточки. — Теперь поговорим о деле.

— Я вам больше не нужен, — сказал Консультант и мило улыбнулся. — До встречи, Алекто. До встречи, Марика. Приятного вечера.

— Чтоб ты сдох! — бросил я вслед исчезающему во мраке Консультанту.

— Ты грубиян, — сказала Марика и сверкнула в темноте леопардовыми глазами. — Но я рада, что он свалил. Как хорошо побыть вдвоем, правда, милый?

— Вот только тебя еще не хватало для полного счастья. Улыбаешься? Ну, конечно, хрен ли нам! Мы же вампиры от рождения.

— И гордимся этим. У вампиров масса преимуществ, любимый.

— Ага, и кровь круче коньяка «Хеннеси». Оставь меня в покое.

— Не раньше, чем ты прочтешь еще кое-что, — Марика протянула мне запечатанный свиток. — Вообще-то наш уважаемый Консультант — полный засранец. Ему следовало ознакомить тебя с полезной информацией по Главному Квесту перед началом игры. Но это проблема всех игровиков. Они считают, что личный контакт куда важнее чтения бумажек. Ты ведь никогда не читал файл «ReadMe», начиная новую игру?

— Что там у тебя? — Я выхватил у Марики свиток, сломал печать, развернул и прочитал следующее:

ПОДСКАЗКИ ПО ИГРЕ И ПОЛЕЗНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Дорогой игрок Главного Квеста!

Перед началом игры ознакомьтесь с информацией, приведенной ниже:

1. Пользуйтесь картой территории перед началом каждого задания. Она автоматически заполняется по

мере прохождения вами основных локаций и является вечным предметом вашего снаряжения. На ней отмечается маршрут, расположение тайников с инвентарем и зельями и полезные подсказки.

2. Персонажи, с которыми вы встречаетесь в ходе игры, часто могут сообщить вам важную информацию. Старайтесь вступать с ними в беседу. Если персонаж не желает с вами разговаривать, подкупите его или соблазните.

3. Основное оружие по ходу игры приходит в негодность. Пользуйтесь услугами кузнеца или оружейника в активных локациях.

4. Вы можете брать уроки магии или владения оружием у других персонажей. Стоимость уроков зависит от репутации и квалификации персонажа, а также от того, насколько он вам симпатизирует.

5. Вы можете на законных основаниях использовать предметы, зелья, оружие и снаряжение, найденные вами в тайниках, на убитых врагах или обнаруженных мертвецах. Украденные предметы использовать нельзя. Украденные вами магические предметы немедленно лишаются своих магических свойств. Все предметы вашего снаряжения делятся на вечные и расходуемые. Вечными предметами являются карта локаций, предметы, купленные у Консультанта и получаемые вами в качестве призов по итогам прохождения уровней (кроме зелий и денег).

6. Как правило, волшебные существа обладают в разной степени неуязвимостью к обычному оружию. Старайтесь использовать для борьбы с ними боевую магию. Развивайте свои магические способности и повышайте уровень маны.

7. При повышении вашего уровня вы будете встречать противников, обладающих уникальными способностями. Поэтому в игре вне зависимости от вашего желания предусмотрены различные запрограммированные варианты наделения вас соответствующими способностями и навыками для эффективной борьбы с этими противниками.

8. Разумно расходуйте ваши деньги. Не всегда у вас будет возможность пополнить финансы за счет выполнения квестов или из тайников. Вы можете продавать полученные в качестве призов вечные предметы, но при этом должны помнить, что торговцы

никогда не дадут вам исходную цену вашего приза.

9. Начиная с 10-уровня игры, у вас появляется возможность самостоятельно менять свой профиль и игровой статус, вступая в различные сообщества и гильдии.

10. Помните, что персонажи, с которыми вы торгуете или которых пытаетесь подкупить, запрашивают с вас завышенные цены. Не стесняйтесь торговаться и сбивать цены до разумных.

11. В случае заболевания или ранения вы можете лечиться самостоятельно, при помощи зелий или заклинаний, а можете обратиться за помощью к целителям, которые есть в любом городе.

12. В случае вашей гибели наши специалисты по Анастазису трижды возвращают вам жизнь. В случае четвертой гибели при прохождении Главного Квеста вы будете дисквалифицированы ***ПОСМЕРТНО****.*

Удачи!

— Дисквалифицирован посмертно, — пробормотал я. — Это что, серьезно?

— Серьезнее не бывает. Из-за Вторженца игровой мир стал реальным. Значит, и смерть в нем более чем реальна.

— Ты что, решила меня окончательно добить?

— Нет, всего лишь хотела, чтобы ты от и до понял, что можешь и чего не можешь. Ты полез в игру самоуверенно и безоглядно, как полный… лох. Даже не изучил, как следует ее правила. А теперь глянь на пункт седьмой. Прочти его еще раз, внимательно. Все понятно?

— Не совсем.

— Ты идиот, Осташов. Думаешь, ты просто так ввязался в историю с телятами? Во-первых, ты получил Говорящий камень Заламана. А во-вторых, теперь ты сможешь на равных драться с графом Радулеску. У обычного человека нет шансов одолеть высшего вампира. У тебя он появился. Вот почему ты стал вампиром — это было неизбежно. Понял, женишок?

— Ты должна быть с ним помягче, Марика, — сказал Говорящий камень. — Он все еще в шоке.

— У меня только один вопрос, Марика. Я смогу избавиться от вампиризма?

— Не раньше, чем ты покончишь с Радулеску.

— Уф! — Никогда с того момента, как я начал осознавать, что живу, я не испытывал такого счастья и такого облегчения.

Даже не знаю, с чем это сравнить. Наверное, так чувствует себя человек, которому сначала сказали, что у него СПИД, в полной мере насладились полученным эффектом, а потом небрежно так сообщили — нет, не СПИД, простой грипп, ошибочка вышла. — Значит, все-таки излечимо?

— В свое время Радулеску очень интересовал имперских магов. Граф довольно хорошо разбирается в алхимии и практическом чернокнижии. Ходили слухи, что ему удалось создать лекарство от вампиризма. Но…

— Что «но»?

— Никто не знает, как действует это лекарство. Возможны побочные эффекты. Сам Радулеску им не воспользовался, в отличие от тебя он вполне доволен тем, что вампир. Другого и ожидать нельзя, Радулеску вампир от рождения. Другой жизни он просто не знает.

— Зачем он тогда делал лекарство?

— Может, просто экспериментировал. А может, собирался пожить в качестве обычного смертного. Какая нам с тобой разница? Давай поговорим о делах насущных. Мы расшифровали «Аль-Рисалат».

— Погоди, а как же быть с Хатчем и Тогой? Мне ведь придется им объяснить, кто я такой.

— Твои друзья, вот сам с ними и разбирайся. Я пас.

— Спасибо, что не отказала.

— Ты не хочешь узнать, что было в книге Заламана?

— Честно говоря, сейчас я думаю совсем о другом.

— А зря. Ну ладно, коль скоро ты продолжаешь пережевывать свои страдания, поговорим о книге позже. Ночь только началась. Сейчас отправляйся к бургомистру, отдай ему найденные тобой вещдоки и топай к Никельбокеру, забери пропуска. Хатчу и Тоге они пригодятся, да и сто дукатов совсем не лишние. Кстати, у тебя есть деньги?

— Есть. Я еще даже чек не обналичил.

— Отлично. Давай его сюда. Я отправлюсь в Лоре и решу проблему с транспортом. А вы ждите меня в корчме. И запомни, что днем тебе никуда нельзя выходить. Попадешь на солнце, никакой крем для загара не спасет. И мне будет очень больно тебя потерять, дорогой.

* * *

Никельбокер был доволен. Так доволен, что без промедления выписал мне три пропуска в зону ответственности гномов и

добавил к этому кошелек с сотней дукатов. Но меня это почему-то не обрадовало.

А вот Тога с Хатчем сразу заметили, что я не в себе. Я начал рассказывать о том, что со мной случилось, и наблюдал, какое траурное выражение приобретают их физиономии. Напоследок я показал им Говорящий камень, вручил им пропуска и сообщил о Марике.

— Говорящий камень? — спросил Тога, глядя на алмаз. — Тот самый?

— Тот самый, — передразнил его камень. — Непохож?

— Леха, — сказал Хатч тоном, которым выражают глубокое соболезнование. — Леха, ты это… нос не вешай. Мы с тобой, Лех.

— Любопытно, — сказал Тога, глядя на меня, — я как-то задумывался, в чем причины фотофобии вампиров. Считал, что они просто пришельцы из астрального мира и к нашему миру не адаптированы. Но вот никогда не думал, что познакомлюсь с живым вампиром.

— Что, хреновое знакомство? — буркнул я. — Короче, мужики, я вас с собой не тащу. Если уйдете, не обижусь. Я ведь врубаюсь, что вы сейчас думаете.

— Внешне твой вампиризм никак не проявился, — сказал Тога. — Ты такой же, как обычно, только бледный какой-то.

— Скоро проявится. И тогда будет не до шуток.

— Я был бы плохим товарищем, если бы сейчас ушел, — сказал Тога. — И потом, деваться мне все равно некуда. Я с тобой. Держи пять.

Он протянул мне руку, и я ее пожал. Уж не знаю, какой будет толк от Тоги, но парень он добрый. Хороший мужик.

— Лех, ты приляг, отодхни, — сказал Хатч, — а я поиграю что-нибудь.

— Только не марш Шопена, ладно? — Я и в самом деле чувствовал сильную усталость, и часик отдыха мне бы совсем не повредил.

— Я тебе из «Пинк Флойд» поиграю, — предложил Хатч.

И он заиграл тему из «Стены». Хорошо играл, душевно. Я лежал, прикрыв глаза, и старался не думать о том, что со мной случилось. Марика меня все же немного успокоила. Если у Радулеску есть лекарство, я его на британский флаг порву, но лекарство добуду. Короче, не все так безнадежно.

«— Утешай себя, Осташов, утешай! Делай вид, что все хорошо. Скоро тебя потянет кусаться, а потом и гробик для дневного укрепляющего сна придется приобретать. А лекарство — еще неизвестно, подействует оно, или нет. А знаешь, что во всей этой истории самое скверное? С тобой случилось то, чего ты

всегда боялся — ты стал зависим. Зависим от своего вампиризма, от друзей, которые теперь будут тебя опекать. Тебя всегда пугала такая зависимость, Осташов. Боялся — получи. С людьми частенько случается то, чего они боятся. А с другой стороны — что с тобой особенного случилось? Ты просто изменился. Прежнего Лехи нет, родился другой… человек. Ты бессмертен, силен, здоров, и ты лорд-вампир, а не просто какой-то полудохлый упырeныш. И с тобой Марика. Задница у нее — умммм! А мордашка — не то Криста Локен, не то Эмми Ли из «Эванесенс». И она к тебе неровно дышит. Вы будете вместе пить кровь на брудершафт из какой-нибудь невинной девушки, а потом заниматься чем-нибудь очень приятным… Тьфу, какая хрень в башку лезет! Поспать, что ли?» Мысль была хорошая — и последняя, которую я помню. Проснулся я от сильного жжения в руке. От моей левой кисти шел пар: свет солнца, падающий в окно, дошел до кровати и падал прямо на руку. Я вскочил с кровати, закрыл ставни, стараясь не попадать на солнце.

— «Зенит» чемпион! — рявкнул я, глядя на свою обожженную руку.

Краснота и жжение тут же прошли, но меня это не радовало. Я до конца понял, что значит быть вампиром. Когда все нормальные люди тебя ненавидят и боятся. Когда солнце твой враг. Когда любой борец с нечистью мечтает застать тебя во сне и вбить в тебя осиновый кол, и если найдет… Захотелось найти крюк покрепче и веревку — и повеситься. Но приступ отчаяния прошел быстро. Нельзя раскисать, ни в коем случае. Если есть хоть один шанс на миллион избавиться от проклятия, я должен его использовать.

Радулеску. Я просто обязан до него добраться. Иначе солнечный свет навсегда останется для меня смертельным врагом.

Хатча и Тоги в комнате не было. Я напился из кувшина у кровати, вытер рукой рот, попробовал пальцем зубы — не отросли ли у меня клыки? — натянул перчатки, повесил за спину меч и рассовал в сапоги метательные ножи. Кинжал я не снимал даже на ночь. Миг спустя я подумал, насколько нелепо выглядят мои сборы, я же все равно не могу выйти до сумерек из комнаты. Даже тот полумрак, который царил в комнате после того, как я закрыл ставни, раздражал мои глаза.

Я был готов впасть в новый приступ отчаяния, но тут появилась Марика.

— Ты прекрасно выглядишь, дорогой, — заявила она мне. — Как тебе первый день вампирской жизни?

— Марика, я никогда не бил женщин, — сказал я мрачно, —

но я могу изменить своим убеждениям.

— Ладно, не злись. Я тут кое-что придумала. Во-первых, держи остаток денег, — она кинула на кровать мешок с золотом. — Здесь триста дукатов.

— А остальные?

— Я купила фургон и четверку неплохих лошадей в Лоре.

— Зачем нам фургон?

— Поясняю: чтобы ты, милый женишок, мог путешествовать в дневное время. Закрытый фургон защитит тебя от солнца. В самом деле, не в гробу ж тебя возить!

Я не мог не оценить изобретательность Марики. Похоже, она может гордиться не только своими внешними данными, но и своим интеллектом.

— Черт, когда ты успела?

— У меня были сутки. Пока ты дрых без задних ног, я трудилась, как пчелка. Сказал бы спасибо, компаньон.

— Это я что, целые сутки проспал?

— Именно. Я велела твоим приятелям тебя не будить. Так как насчет спасибо?

— Извини. Я все еще никак не приду в себя. Спасибо тебе большое, — я подошел к Марике и поцеловал ее в щеку. Девушка хмыкнула.

— Хорошо, что не в лобик, как покойника, — заявила она. — Короче, ждем до сумерек и едем отсюда.

— А где Хатч и Тога?

— Занимаются фургоном. Кстати, как они отреагировали на твои проблемы?

— По-русски. Сказали, что не бросят меня.

— Похвально. Я пока не знаю, на что они оба нам нужны, но их поступок вызывает уважение. Ты не голоден?

— Нет, — меня пробрал мороз по коже не столько от слов Марики, сколько от выражения ее лица. — Что ты имеешь в виду?

— Тут в соседней комнате остановился купец с молодой любовницей. Купца сейчас нет, а девчонка на месте. Я могла бы ее усыпить для тебя.

— Ни за что! — Меня аж затошнило. — Лучше с голоду сдохну.

— Мое дело предложить. А я, пожалуй, перекушу, — Марика направилась к двери. — Не волнуйся, потеря пары стаканов крови этой девочке не повредит. Маленькое кровопускание даже полезно для здоровья. К тому же укус вампироморфа безвреден. В отличие от твоего укуса, дорогой. Но я вижу, что тебе жаль малютку, и хочу сделать тебе приятное. Среди постояльцев есть один менестрель, и он пригласил меня в свои покои на бокал

вина. Нанесу ему визит, а уж после навещу девчонку.

Она еще раз ослепительно улыбнулась и вышла походкой топ-модели. Я забегал по комнате, яростно жестикулируя и выкрикивая ругательства. Я был ужасно зол — на Марику, на себя, на идиотов, придумавших «запрограммированные варианты наделения соответствующими способностями и навыками». Только какое-то время спустя я понял, что мое самоедство ничего не даст.

Спокойствие, Осташов, только спокойствие. Игра только началась. Мы еще будем пить шампанское.

Еще никогда я не ждал с таким нетерпением заката солнца. Когда оно начало садиться, я ощутил невозможную радость. А потом вернулись Тога и Хатч. От обоих крепко пахло маслом, а руки у них были в краске.

— Живем, Леха! — сообщил мне Хатч. — Марика пригнала фургон, а мы с Тогой его замордовали — полный отпад!

— Что значит замордовали?

— Разрисовали сверху донизу. Увидишь — ахнешь. Знаешь, какой Тога классный художник?

— Ничего классного, — скромно сказал наш казанский друг. — Просто немного рисую.

— Теперь у нас есть транспорт, и солнышко тебе не страшно, — сказал Хатч. — А главное, нам не придется делать марш-броски. А где Марика?

— Ужинает, — сказал я таким тоном, что Хатч перестал улыбаться. — Думаю, сейчас она покончила с основным блюдом и принялась за десерт.

Глава тридцать вторая. Желтый фургон

Пожалел денег на лошадь и четыре уровня ездил на кентавре. Зато всегда было, с кем поболтать в дороге.

Фургон поджидал нас на заднем дворе гостиницы — здоровенный такой деревянный ящик на колесах и с дверью, запряженный четверкой неплохих вороных лошадей. При моем приближении лошади начали фыркать и пятиться, и я понял, что вызываю страх не только у людей. Но фургон был славный, ничего не могу сказать плохого. Что-то вроде мини-вагончика для вахтовиков. Стараниями Тоги и Хатча фургон был превращен в настоящее произведение искусства. Для начала они выкрасили его ярко-желтой краской, а поверх этого веселенького фона Тога (он был во всем этом проекте ведущим дизайнером) нарисовал все, что приходило ему в голову — от Винни-Пуха и покемонов до Мерилин Монро. Нарисовал отменно — у него действительно большие способности к живописи. Только вот рисунки были выполнены ядовито-зеленой и малиновой краской: похоже, красок другого цвета в лавках Моравилля не нашлось. Короче, Энди Уорхол оценил бы этот передвижной кошмар. На бортах фургона красовалась сделанная готическим шрифтом надпись ***«The Sergeant Pepper`s Lonely Hearts Club Band».*** Нисколько не сомневаюсь, что это была идея Хатча. По любому, парни поработали на славу: сработать за один календарный день такое произведение поп-арта не каждому по силам.

— Ну, как? — Хатч явно хотел услышать от меня слова одобрения. — Круто?

— Не то слово. Одно плохо: такой рыдван будет привлекать слишком много внимания.

— Зато прикольно, — возразил Хатч. — И никому не придет в голову, что в этом веселеньком и легкомысленном дилижансе может быть вампир. Маскировка!

— В самом деле, — пробормотал я, обходя фургон. — Подбор цветов у вас получился самый что ни на есть кислотный.

— Не будем терять времени, — сказала Марика. — Едем!

Править лошадьми вызвался Тога. Хатч предпочел занять место рядом с ним на козлах: я подозреваю, что он немного побаивался оказаться внутри фургона в нашей с Марикой компании. Марика первой забралась внутрь и приглашающе помахала мне рукой. Свет нам был не нужен, мы оба прекрасно видели в темноте. Внутри фургона оказалось довольно уютно: стены были обиты тканью, вдоль бортов располагались две широкие лавки с тюфяками. В дорожном сундучке Марика

припасла кое-какую еду и несколько бутылок местного белого вина.

— Прямо лимузин, — пошутил я. — Ты постаралась?

— Реально я. Нравится? На ближайшую неделю этот фургон станет твоим домом.

— Неделю?

— До Коловашии примерно четыре дня пути верхом. На этой колымаге мы будем двигаться медленнее. Нам предстоит проехать весь Лансан с запада на восток.

— Тога не знает, куда ехать.

— Знает. Я набросала ему карту. Лошади его сразу признали. Меня они боятся.

— Меня тоже. — Я растянулся на лавке: постель оказалась жестковатой, но вполне сносной. — И что теперь?

— В путь, — Марика постучала затянутым в перчатку кулаком в стенку фургона. Я почувствовал толчок, и наша кислотная карета покатила со двора.

— Что мне надо будет сделать в Коловашии? — спросил я, понимая, что пора, наконец, поговорить серьезно и обстоятельно о моих делах. — Убить Радулеску?

— Давай я обрисую тебе ситуацию, — Марика забралась на лавку напротив, поджав под себя ноги. — Ты знаешь, что я работаю на имперских боевых магов. Я их агент. И я в курсе последних планов Мастера и его подчиненных. Император Эльдаред Собиратель Земель уже давно пытается покончить с Радулеску. Коловашия когда-то входила в состав империи, но потом отделилась в результате гражданской войны в империи — как, впрочем, Лансан, Рокар, Саграмор, Уэссе, Авернуа, Хирн и прочие карликовые государства, расположившиеся на наших границах. Их правители зависят от империи и достаточно к нам лояльны. Исключение — Коловашия. Мастер получил от самого императора приказ разобраться с Радулеску.

— И мы с тобой собираемся устроить в Коловашии государственный переворот, — усмехнулся. — Свергнем Радулеску. Не слишком ли непосильная задача для нашей маленькой компании?

— Это как посмотреть. Придется постараться, если мы хотим выполнить приказ Мастера, а заодно заполучить четвертый артефакт — Слово Создателя.

— Так он у Радулеску?

— Именно, — Марика сверкнула глазами. — Я уже говорила тебе, что нашим криптографам удалось расшифровать «Аль-Рисалат». В нем говорится о двух реликвиях Заламана — говорящем камне Эль-Шабе и Слове Создателя. Когда-то давным-

давно Заламан был правителем маленького захудалого царства к югу от империи, как раз на границе Альбарабии. Но Заламан был мудр и набожен, и высшие силы даровали ему пять великих добродетелей: Мужество, Мудрость, Чистоту помыслов, Печать Таланта и Печать Знания. Эти добродетели были воплощены в реликвии, полученные от высших сил. «Аль-Рисалат» был первой полученной Заламаном реликвией, Книгой Мудрости. Медальон, который ты нашел в пещере, наделял Заламана мужеством, а камень Эль-Шаба давал чистоту помыслов. «Аль-Рисалат» также содержит пророчество, согласно которому наступят времена, когда реликвии будут рассеяны по миру и станут добычей темных сил. Тот, кто снова соберет их вместе и вернет Бессмертным, получит от высших сил величайший дар — Исполнение Желаний.

— Откуда вы знаете, что Слово Создателя у Радулеску?

— После того, как Заламан получил реликвии, он изменился. В этом виновата любовь. Да-да, не смейся. Он заключил династический брак с эльфийской королевой Нуир-Эгатэ, правительницей Тир-на-Айонны, одного из шести эльфийских королевств Эпохи Шестицарствия. Нуир-Эгатэ была могущественной колдуньей. В качестве свадебного подарка Заламан, нарушив волю Бессмертных, преподнес ей камень Эль-Шаба. Ответным подарком эльфийки стала волшебная кукла Меаль, точная копия самой Нуир-Эгатэ, умевшая прорицать.

— Та самая кукла, из-за которой поссорились Жефруа и Альбано?

— Возможно. По преданию Заламан и Нуир-Эгатэ очень любили друг друга, но была одна неприятная вещь — эльфы живут гораздо дольше людей. Заламан старел, а его жена-эльфийка оставалась юной и прекрасной. Заламан искал Эликсир молодости и здоровья. Мы не знаем, как и когда он стакнулся с вампирами, но пришел день, когда Заламан стал одним из них, и его жена-эльфийка тоже стала вампирицей. Пророчество сбылось: реликвии оказались в руках темных сил.

— И что было дальше?

— Ничего. Собственный сын Заламана заручился поддержкой некромансеров и поднял против него мятеж. Он убил отца, а Нуир-Эгатэ приказал замуровать в сердце горы вместе с тремя ее братьями, убитыми в дни мятежа. Говорят, принц якобы предлагал Нуир-Эгатэ стать его женой, но эльфийка отказалась и предпочла вечное заточение в склепе браку с сыном Заламана. Про камень Эль-Шаба принц-отцеубийца ничего не знал. Королева унесла его с собой в могилу.

— И я долгие века пролежала в склепе вместе с вампирами, — подал голос Говорящий камень.

— А в чем ценность этого камня, Марика? — спросил я, вытащив из мошны алмаз и разглядывая его.

— Он мерило Чистоты помыслов. Если человек, обладающий камнем, лжет, кривит душой, лицемерит, плетет козни, камень будет свидетельствовать против него. Он олицетворение Совести.

— По-твоему, такая мобильная Совесть нужна? — Я усмехнулся. — Засунуть его куда подальше и не слушать обличительных речей.

— Попробуй, Осташов. Большинство людей никогда и ни за что не расстанутся с таким сокровищем. Продать его, выбросить, подарить. Это ведь бриллиант. Самый крупный в нашем мире. Подаришь мне его, Осташов?

— Возьми, — я сунул Марике камень. Но она не взяла его и только рассмеялась.

— Вот теперь ты и сам понимаешь, почему Мастер остановил на тебе твой выбор, — сказала она. — Ты уникален. Твое бескорыстие — это бескорыстие идиота, уж прости за прямоту. Таких людей единицы. Меня не удивляет, что камень попал в твои руки. Он обладает свободой выбора.

— Странно, что такой камень мог понадобиться вампирам.

— Вампиры такие же люди, и алчность им не чужда.

— А причем тут Радулеску?

— Четвертую реликвию, Слово Создателя, Заламан отдал вампирам в уплату за вечные жизнь и молодость.

— И он, в конце концов, оказался у этого парня из Коловашии. Теперь понятно.

— Радулеску последний высший вампир от рождения. И последний потомок тех, кто в свое время наделил Заламана бессмертием. Вампиры очень бережно относятся к своим магическим артефактам, и Слово Создателя наверняка хранится сейчас в замке Чоп, в Коловашии.

— Так, а пятая реликвия?

— Круглый ключ, дарующий великое Знание. Он бесследно исчез еще в древности. Мы не знаем, где он. Это может знать только один человек. Шамхур Рискат.

— Вот теперь все встало на свои места. Кроме одного-единственного момента.

— Какого, дорогой?

— Почему Мастер послал нас на Марену, к капитану Уолласу.

— Вот этого я не знаю.

— А я знаю. Отряд Уолласа был уничтожен эльфами. Уцелели только мы с Хатчем, да и то благодаря мечу, подаренному мне эльфом в Саграморе. Мастер хотел избавиться от нас, я так считаю.

— Ты ошибаешься. Если бы Мастер хотел твоей смерти, он бы уничтожил тебя в момент. И чья-то помощь ему не понадобилась бы. Он слишком могущественный маг.

— Ладно, поверю тебе — пока. Но когда я встречусь с Мастером, то задам ему этот же вопрос.

— Куда ты? — спросила Марика, увидев, что я собираюсь открыть дверь.

— Хочу подышать свежим воздухом. Надоело сидеть в коробке. Я возьму пару бутылок вина?

На улице была ночь. Я окликнул Тогу, и он остановил фургон. Устроившись между ребятами на козлах, я почувствовал себя более комфортно, чем в обществе Марики. Заговоры, разведка, чудеса, реликвии, задания, эльфы, маги, артефакты — все это мне ужасно надоело. Хотелось просто поболтать о всяких пустяках. Побыть с людьми из моего мира. Тем более, что небо надо головой было просто удивительное — бездонно-черное, все усыпанное яркими звездами. Я подумал, что уже много лет не видел такого неба. В последний раз я видел его на Кавказе, много лет назад, когда мы с ребятами с нашего курса поехали отдыхать в Приэльбрусье. С тех пор я, увы, подзабыл, как выглядит чистое звездное небо. Или я просто не стремился его увидеть, не поднимал глаза к звездам?

— Слышь, Хатч, — сказал я менестрелю, — а давай зажжем что-нибудь из Макара! Давай «Поворот».

Наш фургон ехал по проселочной дороге под звездами, вокруг нас был чужой незнакомый мир, а мы пили из горлышка прекрасное вино, в три глотки распевали во всю Ивановскую старую отличную песню, и от этого пения на душе становилось тепло и здорово. Даже кони под наше пение, казалось, идут быстрее, и еще никогда слова знаменитого хита «Машины времени» так не совпадали с моими мыслями и моим настроениям:

И уж если откровенно
Всех пугают перемены,
Но тут уж все равно…

Желтый фургон катил дальше, мы допели «Поворот», затянули «Скачки», потом «Старый рок-н-ролл», «За тех, кто в море», «Если бы мы были взрослей» и спели еще кучу песен. С Макаревича перешли на Гребенщикова, потом на Шевчука, потом на Высоцкого, Митяева, даже из «Битлов» с десяток песен вспомнили. Время летело, и я вернулся к реальности только, когда Тога внезапно сказал мне:

— Светает, Леха.

В самом деле, небо стало сереть. Тога остановил фургон, и я пошел прятаться от солнца. Влез внутрь фургона — и замер.

Марика лежала на своей лавке, вытянув ноги и заложив руки за голову. Свой рокерский прикид она сбросила, осталась, в чем мать родила. Зрелище было потрясающее, тем более что в силу какого-то неизвестного мне волшебства ее тело будто окружала белая светящаяся дымка. Конечно, мадам Франсуаз очаровательна и сложена очень хорошо, но Марика была просто совершенством и буквально излучала прямо-таки инфернальную сексуальность.

— Подышал воздухом? — промурлыкала она, даже не пытаясь скрыть от меня все свои прелести. — Бросил меня одну, да?

— Я-а-а-а-а! — проблеял я. — У-у-у-у-у!

— Иди сюда, женишок, — сказала она, протянув мне руку. — У всех влюбленных бывает первая брачная ночь. А у нас будет первый брачный день.

Это было предложение по всей форме. И я его принял.

Глава тридцать третья. Операция «Чоп-пойнт»

Добавлено задание: Замок с вампирами.

Путешествие заняло действительно неделю. За это время мы только один раз заехали в населенное место — это и был городок Лоре, где я побывал в корчме «Большой индюк» и активировал мой приз, Дар Полиглота. Ночью я тусовался с ребятами, а днем мы вчетвером отсыпались, пристроив фургончик в какой-нибудь рощице — Тога и Хатч на свежем воздухе, а мы с Марикой в фургончике. Мои друзья сами перешли на ночной образ жизни, как вампиры, и я им был за это благодарен — по ночам я не чувствовал себя одиноким. Впрочем, днем я тоже не был один, со мной была Марика. Она довольно часто отлучалась по одной ей известным делам, и тогда я отдыхал и от любви тоже. Строго говоря, наши с Марикой отношения никак нельзя было назвать любовью в полном смысле слова. О совместном будущем она не заговаривала, ничего от меня не требовала. Секс был для нее, казалось, такой же частью нашей совместной работы, как и разговоры о будущей операции в Коловашии. И еще я заметил, что она старается сменить тему, если я начинал говорить ей о любви.

— Она тебе не верит, — сказал как-то мне Говорящий камень (Марика как раз была в отлучке). — Считает, что ты ее не любишь, только притворяешься.

— Вот тебе на! — Я удивился. — Зачем же она тогда занимается со мной любовью?

— Она думает, что тебе это сейчас необходимо. Своеобразный курс психологической реабилитации.

— Послушай, а она меня любит?

— Пожалуй, да, — после короткого раздумья ответствовал камень. — Я чувствую, что она испытывает к тебе нечто большее, чем простое расположение. И ей нравится заниматься с тобой сексом. Она любит, когда ты шепчешь ей всякие глупости и восторгаешься ее красотой. Наверное, ей этого никто никогда не говорил.

— Такой-то девушке? Ты что-то путаешь, стекляшка.

— Ничего я не путаю, — обиделась Эль-Шаба. — Ты не понимаешь главного, хозяин. Марика — искусственное существо.

Вампироморф. Ее создали при помощи магической биоинженерии. Никто никогда не относился к ней, как к человеку. Ты первый. И ты, похоже, сумел разбудить в ней женщину. Теперь, когда между вами такие близкие отношения, она боится, что тебе надоест.

— Глупости! Она очаровательна. Есть в ней что-то демоническое, конечно, но зато какие у нее формы!

— Ох, мужчины, мужчины? Когда вы начнете ценить в женщинах не задницы, а души?

— Никогда, — сказал я уверенно. — И тебе этого не понять.

— Куда уж мне! — с иронией сказала Эль-Шаба. — Ладно, потом договорим. Я чувствую, что Марика где-то рядом.

Моя красавица и в самом деле появилась через пару секунд. Влезла в фургон, подставила губы для поцелуя и сообщила, что сегодня около полуночи мы будем на границе с Коловашией.

— Ты что, пирсинг сделала? — спросил я, заметив у нее в правой ноздре маленькое золотое колечко.

— Тебе не нравится?

— Нормально. Я вообще-то не любитель пирсинга, но тебе идет.

— Я еще в паре мест начала носить пирсинг, — заулыбалась Марика. — Хочешь посмотреть?

— Еще как!

Мы разделись, и я с удовольствием начал искать на восхитительном теле Марики свеженавешанный пирсинг. Это занятие так возбудило нас обоих, что мы тут же перешли к более привычным способам выразить глубокую взаимную симпатию. А потом, когда мы оба решили немного передохнуть, я спросил ее, почему она свободно ходит днем, не боясь солнца.

— Я вампироморф, — ответила она. — Что-то среднее между человеком, вампиром, животным и низшим демоном. Мои создатели попытались взять у каждого существа, использованного для моего создания, все его достоинства и убрать все недостатки. Я не только выношу солнечный свет. Например, мне не страшно серебро. И у меня почти стопроцентная устойчивость к боевой магии всех уровней, кроме первого. В каком-то смысле я совершенство. У меня есть только один недостаток — я бесплодна.

— Целуешься ты как настоящая девушка, — я пропустил мимо ушей последнюю фразу Марики.

— Ах, дорогой, я и есть девушка. Особенно когда чувствую твои прикосновения и поцелуи.

— А я тебе нравлюсь?

— Милый, я влюбилась в тебя еще в замке Гранстон. Правда,

ты тогда воротил от меня рожу и целовал меня так, будто жабу в зад целуешь, но я тебя понимаю. Куршавель и в самом деле была страшненькая. Я очень старалась не привлекать к себе внимания.

— Как тебе это удается? Я имею в виду — чары?

— Одна из способностей вампира. Между прочим, ты тоже обладаешь этой способностью. Например, можешь влюбить в себя любую женщину. Увести ее от мужа. Попробуй как-нибудь.

— Мне нужна только ты.

— Лжец! Тебе нужно это, — она вытянула свою великолепную стройную ногу, — и это, — и тут она погладила себя по восхитительному бюсту. — А вот это, — Марика постучала себя пальцем по лбу, — тебе ни к чему.

— Не хочу спорить с тобой, когда ты начинаешь говорить глупости.

— Ну что ж, тогда одеваемся.

Меня покоробил такой цинизм. Первый раз я встретил девушку, пусть даже и мутанта, которая так себя ведет.

— Давай о деле, Осташов, — сказала Марика, застегивая свою куртку. — Завтра мы будем в Колошарах, так называется столица Коловашии. Замок Чоп расположен от нее в нескольких милях к северу. В Колошарах полно агентов Радулеску, и они тут же сообщат графу о вашем появлении. Поэтому нужно действовать быстро.

— Я готов, — ответил я, не совсем понимая, куда она клонит.

— Сейчас я вас покину. Тога уже получил указания, куда ехать. Встретимся завтра в условленном месте. Там и разберемся с планом действий. Ты должен хорошенько отдохнуть.

— Ты меня бросаешь?

Марика только печально махнула рукой и покинула фургон. Я остался один.

— Не давай ей надежду, если не любишь ее, — предупредила меня Эль-Шаба. — Иначе ты просто разобьешь ей сердце.

— Вампир разобьет сердце вампироморфа, — я покачал головой. — Никогда не слышал ничего более идиотского.

* * *

Остаток дня я отсыпался в фургоне, а с наступлением темноты выбрался наружу. Мы ехали вдоль красивой речной долины по широкой проселочной дороге. Ярко светила луна. Хатч рассказывал нам анекдоты, и мы с Тогой ржали до упаду. А потом впереди показались какие-то огни, и Тога сказал:

— Ого! А вот и застава.

Мы подъехали к кучке покрытых соломенными крышами строений, возле которых расхаживали люди в кожаных доспехах и с алебардами в руках. Один из них подошел к фургону.

— Кто такие и куда едете? — осведомился он.

По лицам Хатча и Тоги я догадался, что они не понимают солдата. Самое время применить на практике Дар Полиглота.

— Мы лансанцы, офицер, — сказал я. — Бродячие артисты. Хотим дать представление в Колошарах.

— Я по вашему дурдому на колесах вижу, что вы артисты. За въезд в Коловашию положена плата, — сказал военный. — Тридцать дукатов с человека.

— Хорошо, — я развязал мошну и отсчитал сто дукатов. Пошлина была безбожно высокой, но с властью не спорят. Мой кошелек после этого кровопускания совсем сморщился. — Пусть будет так. Держи и дай нам проехать.

— Держитесь подальше от замка Чоп, — предупредил офицер, пересчитав деньги. — Его светлость граф Радулеску не любит чужаков. Мне, конечно, плевать, что с вами будет, просто я это всем приезжим говорю.

— Его светлость… — Я запнулся и с трудом отвел взгляд от солдата. Что-то навалилось на меня. Это было новое чувство, которое я никогда не испытывал раньше. Во-первых, я услышал стук его сердца. Во-вторых, я почувствовал запах его крови.

И мне непреодолимо захотелось его укусить. Ощутить на языке соленый металлический вкус красной влаги, полной жизни и пьянящей, как самое лучшее и дорогое вино.

— Что с тобой? — испуганно шепнул Хатч, который заметил, что со мной что-то не так.

— Ничего, просто затошнило что-то… Хорошо, офицер, — я вдруг понял, что мой голос как-то странно изменился. — Мы учтем.

— Нннооо! — крикнул Тога, и наш фургон вкатился на территорию суверенной Коловашии. Я стянул с руки перчатку, засунул палец в рот и похолодел.

— У меня выросли клыки, — дрожащим голосом сказал я, глядя на Хатча.

— Этого и следовало ожидать, — отозвался Тога, глянув на меня. — Смотрится жутковато.

— И этот офицер, — я вытер со лба выступивший пот, — я хотел его укусить.

— Ну и укусил бы. Они тут, небось, все своим графом не по разу покусанные.

— Тога, остановись-ка, — попросил я. — Пойду я в фургон. От греха подальше.

— Ты хочешь сказать… — Хатч отшатнулся от меня.

— Да, хрен тя возьми! — выпалил я, спрыгнул на землю и полез в фургон. На душе было муторно и погано. Я лишился последнего человеческого счастья — общения с друзьями.

Ночью мне стало плохо. Болели голова и живот, появился жар, дрожь в руках и тошнота. Я сразу вспомнил, что говорил мне Консультант. Кстати, о Консультанте…

Он появился в фургоне, едва я в третий раз произнес свой ник.

— Что, плохо? — с участием спросил он.

— Сволочи! — проскрипел я. — Ненавижу вас!

— Выпейте, — Консультант протянул мне стакан с чем-то темно-красным. — Вам сразу станет легче.

— Что это?

— Кровь. Человеческая кровь, первая группа, резус-положительная.

— У…убери эту мерзость!

— Какой вы чудак, право слово. В этом нет ничего ужасного или противоестественного. Для вампира совершенно нормально…

— Пошел вон!

Консультант пропал, на этот раз без вежливых прощаний. Я стиснул зубы. Слезы помимо воли наворачивались мне на глаза. Хотелось выть от бессилия, тоски, отчаяния.

Не буду! Сдохну, а не буду! Я внушил себе, что один-единственный укус, один-единственный глоток — и все, граница будет пройдена безвозвратно. Я никогда не стану прежним. Я стану настоящим, стопроцентным, необратимым вампиром. И еще, я подумал о том, что, наверное, вот так же мучаются алкоголики или наркоманы, когда пытаются завязать. Но у них, по крайней мере, не растут клыки во рту…

Все, что я мог себе позволить — это вино из сундучка. Марика все время пополняла его запас. Лежал на лавке и делал время от времени глоток. Опустела одна бутылка, потом другая. Радикально такое лечение не помогало, но мне как будто становилось ненадолго легче. В конце концов, я провалился в тяжелый болезненный сон, а когда открыл глаза, увидел над собой Марику.

— Ты плохо выглядишь, женишок, — сказала она мне. — Надо подкрепиться.

— Никогда. Я не буду пить кровь.

— Моральные принципы? — Она хмыкнула. — Первый раз вижу вампира с принципами.

— Поговорим о чем-нибудь другом. Или просто помолчим.

— Возьми-ка, — Марика протянула мне на ладони какой-то темный шарик. — На двадцать четыре часа тебе станет лучше, а потом все-таки придется искать свежую кровь.

— Что это? — Я с отвращением посмотрел на шарик.

— Болюс «Анти-Дракула». Синтетический заменитель крови.

— Ага, как у наркоманов. Метадоновая терапия. — Я взял шарик и проглотил. — Откуда у тебя это зелье?

— Нас снабжают в разведке. Нам не всегда разрешается пить кровь, что называется, вживую. Болюсы помогают снять абстинентный синдром и восстановить силы, если живая кровь недоступна.

— Я гляжу, ваша разведка все предсумотрела.

— Ты не можешь в таком состоянии драться с Радулеску, — сказала Марика, гладя меня по голове. — Он размажет тебя по стенке. Ты должен восстановиться. Живая кровь придаст тебе силы и энергию. Отбрось предрассудки и стань самим собой.

— Ты не понимаешь. Это невозможно. Лучше поговорим о деле. Что мы будем теперь делать?

— Все готово, дорогой. Сегодня в полночь мы покончим с Радулеску и заберем артефакт.

— Почему именно сегодня?

— Потому что именно на сегодня назначена свадьба.

— Какая еще, нахрен, свадьба?

— Графа Радулеску. И моя. Мы с ним жених и невеста.

— Вы? — Давно я не испытывал такого удивления. — Почему ты сразу…

— Тсс! — Марика ласково зажала мне рот рукой. — Нас с тобой это не касается. Я знакома с графом давно, очень давно. До твоего появления в этом мире. Если откровенно, меня и создали для того, чтобы найти к графу подход. Радулеску очень осторожен. Он знает, что имперские маги давно ищут способ с ним разделаться, и потому ведет себя крайне осмотрительно. Чужакам не доверяет, с внешним миром почти не контактирует. Все свои дела он ведет через нескольких доверенных лиц, и не все из них вампиры. Но мне он почему-то поверил. Более того, он влюбился в меня. Сделал предложение. Я долго отказывала, но несколько дней назад согласилась. И сделала это только из-за тебя. Твое появление и начало Главного Квеста просто совпало с операцией имперской разведки, которая называется «Чоп-пойнт». Мы давно ее планировали, и теперь есть реальный шанс покончить с логовом вампира в Коловашии.

— А Слово Создателя?

— Оно дополнительная причина разделаться с Радулеску. Ты со мной?

— У меня нет выбора, Марика. Я согласен.

— Только не тащи, во имя Бессмертных, своих друзей с собой. Мы все сделаем вдвоем — ты и я. Договорились?

— Я и не собирался брать с собой Хатча и Тогу. Не хочу, чтобы их высосали досуха под крики «Горько!».

— Хорошо. Слушай внимательно. Когда стемнеет, отправляйся в разрушенную церковь на окраине Колошар. Я буду тебя ждать. Если Хатч или Тога увяжутся за тобой, нейтрализуй их заклинанием Сна. Остальное я скажу тебе на месте. А, чуть не забыла, — Марика вручила мне отмычку. — Она может тебе пригодиться. Все понял?

— Конечно. Послушай, я тут подумал… Я могу посмотреть на себя?

— В смысле, милый?

— Увидеть свое лицо. Во что я превратился.

— Тебя это сильно заботит? — Марика снисходительно улыбнулась. — Скажу тебе, что ты мне сейчас нравишься даже больше, чем раньше. Вампиризм добавляет тебе сексуальности. Вообще-то вампиры не отражаются в зеркалах, но для тебя…

Она взмахнула рукой, что-то сказала, и в метре от меня в воздухе повисло нечто напоминающее большущий радужный мыльный пузырь. Внутри пузыря оформилась овальная плоскость, отсвечивающая радужными бликами. Это напоминало зеркало, и я заглянул внутрь пузыря.

Помнится, был такой старый фильм ужасов «Муха». Там ученый во время эксперимента интегрировался с обычной комнатной мухой. И есть в этом фильме такая сцена: герой стоит перед зеркалом и рассматривает себя, пытаясь увидеть те превращения, что с ним происходят и которые он чувствует. Когда-то эта сцена казалась мне нелепой, а теперь я прочувствовал на себе все, что должен был испытывать герой фильма. Из волшебного зеркала на меня смотрел я сам. Вроде ничего во мне не изменилось, если не считать появившихся в верхней челюсти острых и чуть загнутых назад клыков. Когда я закрывал рот, клыки были незаметны. В остальном я был самим собой, но… Чуть бледнее стала кожа, чуть резче черты лица, чуть темнее тени под глазами, чуть пронзительнее и тяжелее взгляд. На меня будто смотрел мой двойник. Причем двойник недобрый.

— Твоя правда, — сказал я, поворачиваясь к Марике. — Если бы не эти клыки, можно было бы фотографироваться на паспорт.

— Вот видишь, ты зря волновался. До вечера. — Она наклонилась и поцеловала меня в губы. Почему-то вкус ее поцелуя показался мне солноватым. А потом Марика выбралась из фургона и на прощание игриво помахала мне рукой. Я поднял

левую руку, чтобы помахать ей в ответ — и обмер.

Перстень Детекции Магии на моей руке полыхал яростным алым огнем.

Глава тридцать четвертая. Порталы ада

Сохраняйтесь почаще. В этой локации с вами никто не будет церемониться.

Болюс, полученный от Марики, мне реально помог. Очень скоро я почувствовал себя совершенно здоровым и смог выспаться. Проснулся я с чувством страшного голода, но гусиный паштет и булка из сундучка показались мне отвратительными на вкус. Меня могла насытить только кровь, и это было ужасно.

После захода солнца я отважился выбраться из фургона. Мы остановились около какой-то занюханной корчмы в самом центре Колошар. Тоги и Хатча возле фургона не было, и это меня очень обрадовало: мне совсем не хотелось с ними препираться. Наверное, они были внутри корчмы. Площадь была грязная, дома убогие, редкие прохожие видом и выражением лиц напоминали нищих. Прикрывая левой рукой свой рот, я осведомился у старухи-попрошайки, как мне пройти к церкви.

— А зачем тебе? — проскрежетала старуха.

— Надо, мамаша, — я бросил в ее чашку серебряную монету. — Так куда мне идти?

— Церковь осквернена, — сказала старуха. — Над ее руинами появляются колдовские огни, а в ночи слышен шорох черных крыльев. Только безумец может идти туда ночью.

— Я не боюсь ни огней, ни крыльев, мамаша. Так куда мне идти?

— Иди на свет луны, — сказала старуха и, подобрав чашку, поплелась прочь от меня.

Я сделал так, как сказала нищенка — шел так, чтобы луна все время была прямо передо мной. Довольно долго я пробирался по узким вонючим улицам, пугая кошек и перепрыгивая через зловонные лужи. Колошары оказались довольно зловещим местом: я могу поклясться, что половина домов, которые я миновал на пути к церкви, стояла заброшенными. В заросших палисадниках перед домами я видел человеческие черепа и кости, белевшие в свете луны. В одном из переулков я столкнулся с небольшой компанией крепких парней. Один из них шагнул ко мне: в одной руке у него был горящий факел, в другой — железная гирька на цепи.

— Господин гуляет? — осклабился тип, пустив на меня волну сивушной вони. — И господин не боится?

Пока он говорил, прочие громилы окружили меня. Обычная тактика уличной шпаны. Но я не почувствовал никакого страха.

— Господин не боится, — сказал я замогильным тоном и улыбнулся, показав парню с факелом свои клыки. — А ты?

Парень с факелом взвизгнул, выронил факел и бросился бежать по улице, увлекая за собой своих подельников. Я постоял немного, наслаждаясь своим могуществом, и пошел дальше.

Развалины церкви я увидел очень скоро — они живописно расположились на берегу реки. Когда-то это был очень красивый храм, но теперь от него остались только внешние стены, полуобрушенные и закопченные. Я вошел в ограду и направился к развалинам мимо кладбища. Погост выглядел более чем печально. Могилы были заброшены, заросли кустарником и травой: некоторые были разрыты либо гробокопателями, либо восставшими из них упырями. Повсюду валялись полусгнившие обломки гробов, кости, поваленные кресты и каменные памятники. При свете луны этот пейзаж выглядел более чем зловеще.

Странно, что все жители еще не сбежали из этого города. Я бы никогда не отважился здесь жить.

Вампир — и боится близости других вампиров? Ха-ха-ха-ха!

Мне показалось, что в руинах церкви появился какой-то свет, и я прибавил шагу. Я не ошибся — впереди пылал яркий факел. Подойдя ближе, я увидел знакомую фигурку, затянутую в черную кожу. Невольно глянул на свой перстень: камень светился изнутри лимонно-желтым светом.

— Марика! — позвал я.

Девушка шагнула мне навстречу. Я обнял ее и понял, что она дрожит.

— Что с тобой?

— Я волнуюсь, — сказала Марика. — Давай побыстрее отправимся к порталу.

— К порталу?

— В замок Радулеску нет входа в привычном смысле. Попасть в него можно только через Кровавый туннель.

— Хорошо, не будем терять времени.

— Как ты себя чувствуешь?

— Спасибо, неплохо. Твой болюс мне помог.

— Учти, что его действие скоро пройдет. Но я обо всем уже позаботилась, дорогой. Тебя ждет сюрприз.

Я полез в сумку, развернул карту и увидел, что на ней появился план местности, где мы сейчас находились. Красный крестик обозначал местонахождение входа в Кровавый туннель. Обойдя церковь, мы увидели открытый старый склеп, почти

полностью скрытый кустами репейника и плетями цветущего плюща.

— Войдем внутрь, — сказала Марика.

То, что я увидел внутри склепа, мне совсем не понравилось. На полу склепа, среди поломанных старых гробов и истлевших костей, лежала связанная молодая девушка, почти ребенок. Ее рот был заткнут тряпкой, а глаза были полны ужаса. При нашем приближении она замычала, попыталась отползти от нас. Марика подошла к ней, рванула ее платье, обнажая шею, плечи и грудь.

— Чтобы войти в Кровавый туннель, ты должен набрать полную силу, — сказала она жестким тоном. — Эта девчонка все равно обречена. Отбрось бессмысленную жалость и пей.

— Я не стану! — ответил я.

— Ты ничего не понимаешь, идиот. Это единственный способ пробраться в замок графа.

— Попробую пробраться без предварительной подкормки.

— Слизняк! — зашипела Марика. — И что я только в тебе нашла? Учти, время идет. Еще немного, и будет поздно. Граф ждет нас. Портал вот-вот откроется. Ну же, пей!

— Ты плохо слышишь, дорогуша? Я сказал, что не буду пить кровь. И мне плевать, откроется портал или нет.

— Ты же голоден, — Марика сменила тон, теперь ее голос звучал вкрадчиво и мягко. — У тебя желудок сводит от голода. Тебе не одолеть графа в таком состоянии. Пей же. Мы сделаем это вместе. У этой девчонки сладкая девственная кровь. Разве ты не чувствуешь ее запаха?

У меня начала кружиться голова. Рот наполнился слюной, а желудок сжал такой голодной спазм, что я невольно зарычал. Но тут краем глаза я глянул на перстень: камень полыхал багрянцем, как глаза Марики.

— Прекрати! — взвыл я, стараясь отвести взгляд от шеи извивающейся на полу девушки.

— Не сдерживай себя, милый. Твои желания естественны, в них нет ничего нехорошего. Ты вампир. Это так же нормально, как быть мужчиной, женщиной, ребенком. Красный нектар сделает тебя могучим и отважным. Ты убьешь графа и получишь все то, чего желаешь.

— Марика, нет!

— Да, милый, да! Ну, давай же! Портал уже открывается…

Сквозь багровую мглу, заволакивающую мне глаза, я увидел, как в глубине склепа засветилось нечто, напоминающее топку огромной печи. Оттуда слышались крики, вопли, стоны. Я мог чувствовать идущий из этого адского провала испепеляющий жар. Казалось — стоит мне войти внутрь, и я вспыхну и сгорю, как

сухой лист.

— Причастие кровью защитит тебя, — звучал откуда-то издалека вкрадчивый голос Марики. — Торопись!

— Нет! — выкрикнул я и, сам не понимая, что делаю, шагнул в огненный провал.

* * *

Вокруг была темнота. Я был один и стоял по пояс в какой-то жиже. Впереди виднелось черное пространство под низкими полукруглыми кирпичными сводами. В воздухе стоял густой запах смерти и бойни. Марика, связанная девушка, склеп — все исчезло.

Где я? Куда, мать его, меня закинуло?

Хоть я и видел в темноте, но отсутствие цветов раздражало. Активированный «Светляк» вспыхнул, освещая таинственное место. Меня затошнило. Я стоял в буро-красном поблескивающем месиве, на поверхности которого плавали куски мертвых тел.

Значит, это и есть Кровавый туннель.

— Какая мерзость! — всхлипнул Говорящий камень.

Когда я в игре пытался убить графа Радулеску, я тоже проникал в замок Чоп через канализацию. Но не через ТАКУЮ. Казалось, в этой чудовищной клоаке собралась вся кровь мира, пролитая за всю его историю, что сюда сброшены все останки жертв человеческого злодейства.

Уж лучше бы я оказался по пояс в дерьме.

Трудно себе представить что-нибудь более страшное и омерзительное, чем путешествие в кровавом море, полном изувеченных трупов, рук, ног и голов. Но, оказывается, адским силам не чужда любовь к излишествам. Стоило мне сделать несколько шагов, как на покрытой шапками розовой пены поверхности жуткого потока забурлили пузыри. Из месива вынырнула безглазая кольчатая тварь, напоминающая гигантскую жирную пиявку.

Я вытянул меч из ножен и приготовился к нападению. Но чудище не спешило меня атаковать. То ли было сыто, то ли не захотело тратить на меня время. Покрутив своей тупой мордой, оно нырнуло обратно в адскую пучину. Постояв немного, я пошел вперед. Точнее, поплыл. Временами я ощущал под ногами дно, временами нет. Было жутко неприятно сознавать, что где-то рядом плавают чудовищные пиявки, вроде уже виденной мной.

К счастью, я довольно скоро выбрался из кровавой каши на ступени полуразрушенной лестницы, ведущей вглубь нового

туннеля. Вход в туннель был заперт ржавой железной решеткой: после недолгих поисков я нашел отпирающий решетку рычаг. Путешествуя по вырубленным в скале коридорам, я, в конце концов, попал внутрь циклопической круглой башни. На полу в центре башни пылал огромный костер, вокруг костра были установлены колья с насаженными на них головами и частями человеческих тел. А рядом с костром сидел здоровенный ааууб, намного больше того, которого я убил в пещере у Мартенека.

Ааууб увидел меня и хрипло залаял, распуская перепончатые крылья. Переваливаясь на изломанных лапах, двинулся на меня. Но я не стал дожидаться его на месте. Вытянув к ааубу левую руку, я выкрикнул:

— Игнис магнус!

С моих пальцев сорвался оранжевый фаерболл и ударил ааууба прямо в грудь. Зверь отшатнулся, взвыл и замотал головой. Я повторил атаку огнем, но на этот раз не попал — ааууб оказался проворнее, чем я думал вначале. Он подскочил ко мне, обдав меня волной зловония, и попытался ударить лапой, вооруженной когтями величиной с лезвия кухонного ножа. Но я увернулся и, коснувшись крыла ааууба, крикнул:

— Криос!

Ааууб замер и в мгновение ока будто покрылся изморозью. Что-то подсказывало мне, что эффект такой заморозки будет совсем недолгим, поэтому я начал молотить застывшего монстра мечом. От ааууба летели куски разной величины, а потом мне удалось отрубить и голову — она со звоном упала на каменный пол и раскололась пополам.

— Интересно, и как это у меня получилось? — спросил я самого себя, глядя на оставшиеся от ааууба клочья.

— Какой же ты тупой! — подал голос камень. — Тебе же сказали, что ты можешь использовать боевые заклинания 3-его уровня эффективности.

Ого, а я, оказывается, владею боевой магией! Надо думать, этот нежданный подарок достался мне вместе с вампиризмом. Правда, я чувствовал, что проведенные мной магические атаки сильно меня измотали. Нужно восстановить силы, а заодно разобраться, куда идти дальше.

Ничего похожего на выход на первом этаже башни не было. Сплошная каменная кладка, которую ни разбить, ни выломать. Я поднял голову и увидел зияющий пролом на высоте примерно двадцати метров. Естественно, что обычному человеку нечего и мечтать подняться по вертикальной стене без трещин и выбоин — разве только какой-нибудь человек-паук, чемпион мира по скалолазанию такое сумеет. Но я не человек. Я вампир. И я умею

делать то, что могут все вампиры — карабкаться по отвесным стенам.

В несколько секунд я забрался по отвесной стене к пролому. Он оказался входом в новый туннель, прорубленный в скалах. Здесь было горячо и дымно, пахло серой и горелым мясом. Зато здесь меня ждала неожиданная и очень ценная находка.

У самого выхода из туннеля я нашел человеческие останки. Обугленный скелет был полузавален камнями и щебнем: по всей видимости, беднягу просто заживо похоронил нежданный обвал. Я разгреб щебень — в свете моего магического «Светляка» что-то блестнуло. Несколько мгновений спустя у меня дыхание перехватило от восторга: я увидел торчащую из щебня рукоять великолепной катаны.

— Ого! — вырвалось у меня. — Не зря я сюда зарулил.

Откопать оружие было делом пары минут, и очень скоро катана была у меня в руках. Она показалась мне настоящим произведением искусства. Безупречно полированный клинок был покрыт сложной гравировкой. Ни следа ржавчины, ни одной зазубрины. Рукоять из черного эбонита была красиво отделана сверкающими серебряными кольцами. Серебром были отделаны также и ножны, треснувшие в середине, но вполне пригодные. Порывшись еще немного, я вытащил из гравия небольшой круглый металлический щит и потрепанную и обгоревшую кожаную торбу, в которой обнаружил несколько пузырьков с какими-то зельями и табличку. Надпись на табличке сообщала:

> *Рыцарь Такео Прекрасный исполняет мой приказ. Оказывать благородному рыцарю всевозможное содействие и помощь, буде он за ней обратится.*
>
> *Император Танагава, 7 год эры Хайто*

— Слушай, Эль-Шаба, — спросил я бриллиант, — а ты знаешь, кто такой был этот Такео?

— Понятия не имею, — ответил камень.

Я ничем не мог посодействовать рыцарю Такео Прекрасному и потому, отсалютовав бедолаге его же катаной, повесил щит на спину и двинулся дальше, радуясь находке и собственной удачливости. Почему-то мне казалось, что найденная мной катана — особенная. На мгновение появился соблазн вызвать Консультанта и расспросить его о рыцаре Такео и о мече, который я нашел, но, поразмыслив, я решил не торопиться. Мне еще надо выбраться из этого гнусного места.

Впереди показался красноватый свет — туннель заканчивался. Но радости я не испытал: туннель вывел меня к

овальному отверстию над ужасающей бездной. Я стоял на самой вершине скалистого шпиля, и в сотнях метрах подо мной кипела багровая пучина. Впереди, очень далеко, по ту сторону адского провала, я разглядел еще один шпиль, полускрытый пурпурной дымкой. По всей видимости, мне туда. Только вот как перейти через пропасть?

Я понял это очень скоро, заметив странные штуковины, словно парящие в воздухе. Когда до меня дошло, что это такое, я почувствовал дрожь в коленях и шевеление в животе.

— Да вы что, мать вашу, издеваетесь? — вырвалось у меня. — С кузнечиком меня перепутали?

Темные предметы были плоскими глыбами, расположенными в нескольких метрах друг от друга. Я понятия не имел, какая сила их держала в воздухе, но одно было несомненно — это единственный путь, который у меня есть. И тут я увидел нечто, что заставило меня поспешить с решением.

Из бурлившей подо мной раскаленной массы вылетел огненный шар и с большой скоростью понесся вверх, прямо на меня. Я отшатнулся назад и намеревался было укрыться в глубине туннеля, но скалистый шпиль внезапно начал вибрировать, и со свода тоннеля с грохотом посыпались камни и густая пыль. Путь назад был отрезан, и у меня остался только один путь — вперед. Рискнуть и допрыгнуть до висевшей впереди плиты.

— Прыгай! — взвизгнула Эль-Шаба.

— Суууккиииии! — заорал я и прыгнул. Плита качнулась под моей тяжестью, и все у меня внутри оборвалось. Ощущение было такое, что парящая в воздухе плита сейчас перевернется, и я полечу вниз. В следующее мгновение я увидел, как огненный шар влетел в туннель и взорвался.

Я опустился на колени. Ноги меня не держали, по лбу струился пот. Понятное дело, что я должен перепрыгивать с одной плиты на другую, чтобы добраться до шпиля. Одним словом, влип по полной. Я попытался глянуть вниз — сразу закружилась голова, и я вцепился в край плиты.

— Смотри не сорвись! — испуганно сказал Говорящий камень.

— Мать твою тру-ля-ля! — прошептал я. — Кранты тебе, Осташов!

Впрочем, оплакивать свою безвременно погубленную жизнь у меня не было времени: из кипящей лавовой пучины вырвались сразу три шара, вроде того, что чуть не испепелил меня минуту назад. Я верно оценил ситуацию и сделал то, что должен был сделать — выкрикнув что-то ужасно непристойное, перепрыгнул

на соседнюю плиту. И вовремя: один из шаров попал в парящий камень, на котором я только что стоял и превратил его в облако пыли.

Создателям Главного Квеста нельзя было отказать в извращенной фантазии. Последующие четверь часа я перепрыгивал с одной плиты на другую, а вылетающие из лавового потока подо мной огненные сгустки уничтожали эти плиты, не давая ни секунды передышки. Последняя плита оказалась довольно далеко от скал, и я с ужасом понял, что не допрыгну, сорвусь вниз. Но ко мне уже приближались аж восемь огненных шаров, и я с обреченным воплем прыгнул. Сзади рвануло, меня подхватило ударной волной и швырнуло на камни.

— Уфф! — Я вздохнул, повертел головой, не веря своему счастью. Сильно болела ушибленная нога, меня колотила дрожь, но я был жив. А впереди был шпиль — и новые заботливо уготованные мне развлечения.

Я с трудом поднялся на ноги, вытер с лица пот и осмотрелся. Я очутился в каком-то каменистом ущелье, и шпиль был прямо передо мной, в какой-нибудь паре сотен метров. Только вот путь не был свободен. Со стороны шпиля ко мне приближались два довольно странных существа, которые я вначале принял за скатывающиеся по склону ущелья каменные глыбы.

Неизвестные твари напоминали крабов. Или огромные перевернутые миски со множеством ножек по краям. Двигались они не то, чтобы быстро, но очень уверенно. Приблизившись ко мне, существа громко затрещали и выпустили из-под панциря длинные изогнутые конечности, покрытые острыми зубчиками. Я заметил, что по конечностям пробегают синеватые огоньки. Вытянув гномский меч, я занял такую позицию, чтобы твари не смогли меня обойти — прижался спиной к большой вулканической глыбе, а после выкрикнул заклинание Огненного Шара.

Мой Игнис магнус угодил в ближайшего мискокраба. Тварь окуталась огнем, но пламя ей, похоже, не повредило. Затрещав, как гремучая змея, мискокраб пополз на меня, выставив свои колючие лапы. Тогда я решил на всякий случай усилить защиту.

— Гаста!

Тварь ткнулась в невидимый магический щит, и вокруг меня зазмеились синие молнии. Я стал бить мечом, целя в светящиеся голубые точки под краем панциря: очевидно, это были глаза. От панциря отлетали куски, тварь свирепо трещала, электрические разряды окружили меня, но магический щит был надежен. Тут подоспел второй мискокраб, и я ощутил сильный удар током, от которого у меня онемела рука. Надо было менять тактику, твари

зажимали меня в угол. Перемахнув через крабов, я бросился бежать по ущелью. Электрические твари свернулись в клубки, как броненосцы, и покатили за мной. Добежав до самого узкого места ущелья, я выпустил фаерболл по склону, и обрушившиеся массы камней и земли аккуратно накрыли моих преследователей. Когда осела пыль, я понял, что крабы-электрофоры меня больше не побеспокоят.

Шпиль был рядом. К нему вела широкая каменистая дорога, зажатая меж двух высоких каменных стен. Я вышел на дорогу и быстрым шагом направился к шпилю. Уже сейчас мне хорошо было видно, что в основании шпиля пульсирует светящееся пятно — по всей видимости, новый портал. Я нашел выход. Но радость моя была несколько преждевременной.

Земля у меня под ногами задрожала, земля впереди вспучилась, и из нее вылез гигантский — метров девять в высоту, не меньше, — облаченный в какие-то засаленные лохмотья скелет, да еще и безголовый вдобавок. Страшилище держало в руках здоровенную ржавую косу с клинком в два моих роста. Я замер на месте, не представляя, что мне дальше делать. И тут скелет пошел прямо на меня, размахивая своей косой. Прямо жнец, мать его. Взмахи косой становились все чаще, и я с ужасом понял, что к порталу мне не пройти. Шансов одолеть эту нечисть оружием или магией у меня никаких. Больше для самоуспокоения я метнул в Жнеца пару фаерболлов, но он даже не перестал махать косой.

Я стоял и думал. Пути назад у меня нет — только вперед. Но как избежать удара косой Жнеца? Попробовать рассчитать частоту взмахов? Чудовище точно прочитало мои мысли: я заметил, что Жнец начал сбивать ритм. Вжик-вжик-вжик-вжик — пауза — снова частые взмахи — редкие взмахи — снова часто. Вероятности поймать паузу между взмахами, чтобы проскочить под косой, у меня не было никакой. Эта ржавая газонокосилка разрежет меня пополам. Конечно, у меня еще есть две дополнительные жизни, но как-то уж очень не хочется умирать.

Шипение и стук за моей спиной заставили меня обернуться. Из ущелья ко мне приближалось полтора десятка скелетов — точная копия Жнеца, только обычных человеческих размеров. В руках эти парни сжимали ржавые мечи, топоры и почему-то огромные проволочные сачки. Не иначе, будут пытаться взять меня живьем для своей коллекции проваливших миссию героев.

Я решился. Набрал в легкие побольше воздуха, рванулся с места и побежал к Жнецу. Монстр с удвоенной скоростью замахал косой, но я и не рассчитывал вписаться в паузу. Не добежав до смертельно опасной зоны несколько шагов, я оттолкнулся от

земли, прыгнул на стену и, пробежав по ней с десяток метров параллельно земле, оказался за спиной Жнеца. Посрамленная скелетина тут же с грохотом развалилась на куски, а его карликовые братья просто исчезли.

— Если я когда-нибудь выберусь из этой задницы, — сказал я Говорящему камню, — то попрошусь сняться у Вонга Карвая в продолжении «Крадущегося Тигра, Затаившегося Дракона». Никаких дублеров не потребуется.

— Ты просто молодец, — похвалила меня Эль-Шаба. — Я прямо влюбилась в тебя. Только нос не задирай.

У самого портала я замер в нерешительности — может, еще кто попробует сыграть со мной в строгого контролера? Но путь был свободен. Поверхность портала приветливо подмигивала мне разноцветными огоньками, и я, удовлетворенно вздохнув, шагнул вперед.

Глава тридцать пятая. Замок вампира

Вы не выживете. Все равно продолжить?

Я оказался в огромном совершенно пустом помещении, где не было ни одного окна, и была всего одна дверь. В середине помещения стоял предмет, удивительно напомнающий школьную доску на подставке. При моем приближении по доске забегали оранжевые огоньки, и секунду спустя я увидел следующую надпись:

Вампир-лорд Алекто из Лох-Несса!
Вам присвоен девятый уровень.
Пройдено локаций Большого Инферно: 3
Уничтожено волшебных существ: 4 Получен предмет: аргентальная катана (класс оружия 5 (магический), стоимость 2000 дукатов).
Получен предмет: щит Такео (класс брони 5 (магический), стоимость 1250 дукатов) Получен предмет: тинктура Мага (+50 к мане, действие 2 минуты) — 3 штуки.
Получен предмет: тинктура Ящера (защита от заклинаний, действие 30 секунд) — 1 штука.

Ага, еще один автоматически предусмотренный момент игры. Мои работодатели отслеживают мои успехи, иначе мне бы не выдали такое сообщение. Любезно информируют меня, понимая, что Консультанта я вызываю только в критических ситуациях. Или опять что-то изменилось в правилах? Жаль, что связь односторонняя. Я бы им сейчас выдал много разных слов…

Интересно, а что такое «аргентальная»?

Дверь была прочная, окованная железными полосами, но замочек оказался так себе. Я без труда открыл его отмычкой и попал на винтовую лестницу, уходящую на верхние этажи башни. Вскоре я оказался у выхода в жилые помещения.

Здесь я воспользовался еще одним преимуществом своей новой природы — заклинанием Невидимости. Правда, действовало оно недолго, но я повторял его раз за разом и чувствовал себя намного увереннее. Перебираясь из одной части замка в другую, я исследовал графскую кухню, потом кладовые, винный погреб (на редкость богатый), и оказался в оружейной

камере. Коллекция оружия была вполне сопоставима с коллекцией вин, но все в арсенале покрывал толстый слой пыли, и было заметно, что сюда редко кто заходит. Великолепные мечи, сабли, шпаги, кинжалы и прочее оружие уже давно никто не брал в руки.

Вообще, внутренние покои замка производили тягостное впечатление. Кругом отпечаток запущенности, заброшенности. Пыль, паутина, плесень и запах тления. Хотя чего можно требовать от жилища вампира?

Особенно эта заброшенность была заметна в огромной столовой, куда я попал после арсенала. Здесь был накрыт огромный стол, но роскошная серебряная посуда потемнела, все было седым от пыли, кушанья и вина превратились в сухой черный прах. Странно, неужели вампирам настолько фиолетово то, в каких условиях они живут? Я бы в такой грязи и дня бы жить не стал.

Из столовой я попал в зимний сад. Вернее, когда-то это был зимний сад, потому что все растения давно погибли, а бассейн пересох, и из него воняло, как из нужника.

На самое странное было в другом. Замок был совершенно пуст. За все то время, пока я по нему бродил, я не увидел ни одного живого существа. Ни крыс, ни тараканов, ни пауков — только паутину. Просто кладбище какое-то.

Плана замка у меня не было. Я представления не имел о размерах жилища Радулеску и расположении помещений, поэтому начал нервничать. Говорящий камень почувствовал мое настроение.

— Ты только не злись, — сказал он мне. — Времени у нас много, успеем.

— А свадьба? — ответил я. — Марика выходит замуж за этого урода.

— Не волнуйся, без нас церемонию все равно не начнут.

— Это почему еще? — насторожился я.

— На то есть причины.

Мне не понравились слова Эль-Шабы. Что-то есть во всем этом подозрительное. Мой перстень Детекции реагирует на Марику, как на враждебное существо. Почему? Вспомнилось, как Марика пыталась заставить меня покусать несчастную девчонку в склепе. Теперь бриллиант говорит о свадебной церемонии, которую без меня не начнут. Или я должен убить графа Николае прямо на свадьбе? Так сказать, на глазах у невесты?

Ой, неспроста все это!

Тут я подумал о другом. Наверняка сейчас вся свита Радулеску собралась на свадьбу. Это объясняет, почему мне до

сих пор не попался на глаза ни один вампир. Где они могут находиться? Скорее всего, в замковой часовне. Или в парадном зале. Знать бы только, как туда добраться побыстрее.

И тут я внезапно почувствовал близость человека. Именно человека, а не вампира. Это было странно и необъяснимо. Я подумал о пленнике. Не исключено, что несчастный доставлен сюда специально. Что он будет ритуальной жертвой на вампирской свадьбе. А если так…

Я быстро поднялся на второй этаж и оказался в жилом крыле. Обостренное вампирское чутье меня не обмануло: присутствие человека ощущалось здесь сильнее, чем внизу. У меня рот наполнился слюной, и снова я ощутил неприятные спазмы в желудке. Возможно, мне не стоит встречаться с человеком, но я уже не мог себя перебороть. Через несколько секунд я уже стоял перед дверью в конце коридора. Она оказалась незапертой.

Это был кабинет алхимика. Кругом лабораторные сосуды, склянки с зельями, мешки, пучки трав, чучела животных. А у стола я увидел сухого старика с белой бородой до пояса.

— Кто здесь? — испуганно спросил старик. Подойдя ближе, я увидел бельма на его глазах.

— Не бойся, — я положил старику руку на плечо. — Кто ты такой?

— Я Бениций, личный врач его светлости графа Радулеску. — Старик ощупал пальцами мою руку. — Ты вампир.

— Да, я вампир. Где граф?

— Разве мой лорд ничего не слышал?

— Что я должен был слышать?

— Шум. Крики. Голоса.

— Я ничего не слышал. Здесь никого нет. Только ты и я.

— Мой лорд ошибается. Этот замок полон жизни. Все в руках моего лорда.

— Почему ты зовешь меня своим лордом?

— Потому что таковы правила. Мой лорд — вампир, и он нашел дорогу в замок.

— Я хочу задать тебе вопрос, старик. Ты что-нибудь знаешь о лекарстве от вампиризма?

— Лекарство от вампиризма? — Старик внезапно рассмеялся дребезжащим старческим смехом. — Мой лорд, такого лекарства не существует.

— Не лги. Я знаю, что у графа оно есть. Или было.

— Его светлость действительно просил меня найти средство, снимающее с человека проклятие Кровавого Причастия. Одно время мне казалось, что я его нашел. Но я потерпел неудачу. У меня получился яд, а не лекарство.

— Яд?

— Да, мой лорд. Малейшая неточность в дозировке убивает мгновенно всякого, кто примет мой бальзам.

— Бениций, я хочу избавиться от вампиризма. Ты можешь мне помочь?

— Не могу, — алхимик поднял на меня незрячие глаза. — Многие хотели снова стать людьми. Они погибли. Граф запретил мне заниматься моими опытами дальше. Тогда я решил испытать зелье на себе.

— И что?

— Я заразил себя через Евхаристию Кровью, а потом пытался исцелиться. Я снова стал человеком, но я… я ослеп и парализован.

— Зачем ты это сделал?

— Я видел, что его светлость очень страдает.

— Нет! — Я выпустил плечо старика. Комната поплыла у меня перед глазами, и почему-то захотелось плакать. — Я что, так и останусь этой тварью?

— Мой лорд, найди ларец из резного дерева: он стоит на столике у моей кровати, — вдруг сказал старик. — Там лежит флакон из темного стекла. Это все, что у меня осталось. Если мой лорд захочет…Бальзам концентрирован, он убьет тебя сразу.

Слова старика так меня поразили, что я даже не стал ни о чем его расспрашивать. Просто подошел к столику и открыл ларец. Вынул завернутый в бархат флакончик, открыл пробку, понюхал. Запах был приторно-сладковатый, будто у фруктовой эссенции.

— Пусть мой лорд не беспокоится, — сказал старик, улыбаясь. — С ним не случится то, что случилось со мной.

— Я могу что-нибудь сделать для тебя, Бениций?

— Ничего, мой лорд. Моя остывшая кровь не насытит тебя, и моя жизнь не принесет тебя никакой пользы. Оставь все, как есть. И поищи себе нового алхимика. Мое время вышло.

— Подыскать себе нового алхимика?

— Конечно, мой лорд.

— Я не понимаю тебя. Мне не нужен алхимик.

— Да-да, конечно, мой лорд. Прости своего безумного слугу, — тут старик залопотал что-то невразумительное, уронил голову на грудь. Я потряс его за плечо, но Бениций был без сознания.

— Мать твою тру-ля-ля! — прошептал я. — Что происходит?

Должен быть какой-то выход. Не может быть, что все так безнадежно. Яд — это слишком просто, слишком банально. Я еще раз посмотрел на Бениция и понял, что старик мне ничего уже

не скажет. Алхимик умер. Слишком буквально воспринял мои слова: «Мне не нужен алхимик».

Надо искать. Ответ в этом замке. И я его найду, даже если мне придется обыскать сверху донизу весь замок Чоп.

— Что с тобой? — спросила Эль-Шаба.

— Думаю. Отстань, не мешай.

— Ну, и пожалуйста. Небось, истосковался без своей Марики.

— Без Марики? — Я вздрогнул, стянул с левой руки перчатку. Камень перстня слабо светился розоватым огоньком.

* * *

И как мне это сразу не пришло в голову?

У выхода в длинную анфиладу коридоров, начинавшуюся сразу за зимним садом, перстень Детекции Магии начал изменять цвет с розового на красный. Все просто, мне надо было раньше довериться перстню, а не блуждать по замку. Я прибавил шаг. В тишине залов мой топот казался громом. Вскоре я оказался у огромных двустворчатых дверей, и камень в перстне стал светиться алым пламенем.

Я толкнул дверь и вошел в тронный зал замка. Первое, что я здесь увидел — это разбросанные на полу зала тела. Много тел. Вампиры и людомеды. В иссеченных доспехах, с окровавленным оружием в руках. Совсем недавно здесь произошло яростное сражение. Растекшаяся по паркету кровь была совсем свежей. Так вот что за шум слышал бедняга Бениций…

— Ты как раз вовремя, дорогой! — промурлыкал знакомый голос.

Я поднял глаза. Марика стояла у высокого резного трона графов из рода Радулеску. А на троне сидел седой человек в стальных доспехах. Я узнал Мастера, имперского адманитового мага, говорившего со мной в Саграморе.

— Наконец-то, — сказала Марика. — Я уж думала, ты заплутал на одном из уровней Большого Инферно. Но ты молодец, милый. Даже без меня ты прекрасно справился.

— Добро пожаловать, ваша светлость! — приветствовал меня Мастер.

— Светлость? — Я медленно шел по дорожке к трону, чувствуя, что волосы у меня на голове поднимаются дыбом.

— Трон Коловашии не может пустовать, мой друг, — сказал Мастер, улыбаясь. — Вы подходите на роль графа Коловашии идеально.

— Я могу узнать, почему?

— Прежний граф Радулеску не оправдал наших надежд. Он слишком хотел снова стать человеком.

— Мне говорили, что Радулеску родился вампиром.

— Милый, неужели ты всерьез принимал все те глупости, которые я тебе говорила? — со смехом спросила Марика. — Постельные разговоры — это постельные разговоры, не более того.

— Значит, ты все это время обманывала меня? — спросил я, понимая, что меня заманили в ловушку.

— Не все время. Я по-настоящему испытывала удовольствие от близости с тобой. И я тебя люблю. Уверяю тебя, я буду тебе отличной женой.

— Женой?

— Именно, — сказал Мастер. — Давайте начистоту, мой друг. Вы слишком хороши для того, чтобы я скрывал от вас правду. Коллега Хельсер был прав — вы особенный. Впервые в Главном Квесте появился игрок такого уровня. И было бы глупо не использовать ваш потенциал.

— Какой еще, к дьяволу, потенциал?

— Поиски пяти артефактов Заламана должны были неминуемо привести вас к Радулеску. И у нашего… ведомства появилась вполне резонная мысль: а почему бы не сделать вас новым графом Коловашии?

— Зачем вам это нужно?

— Большая политика. Один мир — одна империя. Наша воля должна исполняться повсюду. Прежний граф Коловашии разочаровал нас, и наш император отдал приказ коллегии боевых магов. Вы понимаете, какой. Нужно было найти Николае Радулеску достойную замену. Наш мир не терпит пустоты. Замок Чоп не может оставаться без хозяина. Свету необходима тень, иначе нарушается баланс сил.

— Пустые бессмысленные фразы. Так вот тебе мое слово, дорогой умник — я отказываюсь быть новым графом Радулеску. Решение мое окончательное и бесповоротное, обжалованию и пересмотру не подлежит.

— Вам некуда деваться, — засмеялся Мастер. — Вы вампир. Вас будут ненавидеть и бояться все без исключения. Коловашия — единственное место, где вы будете в безопасности. Более того, вы будете окружены почетом и поклонением своих подданных. И еще, у вас будет Марика и четвертая реликвия Заламана.

— С Марикой я уже познакомился во всех смыслах. А стоит ли реликвия того, чтобы ради нее оставаться чудовищем?

— Стоит, — Мастер открыл шкатулку, которую держал на коленях. — Взгляните, мой друг.

Я подошел ближе и не поверил глазам. Я ожидал увидеть что угодно, но только не это.

В шкатулке лежал обычный кассетный плейер. Кажется, «Сони». С наушниками и кассетой внутри.

— Это и есть реликвия Заламана? — спросил я, ошарашено глядя на Мастера. — Плейер? В вашем мире мечей и магии?

— Удивлены? Я по глазам вижу, что удивлены. Я не стану вам рассказывать историю этой вещицы — она будет слишком долгой. А времени у нас совсем мало, мой друг. Еще до рассвета в Коловашии должны появиться новый граф и графиня.

— А как же Главный Квест? Я ведь не нашел пятую реликвию.

— Вы будете искать ее. После того, как станете восемнадцатым графом Радулеску. В этом качестве вы будете полезнее для империи.

— Знаете, — я почесал мизинцем макушку, — я передумал. Я не хочу жениться. И потом, это противоречит моему профилю. На мне Венец Безбрачия.

— Ваш профиль изменился. Вы лорд-вампир, а не жалкий лох. Марика обучит вас очень многим полезным вещам. И приятным, в том числе.

— Хорошо, — я вытянул гномский меч из ножен и положил его плашмя на плечо, — тогда поставим вопрос по-другому. Как вы можете меня заставить выполнить вашу волю?

— Мы и заставлять не будем, — Мастер больше не улыбался. — Ты в полном дерьме, дружок. Выхода из замка нет. Ты сможешь покидать его только в одном случае — если обладаешь статусом графа. Игра окончена.

— Виноват, если из замка нет выхода, как вы его покинете?

— Я адманитовый маг, приятель. Ладно, не будем терять времени, — Мастер хлопнул в ладоши, и из расположенных в глубине зала дверей начали выходить людомеды. Их было много — десятка два, не меньше. Они расположились в две линии, вдоль ведущей к трону дорожки, лицом друг напротив друга.

— Показываешь свою силу? — усмехнулся я, но мне реально было не до смеха. — Оружие сдать?

— Не стоит. Вы все-таки граф. Марика, встань возле своего милого жениха, начнем нашу церемонию. Императорский Табель о рангах приравнивает адманитового мага к архиепископу, так что свадьба будет самой что ни на есть законной.

— Момент, — сказал я. — Несколько мыслей вслух, если позволите. И несколько вопросов. Уж коль скоро мы играем по вашим правилам, я хочу получше узнать условия игры. Игроки, которые были до меня — они все попадали в это место?

— Те, кому удавалось дойти до «Чоп-пойнт», этого момента

игры.

— А Такео? Он тоже игрок?

— Лучший из лучших. До вас, разумеется. Он погиб случайно, при обвале.

— А кто был прежним графом Коловашии?

— Вам-то какая разница? Ну ладно, я скажу вам. Игрок с профилем «Принц на белом коне». Поначалу он вел себя как нужно, но потом что-то пошло не так.

— Надоело кровопийствовать? Я его понимаю.

— Как раз кровь он пил охотнее, чем ты, дорогой, — сказала Марика. — В отличие от тебя он долго не колебался, когда нужно было пройти Причастие Кровью.

— Так, понятно. Вот почему ты так упорно пыталась заставить меня пить кровь. Нужно было отрезать мне все пути для отступления. Зачем тогда нужен был весь этот спектакль с болюсами, с разговорами про сражение с Радулеску?

— По-твоему я должна была сказать тебе все в лоб? — засмеялась Марика. — Про то, что Радулеску давно мертв. Что замок Чоп зачистят для нас имперские людомеды. Про то, что Причастие сделает твой вампиризм необратимым, и ты окажешься полностью во власти имперских магов. Какой ты право слово… лох.

— А ты умница, так? Не взяла у меня Эль-Шабу. Испугалась, что камень не позволит тебе и дальше вешать мне на уши лапшу?

— Это моя работа, милый. Ничего личного.

— Вы убили прежнего графа?

— Он-то не сопротивлялся. А вот его придворные дрались отчаянно. Да и вы и сами можете видеть, — Мастер показал на разбросанные по залу тела. — Надо бы прибраться, а то антураж у вашей свадьбы получится слишком… готический.

— Короче, меня обманывали все, кому не лень. Нехорошо, некрасиво.

— У разведки, дорогой граф, свои методы работы, — сказал Мастер. — Но мы люди благодарные. Императорским эдиктом вам дарован титул графа Коловашии и статус Тайного Хранителя Четвертой Реликвии. А еще вы отныне пользуетесь нашим покровительством. Видите, сколько вы приобретаете.

— Последний вопрос. Что будет, если я все-таки откажусь становиться графом Радулеску за номером 18?

— Я ответил на этот вопрос. Это невозможно. Вы уже стали графом Радулеску. Таковы правила Главного Квеста. Законы игры.

— Правила существуют для того, чтобы их нарушать, — ответил я и выпил зелье Бенициуса.

Глава тридцать шестая. Рыцарь Полуночного Грома

И тут пошли глюки.

Странное ощущение.

Меня будто взорвало изнутри. Я превратился в миллиарды частиц, и каждая из них была наделена сознанием. А потом все эти частицы устремились с бешеной скоростью сквозь пространство для того, чтобы через несколько мгновений снова соединиться.

Вокруг меня была ночь. И я стоял пред фасадом огромного здания, на фасаде которого красовалась табличка

«ДЕТСКИЙ ОНКОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР»

Стеклянные двери были закрыты, но я без труда прошел сквозь них. Прошел мимо регистратуры, где зевала молоденькая девушка в кипельном-белом халате. Она меня не видела, и это понятно. Я ведь призрак, часть совершенно другого мира. Лифт поднял меня на третий этаж. Здесь было безукоризненно чисто, тихо и безлюдно. Я задержался на секунду, чтобы сориентироваться и решил, что иду в правильном направлении.

Нужное мне отделение находилось в правом крыле. Здесь тоже сидел дежурный врач, но на меня он не обратил никакого внимания. Он меня просто не видел. Даже не оторвался от сканворда, когда я прошел мимо него.

Так, вот и нужная мне палата. Дверь открыта. Здесь только одна кровать, окруженная сложной аппаратурой. В полумраке светятся индикаторы, вспыхивают зеленые огоньки. На столике у кровати виноград в чашке, бутылка сока, Детская Библия, брелок-тамагочи в форме сердечка. И плейер «Сони».

Я подхожу к кровати и вижу, что мальчик не спит. Лежит с открытыми глазами. На исхудавшем бескровном лице эти глаза кажутся огромными. И он видит меня. Во взгляде мальчика больше нет смертельной тоски. В них появляется радость, свет, интерес.

— Ты? — шепчет мальчик.

— Привет, — говорю я и подхожу ближе. — Извини, что я тебя беспокою. Просто я шел мимо и решил зайти.

— Ух, ты! — Мальчик улыбается мне. — Ты мне, наверное, снишься, да?

— Вообще-то нет. Но если тебе так хочется…

— Знаешь, я ведь тебя таким и представлял, — говорит мальчик. — В такой куртке и с такими мечами. Здорово!

— Представлял меня? Очень интересно.

— Мне хотелось придумать настоящего рыцаря для своей сказки. Самого взаправдашнего. Слушай, а мечи у тебя настоящие?

— Конечно. Так ты что, сказку придумываешь?

— Ага. Здесь очень скучно. Каждый день одно и то же. Ходить я не могу, приходится лежать.

— Разве к тебе не приходят?

— Приходят, конечно. Мама, папа, сестренка. Нет, здесь так-то нормально. Можно поболтать с ребятами, телек посмотреть. Но это днем. А ночью мне скучно и страшно. Лежишь один, и всякие глупости в голову лезут. Вот я и сочиняю. Когда я поправлюсь, то напишу книгу и стану богатым, как Джоан Роулинг.

— О чем твоя сказка?

— О тебе. О Рыцаре Полуночного Грома. И эльфийской девочке-кукле.

— Интересно. Расскажешь?

— А ты на самом деле хочешь послушать? — радуется мальчик.

— Если тебе нетрудно. Тебе, наверное, нельзя много разговаривать.

— Все нормально. — Мальчик смотрит в потолок, собирается с мыслями. Я придвигаю стул, сажусь рядом с постелью.

— Вобщем, жил-был один царь, — начинает мальчик, глядя на меня глазами мученика. — Он был добрый и мудрый, но очень одинокий. У него не было друзей. И однажды он встретил прекрасную эльфийскую царевну и полюбил ее. Царевна тоже полюбила царя, и они поженились. Царь был так счастлив, что подарил своей любимой самое дорогое, что у него было — Говорящий бриллиант. А царевна родила царю дочку. Но злые силы убили царя, царицу замуровали вместе с ее братьями-воителями в глубоком склепе, а дочку заколдовал злой маг. Он превратил ее в фарфоровую куклу, и она не могла ни говорить, ни ходить, ни играть. Только в дни эльфийских праздников кукла могла стать снова девочкой. Об этом узнал странствующий рыцарь, которого называли Рыцарь Полуночного Грома. Он поклялся победить мага и освободить от чар девочку-куклу. Для этого ему нужно было собрать пять волшебных предметов. Но злые силы заколдовали Рыцаря, и он стал вампиром…

— А дальше?

— Дальше я еще не придумал, — вздыхает мальчик.

— Отличная сказка. И ты думаешь, что я и есть Рыцарь Полуночного Грома?

— Конечно, — с детской искренностью отвечает мальчик. — Я тебя сразу узнал.

— Интересное название. Откуда оно?

— Я сам придумал, — с гордостью говорит мальчик. — Ты книжки фэнтези любишь?

— Очень.

— Тогда ты должен знать, что у странствующих рыцарей непременно бывают звучные имена. Такие, чтобы все их могли запомнить. Хранитель Мечей, например. Или Рыцарь Огненного Креста.

— И мне надо освободить принцессу?

— В сказках добрые рыцари всегда спасают принцесс. Ты что, не знаешь этого?

— Знаю. Теперь знаю. Ты мне очень помог.

— Я обязательно досочиняю сказку, — говорит мальчик. — Завтра у меня операция. Доктор говорит, все будет хорошо. Я выздоровею и закончу сказку.

— Конечно, закончишь.

— Я уже много сочинил. Сегодня у меня была мама, и я попросил ее принести мне новую кассету, — говорит мальчик. — Старую я почти всю записал.

— Ты записываешь свою сказку на диктофон?

— Ага.

— Ты молодец, — я легко, через одеяло, пожимаю тонкую руку мальчика. — Спасибо за чудесную сказку.

— Надо же, настоящий! — восхищается мальчик. — А как тебя зовут?

— Меня? — Я пожимаю плечами. — Так и зовут, Рыцарь Полуночного Грома. А тебя?

— Данила. Ты еще придешь ко мне?

— Конечно. После операции.

— Приходи, ладно? Я буду тебя очень-очень ждать.

— Я приду, — я встаю, иду к выходу. — Поправляйся, Данила. Я очень хочу услышать конец сказки.

Мальчик смотрит на меня сияющими глазами. Я выхожу из палаты, не оглядываясь — мне страшно оглянуться. Встретиться прощальным взглядом с этим ребенком. Дежурный врач клюет носом над почти разгаданным сканвордом и не видит меня. Конечно, он ведь не может меня увидеть. Только Данила смог меня видеть, потому что он больше не принадлежит этому миру. Я сажусь в лифт, спускаюсь вниз. Мне очень хочется вернуться обратно и еще раз увидеть этого ребенка, но я не могу.

Потому что невесть откуда знаю: завтра этого ребенка не станет. И сказка о Рыцаре Полуночного Грома останется незаконченной.

* * *

— Теперь вы понимаете, в чем дело?

Консультант выглядел очень довольным. А я смотрел на него, как панк на салют.

— Что это было?

— Предыстория. Знаете, иногда очень важно знать, с чего все началось. Так вот, ваш Главный Квест начался со сказки, которую писал в больнице Демиург.

— Демиург?

— Тот, кто создал наш мир. Десятилетний мальчик Данила Савичев. Увы, ему не удалось ее закончить.

— Он умер?

— Банальная остановка сердца во время операции. Давайте не будем думать о грустном. Я поздравляю вас с переходом на десятый уровень. Помните, я говорил вам в самом начале нашего знакомства, что на десятом уровне вы сможете изменить ваш профиль? Вы больше не лох. Официально присваиваю вам профиль РПГ — Рыцарь Полуночного Грома. Вот, потрудитесь ознакомиться, — Консультант открыл ноутбук, развернул его ко мне дисплеем, чтобы я мог прочесть следующий текст:

Рыцарь Полуночного Грома:
Здоровье — 100
Магия -25
Обаяние -50
Выносливость — 100
Боевые навыки — 70
Начальный капитал — текущий
Получены очки опыта: — фехтование — 2 — выживание — 5 — здоровье — 3 — боевые навыки — 2 Получено: репутация + 10 Особые способности: фехтовальщик, стрелок, Дары: Ловкая Рука, Обольщение Недостатки: Венец Безбрачия, Страх темноты.

— Я что, больше не вампир? — Я боялся поверить в то, что было на дисплее.

— Нет. Приняв зелье Бениципуса, вы умерли. По правилам игры наши специалисты по Анастазису воскрешают вас в том качестве, в котором вы находились на момент гибели. Вы не

прошли Евхаристию Кровью, соответственно, ваш вампиризм не стал необратимым. В этом случае вы не можете быть воскрешены, как вампир. Сожалею, но вы утратили все те качества, которые получили, став вампиром… Что с вами?

— Ничего, ничего, — я поборол сильнейшее желание обнять и расцеловать Консультанта. — Так вот почему Марика хотела, чтобы я напился крови!

— Вы сумели решить задачу, которую до вас никто не сумел решить. Я имею в виду фазу вампира. До вас все игроки воленс-ноленс становились очередным графом Коловашии, и продолжение Главного Квеста при этом становилось для них невозможным. Происходило зацикливание игры. Ошибка. Баг, как принято говорить у геймеров. Подобная фатальная ошибка была неизбежна, поскольку Демиург не завершил свое творение.

— Почему вы не рассказали мне о Даниле Савичеве с самого начала?

— Алгоритм игры, мой друг. Я подчиняюсь ему точно так же, как и вы. Информация о Демиурге открывается только после прохождения точки «Замок Чоп». Вы первый сумели преодолеть эту точку и получить Откровение.

— Как получилось, что сказка умершего мальчика стала реальностью?

— Вы очень мало знаете об информационном поле, мой друг. Миры Большой Ойкумены часто создаются силой воображения. Демиург создал наш мир своим словом, своей мыслью. Обычное дело для Большой Ойкумены.

— Но сказка осталась незаконченной.

— Вам предстоит ее закончить. Теперь у вас есть новая цель.

— Постойте, а реликвии Заламана?

— Хотите знать, что они из себя представляют? Это реликвии Демиурга, те предметы, которые были с ним в больнице до последнего часа.

— С плейером все понятно. А остальные вещи — говорящий бриллиант, «Аль-Рисалат», медальон Гранстона?

— В вашем мире они выглядели и назывались по-другому. Бриллиант Эль-Шаба был игрушкой-тамагочи, «Аль-Рисалат» — Детской Библией, амулет Венсана Уйе — иконкой на гайтане, которую носил Демиург. В нашем мире они утратили первоначальную форму и обрели новую. Ту, что придумал для них Демиург. Примерно так же, как и вы из Алексея Осташова превратились в Рыцаря Полуночного Грома. Только Слово Создателя не изменило своей формы, поскольку в нашем мире нет его магического эквивалента.

— А пятая реликвия, круглый ключ?

— Вот ее-то вам и придется найти. Только с его помощью вы сможете закончить недописанную сказку Демиурга и восстановить реальность в том виде, какой она была до Вторжения. Это единственный из магических предметов, который не связан с Демиургом.

— Теперь мне все понятно.

— Ах, простите, я совсем забыл. При переходе на десятый уровень вам положены призы. Вы можете получить: деньги — 1500 дукатов, либо 25 единиц маны, комплект стальных рыцарских доспехов — это второй класс брони стоимостью в 550 дукатов. Четвертый приз, как всегда, магические способности — 30-секундный щит на себя.

— Пожалуй, я остановлюсь на магии. Без нее в вашем мире никуда.

— Это вы верно заметили, мой друг.

— Один вопрос: что значит «аргентальная»?

— А, это вы о своей катане? Аргенталь — это сплав стали и серебра с добавлением некоторых специфических компонентов. Наиболее эффективное оружие против любого противника, будь то человек или магическое существо.

— Разве можно изготовить сплав серебра и стали?

— В нашем мире возможно все. Уверен, что меч Такео сослужит вам хорошую службу.

— Что мне делать дальше?

— Вы меня спрашиваете? Это уж вам решать. Выбор за вами. Я помогаю вам, но не вожу вас за ручку. И помните, что у вас осталась всего одна возможность воскрешения.

— Конечно. Я бы хотел встретиться со своими друзьями.

— Вы вольны встретиться с кем угодно. Найти выход отсюда очень просто: направо по коридору и вниз. Желаю успеха.

* * *

За дверью были Колошары. Узкая, грязная улица, малоприятные запахи, убогие покосившиеся дома. Но все это было совсем неважно, потому что с неба светило яркое солнце. Я закрыл глаза, поднял к солнцу лицо, ощутил на коже солнечное тепло и чуть не заплакал от счастья. Как, оказывается, мало нужно человеку, чтобы быть счастливым! И каким же несчастным он становится, если лишается таких простых и привычных вещей — например, возможности в погожий летний день просто побыть на солнышке.

Улочка оказалась короткой, и сразу за поворотом открылась

маленькая грязная площадь, а на ней красовался желтый фургон с надписью «Клуб одиноких сердец сержанта Пеппера». Хатч сидел на козлах и что-то задумчиво наигрывал на гитаре. Его слушателями были стайка чумазых мальчишек и несколько дворняг. Я подошел ближе и громко сказал:

— Сыграй что-нибудь из «Лэд Зеплин», бард.

— Леха? — Хатч подскочил на козлах, уставился на меня безумными глазами, а потом бросился ко мне, хохоча во все горло. — Лееееехааа! Хрен тебя забери, ты где был?

— Ой, далеко, старичок! — Я сжал менестреля в объятиях. — Так далеко, что отсюда не увидишь.

— Леха! — Хатч просто сиял от радости. — А мы, блин, так волновались. Ты же ничего не сказал, куда ушел, зачем. Мы с Тогой изпереживались за тебя. Однако какие мы! Меч у него новый. Самураев рубал?

— Хуже. Тут такое было, в двух словах не расскажешь. Такого насмотрелся, что хоть галоперидол принимай. Но дело сделано, брат. Мы теперь, как говорится, вышли на новый уровень. А где Тога?

— У мага. Живет тут неподалеку один волшебник-кустарь, так Тога к нему в гости зачастил. Говорит, у этого волшебника полно всяких интересных вещиц… Ну ты, конь питерский, ей-Богу! Где ж тебя мотало столько времени?

— Сколько времени?

— Четыре дня. Хоть бы весточку какую о себе подал.

— Не мог, Валерчик. Оттуда, где я был, письма не доходят.

— А ты все-таки порядочный урод, Леха, — с упреком сказал Хатч, глядя на меня. — Ушел по-английски, ничего не сказал. Кинул нас, если по совести говорить. Решил в одиночку геройствовать? Нехорошо так, не по-нашему.

— Так было нужно. Давай забудем об этом. Важно другое: что вы меня ждали и не свалили отсюда. Видишь, оказывается, не зря ждали.

— Слушай, а Марика где? Она ведь после твоего ухода не появлялась.

— Знаешь, мне это неинтересно. Я бы ее еще сто лет не видел. И не напоминай мне о ней.

— Поругались? Развод и девичья фамилия? — Хатч подмигнул мне. — Хотела тебя женить на себе?

— В самую точку.

— Чурбан ты, Леха. Такая девушка! Я бы с ней пообщался на предельно близкой дистанции.

— И это говорит женатый человек! Забудь про Марику. Она была совсем не та, за кого себя выдавала.

— Постой, постой, — Хатч попятился от меня. — А как это ты можешь на солнце стоять? Неужели…

— Победа, Валерчик, — я открыл рот, показывая зубы. — Чистая победа. Я теперь человек. Будто родился заново.

— Ну, это дело надо обмыть! — заявил Хатч. — С тебя бутылка.

— Бутылка? Ящик, братан! Сейчас идем за Тогой — и гулять. До смерти хочется хорошо прожаренного шашлыка и много-много винища. Красненького. А потом валим из Коловашии. Мои дела здесь закончены.

— Куда теперь?

— Пока не знаю. А не все ли равно, куда отправиться? Мы теперь странствующие рыцари, значит, будем странствовать.

— И искать на задницу приключений? — Хатч сощурился и внезапно расплылся в широкой улыбке. — Легко. Может, нам все-таки удастся выбраться отсюда домой.

— Удастся, Валерчик. Колдуном буду, удастся. Скажу тебе так: у нас появился шанс. Реальный. Только попахать придется не по-детски.

— Значит, попашем. — Хатч быстро зачехлил гитару. — Ну, что, идем за Тогой?

— Ага. Вы тут, наверное, уже все изучили, сто пудов знаете местечко, где можно хорошо оттянуться.

— У мадам Галуштяну самое то, — заверил Хатч. — Вино хорошее, и еще отличное мясо в горшочках, с красным перцем и зеленью. Мммм, полный рулезз!

— Мясо с кровью? Без крови я не согласен.

— Лех, ты чего? — Хатч перестал улыбаться.

— Да пошутил я! — Я засмеялся. — У-у-у-у, я злой вампир! Сейчас укушу!

— Шутки у тебя дурацкие. Я уж подумал, опять у тебя началось…

— Расслабься, Валерчик. С вампирами временно завязано. *«Мы продолжаем Главный Квест. Для чего, почему?»* — пропел я на мотив кавээеновского гимна. — Солнце-то какое! Прямо Анапа. Пошли, у меня от голода в животе бурчит. Самое время забыть про спасение миров ради хорошего куска говядины.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ
Июль — сентябрь 2008 года